

РЗФ

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

1

ЯНВАРЬ-ФЕВРАЛЬ

1 9 6 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва

Редакционная коллегия:

Главный редактор член.-корр. АН СССР С. П. Толстов,
Н. А. Баскаков, член.-корр. АН СССР А. В. Ефимов, М. О. Косвен,
П. И. Кушнер, М. Г. Левин, Л. Ф. Моногарова (зам. главного редактора),
А. И. Першиц (зам. главного редактора), Л. П. Поталов, И. И. Потехин,
Я. Я. Рогинский, академик М. Ф. Рыльский, В. К. Соколова,
Л. Н. Терентьева, Н. Н. Чебоксаров, В. Н. Чернецов
Ответственный секретарь редакции О. А. Корбе

Журнал выходит шесть раз в год

Технический редактор Н. А. Колгурина

Адрес редакции: Москва В-36, 1-я Черемушкинская, 19

Т-02847 Подписано к печати 21/II 1962 г Тираж 2015 экз. Зак. 410
Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Бум. л. 4¹/₂ Печ. л. 12,33+2 вкл. Уч.-изд. л. 15,

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., д. 10

ЗАДАЧИ СОВЕТСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ В СВЕТЕ РЕШЕНИЙ XXII СЪЕЗДА КПСС

XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза развернул перед советским народом величественную программу построения коммунистического общества. В связи с этим огромная ответственность ложится на все отрасли советской науки. Программа КПСС провозглашает, что «...применение науки становится решающим фактором могучего роста производительных сил общества»¹. На науку возлагаются задачи отыскания и эффективного использования в интересах народа природных богатств, разработки наиболее важных теоретических и практических проблем, решение которых будет способствовать резкому повышению уровня развития народного хозяйства, постановки таких исследований в области естествознания и общественных наук, которые быстрой образом способствовали бы достижению намеченной в Программе КПСС великой цели.

Путь, по которому наше советское общество идет к коммунизму, требует мобилизации не только материальных и технических ресурсов страны, но и всех творческих сил народа. Люди, этот важнейший элемент производительных сил, их духовный рост, их творческие способности к тому или иному виду деятельности на благо народа, условия, в которых эти способности могут проявиться наиболее полно — всё это факторы первостепенной важности, ставящие ответственные задачи перед физиологией, психологией, кибернетикой и многими другими науками. Большое значение в этих условиях приобретает и антропология, изучающая физический тип человека на всех этапах развития человеческого общества, в разной биологической и общественно-исторической среде.

Еще Ф. Энгельс в «Диалектике природы» определил антропологию как «переход от морфологии и физиологии человека и его рас к истории»².

Общеизвестно, что на современном этапе развития науки наиболее перспективны те отрасли знания, которые находятся на стыке разных научных дисциплин. Достаточно вспомнить успехи, достигнутые в таких новых пограничных областях, как физическая химия, биохимия, биофизика и др. Антропология по своему содержанию относится именно к такого рода дисциплинам. Такие разделы, как изучение эволюционной анатомии человека, физического развития человека на разных этапах антропогенеза, изучение экологии высших приматов и гоминид — непосредственных предков человека, теснейшим образом сближают антропологию с кругом биологических и географических дисциплин — зоологией, сравнительной анатомией, геологией и палеогеографией четвертичного периода.

Изучение морфологии современного человека в самом широком понимании термина «морфология», включающем изучение как челове-

¹ «Материалы XXII съезда КПСС», М., 1961, стр. 415.

² Ф. Энгельс, Диалектика природы, М., 1950, стр. 146.

ского организма в целом, так и вариаций строения отдельных систем органов и тканей, также тесно смыкается с медициной. Исследование конституции, физического развития и других особенностей строения в возрастном, половом и профессиональном разрезе, изучение человека в «норме» — необходимое условие для изучения его патологии, для борьбы с разного рода заболеваниями, для проведения системы профилактических, гигиенических и других медицинских мероприятий.

Связь антропологии с циклом исторических наук вряд ли менее многообразна. Изучая проблемы происхождения человека, изменение его физического типа на разных этапах эволюции, особенности морфологии архантропов, палеоантропов и человека современного вида, антропология выступает в тесном содружестве с историей первобытного общества, изучаемой археологами и этнографами.

Огромное значение имеет та область антропологии, которая занимается проблемами расоведения. Разрабатывая вопросы происхождения отдельных антропологических типов, изучая смену расовых типов на той или иной территории, сопоставляя антропологический состав современных народов с типом древнего населения, антропология непосредственно служит решению исторических задач.

Вряд ли требуется доказывать значение антропологического материала для решения таких важных проблем как происхождение речи, происхождение сознания и т. д. В этой области антропология смыкается с философией и психологией.

В постановке и решении всех перечисленных проблем советская антропология имеет серьезные заслуги. Большое количество конкретных исследований в самых разнообразных областях, вводящих в науку обстоятельный и свежий материал, статьи и монографии по теоретическим, философским вопросам антропологии, внедрение практических результатов антропологических работ в практику народного хозяйства, активная борьба с расистскими и другими реакционными теориями — все это может быть включено в актив советской антропологии. Однако наряду с этим мы имеем области, в которых советские антропологи работают недостаточно активно и где перед ними открыто широкое поле деятельности.

Многие кардинальные проблемы антропогенеза впервые получили освещение в советской антропологической литературе. К их числу относятся развитие конкретными материалами теории Ф. Энгельса о роли труда в процессе очеловечения обезьяны, вопрос о факторах формообразования на разных этапах антропогенеза, обстоятельная аргументация теории неандертальской стадии в процессе антропогенеза, проблема происхождения человека современного вида и др. В трудах советских антропологов была показана несостоятельность концепций, отрывающих *Homo Sapiens* от его ископаемых предков и приписывающих ему неоправданно большую древность.

Советские антропологи внесли свою лепту и в накопление конкретных материалов по ископаемым гоминидам, детально описав костные останки неандертальцев, найденные на территории Советского Союза. Тем не менее можно, не боясь преувеличения, сказать, что советским антропологам приходится решать основные проблемы антропогенеза на материалах, описанных зарубежными исследователями. На территории СССР открыто слишком мало остатков древних гоминид, поиски их ведутся недостаточно активно и без плана. Усиление археологического исследования древнейших палеолитических стоянок со специальной целью обнаружения остатков ископаемых гоминид является насущной задачей в области антропогенеза на ближайшие годы.

Перед исследователями проблем антропогенеза — проблем большого мировоззренческого значения — стоит задача более глубокого изучения теоретических вопросов. Смена биологических закономерностей со-

циальными, происхождение мышления и речи, роль сознания на разных этапах антропогенеза, возникновение простейших эстетических представлений — все это вопросы, при решении которых значительную роль играют антропологические материалы, но которые могут быть решены только соединенными усилиями работников разных специальностей. К сожалению, на страницы нашей научной и популярной литературы проникают публикации, развивающие упрощенные, а иногда и прямо неверные представления, вроде концепции об «инстинктивном» труде древних гоминид. Подобные взгляды справедливо были встречены жестокой критикой со стороны нашей научной общественности. Серьезное рассмотрение кардинальных проблем антропогенеза с позиций диалектического и исторического материализма, дальнейшее развитие марксизма-ленинизма в науке о первобытном обществе составляют основную задачу советских антропологов в теории антропологии. Решение этой задачи возлагает огромную ответственность на Научный совет по проблеме происхождения человека и истории первобытного общества, который должен быть создан при Отделении исторических наук Академии наук СССР.

Этническая антропология и расоведение развивались у нас в тесном контакте с изучением проблем этногенеза. Поэтому на методические вопросы использования антропологического материала в качестве исторического источника было обращено особое внимание. Антропологический материал широко использовался для решения проблем происхождения современных народов. Обстоятельное освещение палеоантропологических материалов позволило нарисовать картину взаимоотношений и смены расовых типов древнего населения СССР.

Однако интенсивная обработка палеоантропологических и соматологических материалов и их историческая интерпретация, требующие значительных усилий, ослабили внимание советских антропологов к теоретическим вопросам расоведения. Многие теоретические вопросы — факторы расообразования, происхождение рас, характер распределения признаков в смешанных популяциях, наследование расовых признаков и многие другие — разрабатываются недостаточно энергично. В значительной мере результатом этого отставания является и сравнительно малая разработанность вопросов методики расовых исследований. Разнобой, существующий в подходе к анализу антропологического материала даже между антропологами стран социалистического лагеря, делает настоятельно необходимым дальнейшее изучение всех этих методологических и методических вопросов и повышение теоретического уровня расоведческих исследований.

Особенно многообразные и важные задачи стоят в настоящий момент перед морфологией человека. Широкое использование биологических и математических методов исследования в этой области антропологии позволило ей выйти из младенческого состояния, в каком она находилась до Октябрьской революции. Выполненные в советское время многочисленные исследования по конституции, физическому развитию, возрастной изменчивости человеческого организма существенно обогатили наши знания в этой области и дали возможность использовать результаты научных исследований в практических целях.

Однако развитие многих областей морфологии отстает от требований, которые ставятся практикой. Возникнув как ответ морфологов на огромное количество как клинических, так и экспериментальных наблюдений, учение о конституции развивалось в тесном содружестве с физиологией. В ряде работ советских морфологов была дана функциональная характеристика различных конституционных типов, показана связь их с другими морфологическими особенностями человеческого организма, произведена попытка характеристики болезненных состояний человека в сопоставлении с конституциональными типами. Однако за послед-

ние годы работы в этой области ведутся антропологами недостаточно интенсивно. Без развертывания дальнейших исследований нельзя в полной мере использовать учение о конституции в медицинской практике. Большое значение для педиатрии, педагогики, постановки физического воспитания в школе и т. д. имеет изучение возрастной изменчивости конституционных типов.

Не менее актуальны исследования вопросов физического развития, которые всегда занимали большое место в работе советских антропологов-морфологов. Работы в этой области ведутся в различных, главным образом педиатрических, учреждениях. Однако объем их явно недостаточен. Необходимо организовать исследования по этой тематике в разных республиках и районах Советского Союза, заранее разработав и согласовав программу исследований и обеспечив ее выполнение на должном уровне.

С работами в этой области связаны и исследования по спортивной антропологии. Ведущиеся в этом направлении исследования нельзя признать достаточными, особенно если учесть все более и более возрастающее в нашей стране значение физической культуры и спорта.

На протяжении многих лет советские антропологи разрабатывают вопросы использования антропологических данных с целью создания стандартов предметов широкого потребления — обуви, одежды и пр. Эти работы получили признание практиков и имеют, помимо своей прикладной ценности, и важное теоретическое значение для понимания общих закономерностей изменчивости человеческого тела. Растущее благосостояние советского народа, все более и более развивающееся производство предметов широкого потребления требуют особого внимания к этой области прикладной антропологии. Следует указать на необходимость сбора дополнительных материалов по ряду народов Советского Союза и более широкого и всестороннего внедрения в промышленность уже разработанных стандартов образцов обуви и одежды.

Необходимо развивать работы и по другим проблемам морфологии человека: в области сравнительной морфологии, онтогенеза организма в целом и его отдельных органов.

Одним из наиболее отстающих участков продолжает оставаться изучение наследственности у человека. Отсутствие серьезных и широких исследований в этой области тормозит развитие не только морфологии человека, но и разработку важнейших теоретических вопросов во всех других разделах антропологической науки.

Необходимо продумать и осуществить систему координации морфологических исследований, ведущихся в разных учреждениях нашей страны, без чего не избежать ненужного параллелизма и распыления сил весьма немногочисленных кадров морфологов.

Говоря о задачах антропологической науки, мы должны подчеркнуть ее роль в борьбе с расизмом. Было бы ошибочно считать, что расизм, дискредитированный чудовищными злодеяниями немецких фашистов, перестал играть свою реакционную роль. Он продолжает существовать в самых разнообразных формах — от откровенной пропаганды идеи о высших и низших расах и основанной на ней политике расовой сегрегации до завуалированных расистских рассуждений о разных моделях культур.

В программе КПСС сказано: «Империалистическая реакция широко использует **шовинизм и расизм** для разжигания националистических и расовых конфликтов, травли целых национальностей и рас (антисемизм, расовая дискриминация негров, народов слаборазвитых стран), для затемнения классового сознания трудящихся, отвлечения пролетариата и его союзников от классовой борьбы»³. Советские антропологи

³ «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 359.

всегда страстно и последовательно выступали против расистской идеологии во всех ее формах. Однако в последние годы этой важнейшей теме уделялось явно недостаточное внимание. Расистские и шовинистические взгляды находят широкое место на страницах американской, южноафриканской, западногерманской печати и во многих других капиталистических странах. Разоблачение этих взглядов является важнейшей задачей советских антропологов, и ей должно быть уделено большое внимание.

Развитие антропологической науки требует кардинального улучшения техники исследований. Надо подчеркнуть, что техническая оснащённость антропологических работ непростительно отстаёт. До настоящего времени антропологи используют простейшие инструменты, предложенные ещё во второй половине прошлого века. Не отказываясь от испытанных старых инструментов, необходимо разрабатывать и внедрять в практику новые инструменты и приборы для антропометрических исследований. Давно назрела пора заменить мало пригодные шкалы определения пигментации, используемые сейчас в исследованиях по этнической антропологии. Необходимо смелее внедрять в работу антропологов точные химические и физические методы исследования.

На современном этапе развития антропологической науки, когда широкое использование математических методов анализа материалов завоевывает все большее и большее признание, нельзя уже обходиться без специальной вычислительной техники. Контакт антропологов с математиками сейчас, к сожалению, почти отсутствует; необходимо наладить и развивать его.

В 1964 г. в Москве состоится VII Международный конгресс антропологов и этнографов. Этот конгресс должен явиться смотром наших сил; на нем советским антропологам предстоит выступить по важнейшим проблемам антропологической науки, показать итоги своих исследований. Подготовка к конгрессу должна явиться стимулирующим фактором для развития новых областей антропологии, способствовать координации работ между различными антропологическими учреждениями и научными центрами смежных специальностей, содействовать развитию антропологических исследований в союзных и автономных республиках, университетских городах нашей страны. Перед советскими антропологами стоят важные и ответственные задачи.

Воодушевленные решениями XXII съезда КПСС, советские антропологи приложат все свои силы для дальнейшего развития науки, служащей делу построения коммунизма в нашей стране.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

С. М. МИРХАСИЛОВ

КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ УЗБЕКСКОГО КИШЛАКА НИЯЗБАШИ

На правом берегу р. Чирчик в 30 км от Ташкента и 3 км от г. Янги-Юля на землях древнего кишлака Ниязбаши расположен колхоз им. Ленина — один из крупнейших в Ташкентской области. Колхоз объединяет 1858 крестьянских дворов. Ему принадлежит 5735 га земли, из которых 4482 га занято под посевами различных сельскохозяйственных культур.

Хлопководство — ведущая отрасль хозяйства колхоза, оно по существу определяет всю его экономику. Так, в 1959 г. хлопком было засеяно 2950 га и собрано с каждого гектара в среднем по 27,18 ц. Общий доход колхоза составил свыше 31 млн. рублей, из них около 25 млн. дал хлопок. Полностью был выполнен план поставок государству, колхозники получили на каждый трудодень по 18 р. 50 к. деньгами и по 2,5 кг зерна.

За последние годы достигнуты значительные успехи в осуществлении комплексной механизации работ по хлопководству. Постепенно механизуется наиболее трудоемкий процесс — уборка хлопка, поглощавшая прежде до половины всех трудовых затрат. В 1960 г. из 7750 тонн хлопка, сданного государству, машинами было собрано 1048 тонн, т. е. столько, сколько собрали бы вручную 300 человек за весь сезон уборочных работ.

Для подготовки своих технических кадров в Ниязбаши в 1960 г. были организованы курсы. В настоящее время в колхозе 157 механизаторов, среди них последовательница Турсуной Ахуновой — комсомолка Турсуной Фазылова, в прошлом выдающаяся сборщица хлопка ручным способом. В 1960 г. она собрала машиной 141 тонну хлопка.

Быстрый рост культуры земледелия и производительности труда требует от колхозников, и в первую очередь от руководителей колхоза, агрономов, бригадиров, механизаторов, постоянного повышения знаний. Учитывая это, Янги-Юльский районный комитет партии и райисполком организовали агротехнические курсы, где колхозники прослушали лекции и беседы специалистов, познакомились с новыми усовершенствованными сельхозмашинами.

С каждым годом укрепляется экономика колхоза, становится все более обеспеченной жизнь колхозников, растет и благоустраивается узбекский кишлак Ниязбаши.

* * *

Неприглядную картину представлял собой до революции кишлак Ниязбаши. Вдоль узких и кривых улочек беспорядочно располагались небольшие глинобитные домики дехкан. Каркасные дома имелись только

у зажиточных. Железных крыш в кишлаке не было: в традицию прочно вошли более дешевые глиняные. Кроме того, в народе существовало мнение, будто бы трава, вырастающая на глиняной кровле, приносит счастье. Оконные проемы обычно закрывались деревянными ставнями (дарича), а в домах бедняков иногда вместо окон в стене, обращенной во двор, делалось небольшое сквозное отверстие. Лишь в трех домах богатей были застекленные окна. Для освещения жилищ основная масса дехкан пользовалась коптилкой — кора чирок.

В кишлаке, по сведениям старожиллов, насчитывалось около 1000 хозяйств. Подавляющее большинство населения было неграмотным.

Дети учились в мактабах при мечетях (до революции в Ниязбаши было 12 мечетей) или на дому у мулл. Сами невежественные, муллы не могли дать детям настоящих знаний. Местный житель Э. Мирзамуратов вспоминает, что из всех детей, обучавшихся вместе с ним в мактабе у муллы Халика, только двое — он и А. Рахматуллаев постигли грамоту, остальные так ничему и не научились. Нередко вместо учебы дети выполняли различные работы в доме муллы. Но и такое «образование» получали обычно лишь дети из состоятельных семей. Беднякам было трудно платить за обучение, да и их дети с 10—12 лет, а иногда и раньше, помогали по хозяйству дома или работали на баев.

Темнота, бесправие и постоянная нужда были уделом крестьян.

Великая Октябрьская социалистическая революция и победа социализма в СССР внесли коренные изменения в жизнь всех трудящихся, в том числе и крестьян кишлака Ниязбаши. Утверждение колхозного строя обеспечило подъем их материального и культурного уровня.

После организации колхоза в Ниязбаши особенно широко развернулись работы по ликвидации неграмотности среди взрослого населения. В 1930 г. здесь работали 4 пункта ликбеза, в 1931 г. число их увеличилось до пятнадцати. Не только мужчины, но и женщины-узбечки охотно посещали ликбезы.

Первая советская школа была открыта в кишлаке в 1918 г. Специально построенного школьного здания тогда не существовало, и занятия проводились в домах, принадлежащих прежде баям. Наиболее трудно-разрешимым оказался вопрос привлечения в школу девочек. В то время пережитки прошлого были еще очень сильны в сознании людей. В частности, прочно держалось мнение о том, что девочкам необязательно учиться, грамота им не нужна. Даже в 1930 г., несмотря на введение всеобщего начального обучения, вопрос о привлечении девочек оставался узким местом в учебно-педагогической работе.

К 1934—1935 гг. относится строительство нового школьного здания, в нем и поныне располагается одна из восьмилетних школ кишлака. В 1936 г. начальная школа была преобразована в семилетнюю, а в 1939 г. — в полную среднюю.

Еще более сложным оказалось обеспечить посещение девочками семилетней и средней школы. Только благодаря большой разъяснительной работе, проведенной общественностью кишлака, в первую очередь подколлективом, в конце 1930-х годов увеличилось число учениц в 5—7 классах, а в послевоенные годы и оканчивающих десятилетку. В 1956/57 учебном году из 138 выпускников средней школы было 38 девушек.

Всего за 10 лет — с 1950 по 1960 год, ниязбашскую среднюю школу окончили 597 человек. Эта значительная для кишлака цифра свидетельствует о большой роли школы в развитии культуры. В настоящее время все дети школьного возраста охвачены учебой. Всего в школах кишлака обучается свыше 1700 человек.* Известно, что в Англии на каждые 10 тыс. жителей города и деревни число учащихся общеобразовательных школ составляет 1552 человека, во Франции — 1362, в ФРГ —

1175, в Турции 929 человек¹. Узбекский кишлак Ниязбаши с населением в 10 тыс. человек, в прошлом почти сплошь неграмотным, сейчас по числу обучающихся перегнал наиболее развитые капиталистические страны.

В последние годы партия отметила как серьезный недостаток в работе школ отрыв обучения от жизни, слабую подготовленность оканчивающих школу к практической деятельности. В соответствии с принятым Верховным Советом Узбекистана «Законом об укреплении связи

Рис. 1. Экзамен по истории СССР в 10 классе средней школы № 14, 1961 г.

Фото Е. Н. Юдицкого

школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в Узбекской ССР» перестраивается и работа школ кишлака Ниязбаши. Начальные и семилетние школы с 1960 г. преобразованы в восьмилетние, средняя школа — в одиннадцатилетнюю. Таким образом, в кишлаке сейчас четыре восьмилетних и одна одиннадцатилетняя школа. К 1960/61 учебному году правление колхоза предоставило школам свыше двадцати различных помещений и все школы перешли на односменные занятия. Это дало возможность улучшить внеклассную работу с учащимися и усилить политехническое обучение.

Школы имеют земельные участки, где ученики выращивают хлопков, кукурузу и другие сельскохозяйственные культуры. В 1959 г. школьники сами разводили шелковичных червей; с двух коробок грены они получили по 74 кг шелковичных коконов, вместо 42 кг, предусмотренных по плану.

В политехнизации обучения колхоз оказывает школе всемерную помощь. Так, правление колхоза приобрело 10 машин для швейной мастерской, и школьницы с увлечением учатся кройке и шитью; построило здание слесарной мастерской, где ведутся занятия по слесарному и токарному делу; организовало изучение различных сельскохозяйственных машин в тракторном парке колхоза (занятия ведут колхозные механики), предоставило школьникам грузовую автомашину, обеспечило проведение отдельных уроков по сельскому хозяйству непосредственно в полеводческих бригадах и т. д.

Политехнизация играет большую роль в учебно-воспитательной работе школы. Учащиеся знакомятся с полным комплексом агротехнических мероприятий, привыкают уважать и любить труд; у них пробуждается интерес к сельскому хозяйству. Теперь многие окончившие сред-

¹ А. Алимов, *Завтрашний день Узбекистана*, М., 1959, стр. 78.

ную школу остаются работать в своем колхозе. Так, в 1959 г. из 43 выпускников средней школы около 30 остались в колхозе. Некоторые из них уже овладели профессиями механизаторов, шоферов и др.

Большое влияние на культурную жизнь кишлака оказывает многочисленная местная интеллигенция: учителя, агрономы, экономисты, врачи, инженеры, зоотехники, механизаторы и т. д. В кишлаке 900 человек имеют среднее образование, свыше 260 получили за годы Советской власти высшее образование, около 150 учатся в вузах и техникумах.

Высшее образование имеют, например, директор средней школы А. Курбанов, которому за подвиг в Отечественной войне присвоено звание Героя Советского Союза², врач Т. Саидов, один из первых фельдшеров, а затем первый хирург в Ниязбаши, учительница С. Юлдашева, одна из первых девушек кишлака, получившая высшее образование, и многие другие.

С каждым годом растет число обучающихся заочно. Так, в настоящее время заочниками высших учебных заведений Ташкента являются председатель Ниязбашского сельсовета Д. Рихсибаев, секретарь партийной организации колхоза Т. Ниязова, учительницы А. Абдурахманова и Н. Эрғашева, заместитель председателя колхоза Э. Кучкаров (аспирант сельскохозяйственной академии) и другие. Председатель колхоза им. Ленина Э. Авазов заочно оканчивает Высшую партийную школу. Из 40 учителей средней школы 25 имеют высшее образование, 15 учатся заочно.

Многие уроженцы Ниязбаши после окончания средних и высших учебных заведений стали работать в других районах Узбекистана. Среди них врачи У. Очилов, М. Меликбаев, Б. Хакимбаев, юрист А. Саидахмедов, учительницы Н. Боймирзаева и М. Эрнazarова и др.

В составе интеллигенции кишлака, особенно за последние 10 лет, заметно увеличилось число женщин (хотя их все еще меньше, чем мужчин). Многие женщины занимают руководящие посты. Так, Т. Ниязова избрана секретарем партийной организации колхоза им. Ленина. Т. Кучкарова работает директором восьмилетней школы им. А. Навои, Н. Мухитдинова — главврач колхозной больницы.

Партийная организация колхоза ведет большую воспитательную работу среди женщин, все шире привлекая их к активному участию в общественной жизни.

В феврале 1961 г. начал работу колхозный университет культуры для женщин, что свидетельствует о возросшей тяге узбекских колхозниц к знанию.

Созданы в кишлаке и свои медицинские кадры. До революции в сельских местностях Узбекистана работали всего 19 врачей. Широкое распространение имели заболевания трахомой, паршой, чесоткой, вспыхивали эпидемии чумы, оспы, холеры, свирепствовала малярия. Высокой была смертность детей. Из 100 родившихся умирали на первом году жизни более 30, а в отдельные годы до 60—70 детей.

До революции и даже в первые годы Советской власти больных все еще «лечили» знахари, бахши, муллы. Роженицы обычно прибегали к услугам повитух, что нередко приводило к смертельному исходу. В начале 1930-х годов в кишлаке был открыт фельдшерский пункт, преобразованный в 1940 г. в медицинский пункт. Население все чаще стало обращаться за помощью к врачам.

Особенно вырос авторитет врачей после того, как им удалось ликвидировать в Ниязбаши малярию. Даже бывшие знахари, бахши и муллы стали обращаться в медпункт.

² О Герое Советского Союза А. Курбанове см.: А. С. Казакова, Ими гордится Родина, Изд. АН УзССР, Ташкент, 1961, стр. 94—95.

Так, Нортужи-бахши, долгое время «лечившая» больных³, после уличения в обмане прекратила «практику» и теперь сама, а также члены ее семьи, прибегают в случае заболевания к помощи врачей.

Сейчас в кишлаке имеются своя больница на 25 коек, родильный дом, амбулатория и два медицинских пункта; в этих учреждениях работают три врача и тридцать пять работников средней медицинской квалификации. К услугам ниязбащев также и больницы г. Янги-Юля.

Рис. 2. В читальне колхозной библиотеки, 1960 г.

Фото автора

Хорошо поставлена в Ниязбаши лекционная работа. Здесь организовано отделение Общества по распространению политических и научных знаний, состоящее из четырех секций: общеполитической, научно-атеистической, сельскохозяйственной и экономики сельского хозяйства. Для работы в секциях привлечены колхозные активисты, агрономы, врачи, учителя и др. Тематика лекций разнообразная, освещаются преимущественно интересующие колхозников вопросы. Так, в 1960 г. прочитаны лекции: «Пути повышения урожайности хлопка», «Некоторые вопросы хлопководства», «Международный обзор», «Советский народный суд», «Отношение Коммунистической партии и Советского государства к религии и религиозным учреждениям» и многие другие.

В подъеме культурного уровня населения кишлака большую роль играют библиотеки. В кишлаке имеются колхозная библиотека, библиотека сельсовета и школьные библиотеки. Только в колхозной библиотеке насчитывается свыше 10 тыс. книг и брошюр; среди них сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленина, много произведений отечественной и зарубежной художественной литературы. Библиотека получает все центральные и республиканские газеты, немало журналов, в том числе специальных по различным отраслям знаний. Организована доставка литературы в полеводческие бригады. Колхоз выделил в 1960 г. для подписки на газеты и журналы на 1961 г. более 2,5 тыс. рублей. Библиотекой пользуются около 450 читателей.

Во многих семьях и особенно у представителей интеллигенции кишлака созданы личные библиотеки, что также является важным показателем роста культуры населения.

³ Способ лечения был прост: у больного искусственно вызывалась рвота, во время которой он якобы избавлялся от различных внесенных злым духом предметов — кусочков железа, ногтей и т. д. Предметы эти незаметно подбрасывались самой Нортужи-бахши. После этого совершалось жертвоприношение и кучурук (камлание).

Колхозники читают книги, газеты и журналы в основном на узбекском языке, а сельская интеллигенция, особенно студенческая молодежь, и на русском языке.

Так, колхозник Н. Ортикалиев, окончивший десять классов за один год прочитал кроме газет и журналов более тридцати различных книг. В их числе из переведенных на узбекский язык произведений русских и советских писателей — «Война и мир» Л. Толстого, рассказы И. С. Тургенева, «Мать» и другие произведения М. Горького, «Весна на Одере» Э. Казакевича, «Конец осинового гнезда» Г. Брянцева, «Сын рыбака» В. Лациса и др.; из произведений узбекских советских писателей — «Священная кровь» Айбека, «Учитель» П. Турсуна, «Огни Кошчинара» А. Каххара и др., а также несколько брошюр научно-популярного характера.

Разговорным языком в кишлаке является местный ташкентский говор узбекского языка. Интеллигенция, а также учащаяся молодежь, дома и в общественных местах пользуется литературным узбекским языком.

С каждым годом все большее распространение получает русский язык, растет число желающих изучить его. Если до революции в кишлаке только один человек — Ш. Халмухамедов⁴ владел русским, то сейчас почти все узбекское население знает русский язык.

В. И. Ленин в 1914 году высказал пожелание, «...чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку»⁵. Эта мечта В. И. Ленина сбылась, русский язык стал средством общения народов страны, средством познания неисчерпаемых духовных ценностей русской и мировой культуры.

Один из богатейших языков мира, русский язык оказывает благотворное влияние на развитие узбекского языка⁶.

Почти все колхозные семьи выписывают газеты, главным образом узбекские: «Қызыл Узбекистон», «Тошкент хакикати», «Еш ленинчи», «Янги йул», а также журналы «Муштум», «Узбекистон хотин- кизлари».

5 мая 1957 года начала издаваться газета «Ленинчилар овози» — орган партийной и комсомольской организаций и правления колхоза им. Ленина. Это большое событие в жизни ниязбашцев. До революции на весь Узбекистан издавалась лишь одна газета на узбекском языке, еженедельная, тиражом в 500—600 экземпляров. В кишлаки она, конечно, не попадала.

Колхозная газета «Ленинчилар овози» выходит один раз в десять дней тиражом в 1500 экземпляров. Ее корреспондентами являются колхозники, служащие, учащиеся. На страницах газеты сообщается о важных событиях, происходящих в нашей стране и за рубежом, всесторонне освещается жизнь колхоза, ведется борьба с вредными пережитками прошлого.

Например, в 1960 г. были помещены статьи «О вере в различные приметы», «Религия — враг равноправия женщины», «Мусульманский пост ураза и его вред», «Пора отказаться от бешика», «Святое ли место Занги-Ота» и др. Положительное значение подобных статей несомненно, так как религиозные и некоторые вредные бытовые пережитки все еще не изжиты.

⁴ Ш. Халмухамедов — уроженец Ниязбаши, член КПСС с 1918 г., ныне персональный пенсионер (см. о нем: Х. Ш. Иноятов, Октябрьская революция в Узбекистане. М., 1958, стр. 184).

⁵ В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 55.

⁶ Из русского языка узбекский черпает общественно-политические, научные, технические термины. Из русского языка заимствованы такие слова, как ленинизм, Совет, партия, колхоз, совхоз, агротехника, механизатор и другие. По образцу русских составлены многие новые узбекские словосочетания, например, халклар дустлиги (дружба народов), хурмат тахтаси (доска почета), актуал масала (актуальный вопрос) и др.

В июле 1960 г., например, множество людей приняли участие в молениях на мазаре Султон-бува по случаю праздника Курбан-хаит. Среди них было немало колхозников, не вышедших в этот день на работу. Очевидно партийная и комсомольская организации и правление колхоза не провели соответствующей разъяснительной работы. Борьбу против религиозных и различных бытовых пережитков прошлого необходимо вести систематически, вовлекая в нее широкую общественность.

Сохраняются в кишлаке Ниязбаши и обычаи, связанные с традиционной формой времяпровождения мужчин — «гап». Мужчины по возрастному признаку объединяются в компании. Происходит это обычно зимой, когда у колхозников больше свободного времени. Члены каждой компании поочередно собираются друг у друга, веселятся, беседуют. Угощает всех хозяин дома. В Ниязбаши сейчас насчитывается около пятнадцати таких компаний, в каждой из которых по 10—15 и более человек. Женщины в них участия не принимают.

В современных условиях такая форма времяпровождения, как «гап», несомненно является устаревшей. Это — пережитки очень древнего обычая, связанного с делением общества на поло-возрастные группы — обычая, несовместимого с нашим бытом⁷.

Под влиянием социалистического уклада жизни место религиозных праздников заняли новые, советские. В традицию вошло торжественно отмечать 1 Мая, годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. В эти дни нарядно одетое население выходит на демонстрацию. В бригадах устраивается праздничное угощение. Вечером в клубе обычно проводится концерт с участием артистов из Ташкента, Янги-Юля и школьной самодеятельности.

Весело отмечается и Новый год, во многих семьях бывают елки для детей.

Все большее распространение приобретают коллективные встречи праздников, причем собираются не только родственники, но и товарищи по работе, друзья. Нередко к празднику стараются приурочить различные семейные торжества. Так 1 мая 1961 г. в Ниязбаши состоялось 8 свадеб. Эти новые черты в быту узбекского кишлака свидетельствуют об изживании прежней семейной замкнутости.

Большую роль в развитии культуры и борьбе с различного рода пережитками призваны играть клубы. В Ниязбаши есть колхозный клуб, там иногда проводятся различные собрания, беседы, лекции; выступают концертные бригады и театральные группы, приезжающие из Ташкента и Янги-Юля, почти ежедневно вечерами демонстрируются кинофильмы, в том числе дублированные на узбекский язык. Но этим пока и ограничивается работа клуба; досуг колхозников фактически не организован, слабо проводится культурно-массовая работа. Художественная самодеятельность существует только в школах.

«От культурного роста населения, — говорится в Программе КПСС, в огромной мере зависит подъем производительных сил, прогресс техники и организация производства...»⁸. Этим подчеркиваются неразрывная внутренняя связь и взаимообусловленность экономического и культурного развития общества.

Необходимо по-настоящему развернуть в кишлаке клубную работу, выявить имеющиеся в колхозе таланты, организовать художественную

⁷ В некоторых колхозах Ташкентской области в компании входят мужчины со своими женами. Это новое явление, свидетельствующее о коренном преобразовании архаичных, традиционных форм проведения досуга, имеет место главным образом среди сельской интеллигенции. Оно заслуживает всяческой поддержки.

⁸ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», «Материалы XXII съезда КПСС», М., 1961, стр. 418.

Рис. 3. Детский сад в кишлаке Ниязбаши, 1961 г.

Фото Е. Н. Юдицкого

Рис. 4. Жилой дом колхозника на одной из центральных улиц кишлака, 1961 г.

Фото Е. Н. Юдицкого

самостоятельность, изучить и по мере возможности удовлетворять культурные запросы трудящихся различных возрастных групп.

Рост и укрепление колхоза, подъем материального благосостояния и культуры населения сказались и на внешнем облике кишлака. По существу здесь создан большой новый колхозный поселок. Строительство его началось во второй половине 1930-х годов; прерванное Великой Отечественной войной, оно было продолжено в послевоенные годы. В кишлаке проложено шесть новых улиц, расширены три старые. Магистральная улица, связывающая Ниязбаши с г. Янги-Юлем, и некоторые другие, общей протяженностью в 6 км, асфальтированы. На одной из окраинных улиц расположился комплекс типовых хозяйственных построек колхоза. Неподалеку от него сооружается водонапорная башня. Новые здания детского сада, больницы, аптеки, средней школы, правления колхоза, сельсовета, двух магазинов, колхозной бани и

др. очень украсили поселок. Завершается строительство двухэтажного здания колхозного клуба.

Правлением и партийной организацией колхоза успешно решается вопрос об обеспечении колхозников благоустроенными жилищами. Уже построены и продаются колхозникам в рассрочку более 60 двухкомнатных и четырехкомнатных домов.

Денежные ассигнования на строительство ежегодно увеличиваются. Если в 1951 г. колхоз израсходовал на это всего 108 тыс. рублей, то в 1959 г. уже 2,5 млн. рублей.

Большой размах получило в кишлаке и индивидуальное строительство домов колхозниками. За 1951—1960 годы около 800 семей колхозников построили себе новые жилища.

Потребности в кирпиче, необходимом для общественных и индивидуальных построек, обеспечивает колхозный кирпичный завод; дающий в год по два — два с половиной миллиона кирпичей. Есть в колхозе и свои квалифицированные специалисты-строители.

Новые дома по внешнему и внутреннему оформлению отвечают требованиям современной архитектуры. Они просторны, удобны и, в отличие от старых домов, окнами обращены на улицу. В этом отношении ниязбашцы опередили некоторых своих соседей. Например, в колхозе «Ленинизм» Янги-Юльского района Ташкентской области многие из новых домов колхозников обращены фасадом во двор, а глухой стеной выходят на улицу, что является пережитком былой семейной замкнутости и изолированности женщин.

В поселке Ниязбашки прокладывается водопровод. Все дома колхозников электрифицированы. Установлено около 1500 радиоточек. Более 700 семей имеют радиоприемники. С тех пор, как вступил в действие Ташкентский телецентр, многие жители приобрели телевизоры.

Прежде отсталый кишлак Ниязбашки превращается в благоустроенный городской поселок, и это является зримой чертой продвижения узбекского колхозного крестьянства к коммунизму.

SUMMARY

In the Soviet period the Uzbek kishlak of Niyazbashi (Yangi-Yul District, Tashkent Region) has made great economic and cultural progress. The kishlak's large collective farm bearing the name of Lenin, engages in different branches of farming; a new collective-farm settlement has been built.

Before the October Revolution, the people of the kishlak were all illiterate. At present illiteracy among the adult population has been eliminated, and there is a large group of intellectuals among the villagers. All school-age children attend school. Functioning at the kishlak is a collective-farm University of Culture for women, a branch of the Society for the Dissemination of Political and Scientific Knowledge, libraries, and a culture club; a special collective-farm newspaper is published.

The kishlak increasingly acquires the features of a modern urban communities: a running water supply is being installed, electricity and radio are to be found in every house; many families own TV sets.

П. П. ОХРИМЕНКО

О ВЗАИМОСВЯЗЯХ НАРОДНО-ПЕСЕННОГО ТВОРЧЕСТВА ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Восточнославянские народы — русский, украинский и белорусский — издавна находятся в тесных взаимоотношениях, связаны между собой общностью происхождения и дружбой. Эта дружба закалилась в многовековой совместной борьбе с иноземными захватчиками и другими угнетателями. Общность исторических судеб и языков способствовала их взаимосвязям в области культуры.

Культурные взаимосвязи восточных славян ярко проявляются и в устно-поэтическом творчестве. В русском, украинском и белорусском фольклоре много сходного, что объясняется как его общими истоками, так и активным взаимовлиянием творчества братских народов.

Многие виды устно-поэтического творчества созданы в далеком прошлом предками восточных славян. Это касается в первую очередь трудовых песен, обрядовой поэзии, многих сказок, легенд и преданий, ряда пословиц и поговорок. Уже в древний период своей жизни восточные славяне обладали богатым и разнообразным фольклором с яркими образами и характерными художественными приемами, которые в позднейшие эпохи были творчески использованы и развиты в национальной устной поэзии русского, украинского и белорусского народов.

Родство русского, украинского и белорусского народно-поэтического творчества, сложившегося после образования трех братских народов, следует объяснять, кроме живучести традиций культуры древней Руси, постоянным общением восточных славян. Близость их языков имела особенно большое значение для взаимного усвоения произведений народного творчества.

Во многих случаях наибольшую распространенность приобрели те восточнославянские песни, в которых отражена борьба народа с захватчиками и «своими» угнетателями. Эти песни нередко переходили от одного народа к другим братским народам, способствуя активизации мотивов освободительной борьбы в народно-поэтическом творчестве в целом. Так, под непосредственным воздействием русской песни о «сынке» Степана Разина возникло украинское устно-поэтическое произведение о казаке Герасиме, в котором своеобразно чередуется прозаический рассказ с песенными отрывками¹.

Исторические песни, отражающие борьбу народа с иноземными захватчиками — татарами, турками, французами, — в ряде случаев являются общими для русских, украинцев и белорусов. Например, так называемые Азовские события (1637—1641 гг.), в которых, наряду с донскими казаками, принимали участие и запорожцы, нашли отражение не только в русском, но и в украинском фольклоре, причем украинские

¹ «Киевская старина», т. XI, 1882, стр. 245—247.

произведения о взятии Азова часто находятся в прямой зависимости от русских². Таковы же песни об Отечественной войне 1812 года.

Исключительной идейной близостью отличаются песни восточных славян, отражающие классовую борьбу трудящихся с эксплуататорами. Их любимые герои наделены сходными качествами — благородством, преданностью трудовому народу³. Это облегчало взаимопонимание и взаимовлияние таких песен в среде русского, украинского и белорусского народов. Так, в «Пісні про Бондарівну», возникшей на правобережье Украины в XVIII в., очень привлекателен образ волевой девушки из народа, которая не унилась перед шляхтичем Каневским, с презрением отнеслась к его домогательствам, предпочтя смерть позору. Не случайно «Пісня про Бондарівну» быстро проникла в Белоруссию, которая, как и Правобережная Украина, в XVIII в. еще терпела гнет панской Польши. При этом следует отметить многочисленность белорусских вариантов этой песни и их близость к украинским⁴.

В ряде восточнославянских песен ярко отражена борьба народа с помещиками-крепостниками. Такова украинская песня «За горою за крутою», в которой говорится о восстании (незадолго перед отменой крепостного права) крепостных пана Селивановича в с. Дорогинки на Черниговщине, закончѣвшемся казнью жестокого помещика. Эта песня была быстро подхвачена белорусским народом. Идеѣно насыщенное и поэтически целостное произведение не вызвало каких-либо существенных изменений в устной передаче братского народа, несшего такое же бремя крепостничества:

За горою за крутою
Косарі косили,
Вони в пана Саливона
Да й собі хліба просили.
Ой, косили косарики
Та й півтори неділі,
Не бачили косарики
Та й хліба ні скорини.
Ой, косили косарики
Та й радили раду,—
Та й убили Саливона
За усю громаду...⁵

За гарою за крутою
Касарыкі косяць
І в пана Сальвона
Сабе хлеба просяць.
Ой, касілі касарыкі
Паўтары нядзелі,
Не бачылі касарыкі
Хлеба ні скарыны.
Ой, касілі касарыкі
Ды забілі Сальвона
Ды радзілі раду,—
За усю грамаду...⁶

Взаимопонимание подобных песен в эпоху феодализма и капитализма было особенно важно. Песни о классовой ненависти народа к эксплуататорам играли революционизирующую роль; они распространяли среди восточнославянских народов опыт освободительной борьбы, призывали к новой, свободной жизни.

В лирических песнях восточных славян еще отчетливее сказываются культурные взаимосвязи трех народов. Имеется ряд лирических песен, которые известны на русском, украинском и белорусском языках, при-

² См.: М. Т-ов, Материалы и заметки об украинской народной словесности, «Киевская старина», т. XI, 1882, стр. 230—241; А. С. Орлов, Сказочные повести об Азове, Варшава, 1906, стр. 106—113 и др.

³ О сходстве русских песен о Разине и Пугачеве с украинскими песнями о гайдаматах, Кармелюке, Кобылице и др. см., например, статью Г. С. Сухобрус «Основные черты общности русского и украинского народно-поэтического творчества» («Сов. этнография», 1954, № 2, стр. 61—62).

⁴ Ср., например, варианты песни про Бондарівну в следующих сборниках: «Українські народні пісні», Київ, 1951, стр. 56—58 и И. И. Носович, Белорусские песни, «Зап. Русск. геогр. об-ва», т. V, СПб., 1873, стр. 269—270.

⁵ «Українські народні пісні», стр. 62.

⁶ З. Бядуля, Вера, ланічына і воля ў беларускіх народных казках і песнях, Минск, 1924, стр. 116—117.

чем редакции их очень близки между собой. Такова, например, песня «Спится мне, младешенькой» (украинская — «Ой, пряду-пряду, спатоньки хочу», белорусская — «Божа ж мой, спаці хачу»). Как правило, в шлифовке таких песен принимали участие все три восточнославянских народа.

Особенно большое влияние на песенный репертуар украинцев и белорусов оказало русское песенное творчество. Многие русские песни, в частности солдатские и песни революционной борьбы, бытовали на Украине и в Белоруссии «в оригинале», т. е. на русском языке. Под влиянием русских песен возникло немало украинских и белорусских образцов устной поэзии.

Не вызывает сомнения зависимость старой украинской солдатской песни «Зима лютая проходит»⁷ от русской песни «Уж ты зимушка, зима»⁸. Об этом говорят их текстуальная близость и довольно частые русизмы в украинской песне («красная», «молодця», «отця» и т. п.), а также характерный для русских песен запев-зачин «Зима лютая проходит» и припев «раз-два-люле»:

Уж ты, зимушка, зима,	Зима лютая проходит,
Холодна зима была!	Весна красна настае...
Холодна зима проходить,	Гей-гей, раз-два-люле,
Лето красно настае.	Весна красна настае...
Лето красно настае,	Весна красна настае...
У солдата сердце мрет.	У солдата сердце мре.
У солдата сердце мрет —	Гей-гей, раз-два-люле,
Лето дома не живет...	У солдата сердце мре...

К названной русской песне очень близка и белорусская «Люта зімушка, зіма!»⁹. В ней, так же как и в украинской песне «Зима лютая проходит», встречаются русизмы («очень», «прочым» и др.).

Русские солдатские песни, конечно, легко проникали в украинскую и белорусскую устную поэзию, потому что в царской армии находилось много солдат-украинцев и белорусов. Кроме того, воинские части меняли места своего пребывания как в мирное, так и в военное время и солдатский песенный репертуар усваивался сельским и городским населением. Именно солдаты сыграли большую роль в распространении песен о Суворове, об Отечественной войне 1812 года и др.

Особенно ощутимо влияние на устную поэзию украинцев и белорусов русских революционных песен. В частности, знаменитая «Дубинушка», направленная против помещиков, капиталистов и царизма, оказала воздействие на ряд революционных украинских и белорусских народных песен. В одной из украинских песен («Зберемося ми у полі») говорится о стремлении сельской бедноты соединиться с рабочими. Каждый куплет этой песни заканчивается энергичным припевом, порожденным русской «Дубинушкой»:

Гей, дубинушко, вухнем! Зелененькая піде! и т. д.¹⁰

Русские революционные песни обогащали устную поэзию братских народов мотивами протеста и борьбы за новую, свободную жизнь, и это имело большое общественное значение.

С другой стороны, наблюдается заметное влияние на русскую устную поэзию украинских и белорусских песен. Интересен факт проникновения известной украинской народной песни «Засвистали козачень-

⁷ «Українські народні пісні», стр. 77—78.

⁸ «Русские песни», М., 1952, стр. 34.

⁹ «Песні беларускага народа», т. I. Минск, 1940, стр. 177.

¹⁰ «Українські народні пісні», стр. 145.

ки» в русский песенный репертуар. В передаче русского народа эта песня значительно сократилась, но сохранила все характерные особенности оригинала и ряд украинизмов:

Засвистали козаченьки
В похід з полуночі,
Заплакала Марусенька
Свої ясні очі... и т. д.¹¹

Засвистали козаченьки
В поход с полуночи,
Заплакала Марусенька
Свои ясны очи... и т. д.¹²

Песня «Засвистали козаченьки» известна в нескольких русских вариантах. Ее влияние обнаруживается в любопытном образце, опубликованном в «Смоленском этнографическом сборнике» В. Н. Добровольского¹³. Только начало этой песни напоминает украинский оригинал, дальше же идут неясные упоминания об исторических событиях, связанных с именем Костюшко.

Некоторые украинские песни, в частности казацкие и чумацкие, проникли в русский фольклор непосредственно (прежде всего в смежные с Украиной районы), другие — через посредство белорусского народа. Белорусы, заимствуя многие произведения украинского фольклора, передавали их соседям, в первую очередь русскому населению Смоленщины. Именно такие образцы нередко встречаются в упомянутом выше «Смоленском этнографическом сборнике». В этом же сборнике имеется ряд песен, которые являются переходными от белорусских к русским и наоборот (соответственно переходу белорусско-русских говоров в русские и русско-белорусских — в белорусские). Такой же переход украинских песен в русские и белорусские, а русских и белорусских — в украинские наблюдается в районах смешанных говоров. Именно в этих районах наиболее сильны взаимовлияния устной поэзии всех трех восточнославянских народов. Особенно много общих песен у украинцев и белорусов, прежде всего — песен с социальным содержанием. Например:

У неділю пораненьку
Усі дзвони дзвонять,
Осаули з нагаями
На панщину гонять...¹⁴

Да ў нядзельку рана
Да ўсе званы звоняць,
Ой, ходзіць вайт з кацубою
Ды на паншчыну гоніць...¹⁵

(Из песен крепостной неволи)

Такова же песня:

Та забіліли сніги,
Забіліли білі,
Ще й дібровонька...
Та заболіло тіло
Бурлацьке біле
Ще й головонька...¹⁶

Зашумелі лозы,
Ой, да белыя й бярозы,
Щчэ й дубравушка...
Забалело цело,
Ой, да салдацьке бело,
Да щчэ й голоушка...¹⁷

(Из бурлацких и солдатских песен)

Подобные примеры нетрудно умножить.

Из украинского в белорусский фольклор проникли многие так называемые казацкие и чумацкие песни. Возможно, что некоторые из них

¹¹ «Українські народні пісні», стр. 21.

¹² П. В. Киреевский, Песни, Новая серия, вып. II, ч. 1, М., 1917, стр. 94.

¹³ В. Н. Добровольский, Смоленский этнографический сборник, ч. IV, М., 1903, стр. 621.

¹⁴ «Українська народна пісня», изд. 2. Київ, 1936, стр. 11.

¹⁵ «Пісні беларускага народа», т. I, Минск, 1940, стр. 81.

¹⁶ «Українські народні пісні», стр. 114.

¹⁷ «Пісні беларускага народа», т. I, стр. 197.

были занесены в Белоруссию еще в XVI—XVII вв. преимущественно казачьими отрядами (например, Хмельницкого), а также чумаками, приезжавшими в Белоруссию торговать рыбой и солью. Кроме того, следует помнить, что в числе запорожских казаков были представители русского, а также и белорусского народа.

Такие белорусские песни, как «Мароз» (украинская — «Пісня про Морозенка»), «У чыстым полі яліначка» (украинская — «Ой, на горі вогонь горить»), «Казака нясуць» и другие, в которых фигурирует «казак», «казачэнька», во многих случаях заимствованы из украинского народного творчества. В этом легко убедиться из сопоставления словесного материала и мелодий подобных песен¹⁸.

К белорусской чумацкой песне «Да прапіў чумак жыта» П. А. Бессонов не случайно сделал примечание: «Эта разгульная песня, из числа чумацких, довольно редких на Белой Руси, имеет множество подобных и первообразов на Руси Малой»¹⁹. Аналогичные указания встречаем и у других фольклористов. Следует отметить, что большинство белорусских чумацких песен бытовало именно в районах, соседних с Украиной.

Кроме того, в белорусский песенный репертуар органически вошли многие украинские любовные, социально-бытовые, сатирические и юмористические песни.

В свою очередь, белорусские народные песни оказали известное воздействие на устную поэзию русского и украинского народов. Как в соседних с Украиной белорусских районах часто встречаются украинские песни, так и в соседних с Белоруссией украинских районах довольно широко бытуют варианты белорусских песен. На Черниговщине популярна «Левониха» — одна из наиболее известных шуточных белорусских песен («Лявоніха»), причем украинские варианты очень близки к белорусским.

Как указывал в своих статьях еще В. П. Милорадович, многие белорусские песни занесены на Украину, в частности на Лубенщину, переселенцами²⁰. Некоторые лубенские песни ближе к подобным им белорусским, чем к украинским; в них встречаются и белорусизмы²¹. К таким песням относятся «Плаче-рида удівонька» (белорусская «Тужа-плача молодачка»), «Мала нічка-петрівочка» («У нядзелю пад панядзелак»), «Іще й півні не співали» («Яшчэ куры не пелі»), «Ой, пішли наші та рибалочки» («Паехалі да рибалачкі»).

В процессе взаимовлияния белорусского и украинского народно-поэтического творчества, в особенности песенного, немаловажную роль сыграли также плотогоны-белорусы, издавна сплавливающие лес по Днепру. Из Украины в Белоруссию они заносили украинские народные песни, а на Украину — белорусские. Так, от плотогонов-белорусов крестьяне приднепровских сел Киевщины в конце XIX в. усвоили белорусскую песню «Свеця месяц, свеця ясны» (украинская «Ой, світі ж ти, місяченьку»), которая вскоре приобрела на Украине широкое распространение²².

Следует отметить, что на Украине, особенно в северных ее районах, многие белорусские песни исполняются на белорусском языке (например, «Чаму ж мне не пець», «Лявоніха»), а в Белоруссии в большинстве случаев в южных ее районах, многие украинские песни бытуют на украинском языке («Розпрягайте, хлопці, коні», «Копав, копав крини-

¹⁸ Более подробно об этом см. в статье автора «Українські народні пісні в Белорусії», «Народна творчість та етнографія», 1957, № 4, стр. 51.

¹⁹ Петр Бессонов, Белорусские песни, М., 1871, стр. 58.

²⁰ В. Милорадович, К вопросу о колонизации Пасулья в XVI и XVII вв. «Киевская старина», т. VII, 1899, стр. 85—89.

²¹ В. Милорадович, Снетинская старина, «Киевская старина», т. LIX, 1897, стр. 8—9.

²² Из материалов Г. Р. Ширмы.

ченьку» и другие). В России также некоторые из украинских и белорусских песен бытуют на украинском и белорусском языках.

Особую группу песенного богатства восточных славян представляют лирические песни литературного происхождения, прежде всего русские, воздействие которых с XVIII в. и до наших дней на украинское и белорусское народное творчество довольно велико. Эти песни в устном бытовании подвергались значительным переработкам. На Украине и в Белоруссии многие из них бытовали и бытуют и на русском, и на национальных языках. В качестве примера можно назвать белорусские переработки песни Е. П. Гребенки «Казак на чужбине» («Ой, як і ехау казак на даліну») ²³ и песни М. И. Ожегова «Потеряла я колечко» («Пацярала я калечка») ²⁴.

Из украинских песен литературного происхождения (дооктябрьского периода) широкое распространение получили песни Т. Г. Шевченко «Реве та стогне Дніпр широкий», «Заповіт» и другие, песни из опер «Наталка Полтавка», «Запорожець за Дунаєм», из пьес М. Л. Кропивницького. Эти песни проникали и в русский, и в белорусский фольклор, причем искони исполнялись и на украинском языке, и на языках обоих других братских народов. Немало их вошло в белорусские и русские сборники песен.

Русские революционные песни ²⁵ литературного происхождения, появившиеся в эпоху империализма и популяризировавшиеся подпольной большевистской печатью, несмотря на преследования, быстро распространялись в широких массах в пределах всей бывшей Российской империи. Эти песни при устном бытовании, конечно, несколько видоизменялись; однако благодаря партийной печати словесный материал и мелодии их заметно стабилизировались. В этом отношении очень показательны сопоставление русского и украинского текстов песен «Смело, товарищи, в ногу» («Сміло у ногу рушайте»), «Замучен тяжелой неволей» («В неволі скатований люто»), «Варшавянка» и др. ²⁶. Под влиянием русских революционных песен литературного происхождения возник ряд украинских и белорусских песен, зачастую очень близких к ним. Таковы, например, белорусские песни периода первой мировой войны «Жыў у Петраградзі адзін негадзяй» и «Ехаў із ярмаркі» ²⁷. Русский народ, ведущий за собой в освободительной борьбе другие народы, постоянно оказывал на них благотворное влияние, что выразилось и в народном творчестве — в частности в сложении репертуара революционных песен украинского и белорусского народов.

В свою очередь некоторые русские революционные песни эпохи империализма были созданы под влиянием песен братских народов. Так, русская революционная песня «Беснуйтесь, тираны» была авторизованным переводом Г. М. Кржижановского в 1898 г. (во время пребывания в Енисейской ссылке) украинской революционной песни литературного происхождения «Шалійте, шалійте, скажені кати» ²⁸. Она вскоре стала одной из любимейших революционных песен всей Российской империи, в том числе и Украины, где параллельно бытовал и ее источник.

Взаимосвязи русского, украинского и белорусского народно-поэтического творчества приобрели новое значение в советскую эпоху. Великая Октябрьская социалистическая революция устранила все преграды,

²³ «Песні беларускага народа», т. I, Минск, 1940, стр. 209; Н. Чуркін, Беларuskія народныя песні і танцы, Минск, 1949, стр. 130.

²⁴ Н. Чуркін, Беларuskія народныя песні і танцы, стр. 138.

²⁵ См.: «Русские революционные песни», М., 1952.

²⁶ См.: «Українські народні пісні», стр. 127—134.

²⁷ «Песні беларускага народа», стр. 217.

²⁸ Г. Кржижановский, Песни борьбы, газ. «Советская культура», 22 декабря 1955 г., стр. 2.

стоявшие на пути братского общения между народами нашей страны. Это сразу же проявилось во всех областях их деятельности, не исключая и устно-поэтического творчества.

С первых же дней Советской власти песни революционного подполья как бы возродились к новой жизни — «стали исполняться с воодушевлением миллионами рабочих, а также и крестьян, заняли в ежедневном песенном и музыкальном быту народных масс самое видное место»²⁹, причем пели их как на русском, так и на других языках, в том числе на украинском и белорусском.

В годы гражданской войны возникло много новых русских, украинских и белорусских революционных песен. В ряде случаев эти песни широко использовали мелодии, словесную форму, поэтические образы и другие элементы наиболее популярных старых песен.

В советскую эпоху несравненно возросла взаимосвязь литературы и фольклора. Наиболее отчетливо это проявляется в жанре лирической песни, в особенности русской. Многие песни русских поэтов проникли в народное творчество и широко бытуют по всей нашей стране и на русском, и на других языках, а также послужили образцами для создания песен в разных республиках Советского Союза.

Белорусскими партизанами в годы Великой Отечественной войны сложены песни на белорусском и русском языках по образцу популярных русских песен («Катюша», «Крутится, вертится», «Орленок» и др.³⁰). Творчески использованы русские песни литературного происхождения украинцами («Партизанська тачанка», песня о смерти партизана Андрея и др., известные на русском и украинском языках³¹).

Русское народно-песенное творчество советской эпохи в свою очередь обогащается за счет лучших поэтических произведений украинцев и белорусов. В песенный репертуар русского народа вошли, например, белорусская песня Адама Русака «Бывайце здоровы» (в переводе М. Исаковского), песни украинских поэтов М. Рыльского, П. Тычины, А. Малышко и других. Под воздействием украинской песни «Розпрягайте, хлопці, коні» в годы Великой Отечественной войны возникла русская песня «Запрягайте, хлопцы, коней»:

Запрягайте, хлопцы, коней,
Нам не время почивать,—
Полетим на поле боя
Мать-отчизну защищать...³²

Из украинского фольклора в белорусский, как и прежде, больше всего переходят песни. Некоторые традиционные украинские песни, прочно вошедшие в репертуар белорусского народа, были удачно использованы в период Великой Отечественной войны; своеобразна, например, переработка (К. Крапивы) украинской песни «Ой, не ходи, Грицю, та й на вечорниці» (Ой, не хадзі, фрыцу, ды і на вечарніцу).

На Украине же бытуют многие белорусские песни литературного происхождения: «Вечоринка» и «Пісня про Ганнусю» («Алеся») Янки Купалы, та же прославленная «Колгоспницька» Адама Русака и некоторые другие. Две последние песни на Украине распространились «в народном переводе». Мастерству этого перевода могут позавидовать даже талантливые поэты-переводчики³³.

²⁹ Ю. М. Соколов, Русский фольклор, М., 1941, стр. 458.

³⁰ И. Гуторов, Борьба и творчество народных мстителей, Минск, 1949, стр. 78—200, 231 и др.

³¹ «Українська народна поезія про Велику Вітчизняну війну», Київ, 1953, стр. 133—134, 137—139.

³² Записано автором.

³³ Анализ «Пісні про Ганнусю» и «Колгоспницької» дан автором в другой статье (см.: П. Ахрыменка, Белорусская песня на Украине, «Полюмя», 1955, № 7, стр. 149—152).

В усилении взаимодействия советского народно-песенного творчества русских, украинцев и белорусов, как и других народов СССР, важная роль принадлежит радио, кино, печати. Фольклорные произведения (особенно в переводах) быстро подхватываются другими народами и становятся достоянием их культуры. Большое значение имеют также концерты хоровых коллективов в братских республиках и праздники дружбы народов.

Как видим, взаимосвязи русского, украинского и белорусского народно-песенного творчества способствовали и способствуют развитию и обогащению песенной культуры восточных славян. В этом отражается искони существовавшая дружба между братскими народами, наиболее полно раскрывшаяся в советскую эпоху благодаря тесной солидарности народов Советского Союза.

SUMMARY

The common origin, common historical destiny and languages of the Eastern Slavs promoted close interaction in the field of culture, including folklore. The rich and diverse folklore which emerged in the early period of the Eastern Slavs' development was later made creative use of and carried further in the national oral poetry of the Russians, Ukrainians and Byelorussians. The affinity of their folklore which arose after the formation of the three fraternal peoples is to be explained, apart from the vitality of Old Russian cultural traditions, also by the constant intercourse between the Eastern Slavs. In view of the common pattern of historical development, widely current were songs that reflected the people's fight against alien invaders and against oppressors «of their own», and subsequently, revolutionary songs, often having a literary source.

Assimilated were also the songs of those occupational groups whose trades necessitated long travel (chumak carters, rafters, etc.). Soldier's songs, too, were easily spread.

The interconnections between the Russians, Ukrainians and Byelorussians acquired new import in the Soviet period, when all barriers on the way to their intercourse were eliminated. The links between folklore and literature became consolidated. The radio, the cinema and the press came to play an important part in the interaction of Eastern Slav folklore. Studying the pattern of mutual influences in the oral poetry of the three fraternal nations is one of the primary tasks of Soviet folklore specialists.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Д. Д. ТУМАРКИН

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ НАРОДОВ ОКЕАНИИ В СССР *

Этнографическое изучение народов Океании имеет в нашей стране давние и богатые традиции. Крупный вклад в эту отрасль науки внесли В. М. Головнин, О. Е. Коцебу, И. Ф. Крузенштерн, Ю. Ф. Лисянский, Ф. П. Литке и другие русские мореплаватели первой половины XIX в.¹ Особенно много уникальных этнографических описаний и коллекций оставили эти мореплаватели по Гавайским, Маркизским, Каролинским и Маршалловым островам. Как известно, ряд населенных островов в последних двух архипелагах был открыт О. Е. Коцебу и Ф. П. Литке. Общеизвестны научные заслуги замечательного путешественника и ученого Н. Н. Миклухо-Маклая, который в 70—80-х годах прошлого столетия провел несколько лет на северо-восточном берегу Новой Гвинеи, куда до него не ступала нога европейца, а также посетил ряд других островов Тихого океана².

Для русских исследователей Океании характерно было дружелюбное и гуманное отношение к изучаемым народам, уважение к их самобытной культуре, вера в неограниченные возможности человека независимо от цвета его кожи. «Обширный ум и необыкновенные дарования,— писал, например, В. М. Головнин,— достаются в удел всем смертным, где бы они ни родились, и если бы возможно было несколько сот детей из разных частей земного шара собрать вместе и воспитывать по нашим правилам, то, может быть, из числа их с курчавыми волосами и черными лицами более вышло бы великих людей нежели из родившихся от европейцев»³. Н. Н. Миклухо-Маклай страстно протестовал против угнетения островитян Тихого океана европейскими и американскими моряками, торговцами и плантаторами, пытался отстоять независимость папуасов северо-восточной Новой Гвинеи⁴. Советские этно-

* Доклад, представленный X Тихоокеанскому научному конгрессу (Гонолулу, август — сентябрь 1961 г.).

¹ L. Sternberg, Ethnography. В кн.: «The Pacific Russian Scientific Investigations», Leningrad, 1926; Б. А. Липшиц. Этнографические исследования в русских кругосветных экспедициях первой половины XIX в., Сб. «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», Труды Ин-та этнографии АН СССР, новая серия, т. XXX, М., 1956.

² Я. Я. Рогинский и С. А. Токарев, Н. Н. Миклухо-Маклай как этнограф и антрополог. В кн.: Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. II, М.—Л., 1950.

³ В. М. Головнин, Путешествие вокруг света в 1817, 1818 и 1819 годах, СПб., 1822, стр. 337—338.

⁴ Н. А. Бутинов, Н. Н. Миклухо-Маклай. (Биографический очерк), в кн.: Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. IV, М.—Л., 1953.

графы-океанисты бережно хранят и развивают эти благородные традиции.

Теоретической основой исследований советских этнографов служит исторический материализм, который дает возможность правильно устанавливать причинную связь явлений и успешно решать проблему соотношения частного, конкретного с общим, требует последовательно-исторического подхода ко всем изучаемым явлениям и событиям. Советские этнографы стремятся к новым выводам и обобщениям на основе критического использования всех доступных им источников⁵.

Некоторые зарубежные ученые полагают, что этнографы СССР во всем следуют за Л. Г. Морганом, чей выдающийся труд «Древнее общество» был в свое время высоко оценен Марксом и Энгельсом. Мы разделяем основную идею Morgana — идею прогрессивного поступательного развития человечества на базе развития материальных производительных сил, придерживаемся многих выдвинутых им частных положений. В то же время мы пересматриваем те гипотезы и выводы Morgana, которые устарели в свете новых данных науки⁶.

Для этнографов СССР характерен прежде всего большой интерес к хозяйству и материальной культуре народов Океании. Эти вопросы рассматриваются не только в специальных работах, но и в исследованиях более общего характера, а также в статьях, посвященных рассмотрению других сторон культуры и быта коренного населения тихоокеанских островов⁷. При этом особое внимание уделяется анализу своеобразных черт в развитии местных производительных сил и их влиянию на общественные отношения. Принципиальное значение, на наш взгляд, имеет решение вопроса об уровне развития производительных сил полинезийцев.

Имеющиеся данные позволяют предполагать, что предки полинезийцев, обитавшие на их восточноазиатской прародине, находились на довольно высокой ступени развития и, в частности, знали металлы и гончарство. Эти технические знания были ими утрачены в новых природных условиях, после переселения на острова Океании, в первую очередь из-за отсутствия там необходимого сырья. Однако в процессе активного приспособления к новой естественной среде полинезийцам удалось компенсировать исчезновение некоторых отраслей хозяйства и техники поразительно высоким развитием других отраслей (выработкой весьма совершенной техники изготовления орудий и других изделий из камня, кости, раковин и дерева, созданием высокопродуктивной системы интенсивного тропического земледелия, местами с применением удобрений и искусственного орошения, развитием изощренного рыболовческого хозяйства, расцветом судостроения и мореплавания). В результате уровень развития производительных сил — основной показатель культурного развития — не понизился, хотя производительные силы приобрели

⁵ Под этнографией в СССР понимается наука, всесторонне исследующая особенности культуры и быта различных народов или этнических групп внутри того или иного народа и рассматривающая каждое явление в его историческом развитии. См.: С. П. Толстов, Основные теоретические проблемы современной советской этнографии (Доклад на VI Международном конгрессе антропологов и этнографов), «Сов. этнография», 1960, № 6.

⁶ См. передовую статью «Ф. Энгельс и проблемы современной этнографии», «Сов. этнография», 1959, № 6; С. П. Толстов, Указ. раб.; Д. А. Ольдерогге, Основные черты развития систем родства (Доклад на VI Международном конгрессе антропологов и этнографов), «Сов. этнография», 1960, № 6.

⁷ См., например: «Народы Австралии и Океании» (под ред. С. А. Токарева и С. П. Толстова), М., 1956; В. М. Бахтa, Производительные силы папуасов залива Астралабия, «Океанийский этнографический сборник», Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XXXVIII, М., 1957; Н. А. Бутинoв, Маори (Историко-этнографический очерк), там же; Д. Д. Тумаркин, К вопросу о формах семьи у гавайцев в конце XVIII — начале XIX в., «Сов. этнография», 1954, № 4.

несколько иной вид. Такая оценка позволяет дать строго материалистическое объяснение довольно высокому уровню общественного развития полинезийцев, вскрыть материальные предпосылки их богатой духовной культуры.

Однако весьма длительный и трудный процесс заселения и освоения островов, разбросанных по бескрайним просторам океана, а также ограниченность местных природных ресурсов не могли не задержать постулатного развития производительных сил и культуры в целом. Поэтому к началу великих географических открытий, ознаменовавших наступление эры колониализма, полинезийцы, как и другие народы Океании, отстали в своем историческом развитии от передовых народов Старого Света.

Ценным подспорьем при изучении материальной культуры народов Океании служат для нас богатые коллекции Музея антропологии и этнографии в Ленинграде, большая часть которых была собрана в XIX в. Эти коллекции замечательны своей разносторонностью и содержат немало уникальных предметов (плащ и накидки из перьев с Гавайских островов, таблички с письменами и старинные деревянные статуэтки с острова Пасхи, глиняные изображения предков с Новой Гвинеи и др.). Институт этнографии Академии наук СССР, в чьем ведении находится этот музей, в 1950—1954 гг. издал пятитомное собрание сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая, где в последнем томе помещены фоторепродукции всех его рисунков и предметов из привезенных им коллекций, а также их научное описание⁸. Кроме того, опубликованы иллюстрированные научные описания имеющихся в этом музее коллекций с Гавайских островов и острова Пасхи, а также коллекции Ф. П. Литке, привезенной с Каролинских островов⁹. Статьи о новозеландских и маркизских коллекциях находятся в печати.

Одно из важнейших направлений наших исследований — изучение на материале конкретных этнических общностей Океании закономерностей развития первобытно-общинного строя. Здесь необходимо прежде всего указать на работы С. А. Токарева, который еще в 1929—1933 гг. опубликовал два больших исследования, посвященных рассмотрению процесса развития и разложения родовой организации в Меланезии и путей возникновения там общественных классов и государственности¹⁰. В 1958 г. тот же автор опубликовал статью, в которой, основываясь на изучении развития общественных отношений на островах Тонга, попытался определить некоторые особенности формирования классов в Полинезии, причем уделил особое внимание выяснению роли такого фак-

⁸ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. I—V, М.—Л., 1950—1954. В это собрание сочинений включен ряд прежде не публиковавшихся работ. Издание снабжено статьями о жизни и деятельности Н. Н. Миклухо-Маклая и обширными комментариями. Описание антропологического материала, собранного этим ученым, см. в статье: П. Ф. Тараторкина, Черепа папуасов из коллекции Н. Н. Миклухо-Маклая, Сборник Музея антропологии и этнографии (в дальнейшем цит. Сб. МАЭ), т. XII, М.—Л., 1949.

⁹ Ю. М. Лихтенберг, Этнографические описание коллекции Ф. П. Литке, Сб. МАЭ, т. XVI, М.—Л., 1955; е е же, Гавайские коллекции в собраниях Музея антропологии и этнографии, Сб. МАЭ, т. XIX, М.—Л., 1960; Н. А. Бутинов и Л. Г. Розиная. Коллекция с о. Пасхи в собраниях Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР, Сб. МАЭ, т. XVIII, М.—Л., 1958.

Описание новогвинейских копьеметалок см. в статье: О. В. Гиршфельд, Копьеметалки по материалам этнографических музеев Москвы и Ленинграда, Сб. МАЭ, т. XIV, М.Л., 1953. Об этнографической коллекции И. М. Симонова, собранной на островах Тихого океана и находящейся ныне в музее Казанского ун-та, см.; Н. И. Воробьев, Е. П. Бусыгин и Г. В. Юсупов, Этнографические наблюдения И. М. Симонова на островах Тихого океана, «Известия Всесоюзного географического общества» (в дальнейшем цит. Изв. ВГО), т. 81, № 5, М.—Л., 1949.

¹⁰ С. А. Токарев, Общественный строй меланезийцев, «Этнография», 1929, № 2—4; е го же, Родовой строй в Меланезии, «Сов. этнография», 1933, № 2—6.

тора, как генеалогическое старшинство¹¹. Следует отметить также работы А. И. Блинова и Н. А. Бутинова, в которых исследуется развитие форм собственности и разделения труда у народов Океании, а также вырастающие на этой основе формы обмена¹².

Советские этнографы изучают на океанийском материале развитие ранних форм семьи и систем родства. И в этих вопросах они следуют по пути, намеченному Морганом, но вносят в его концепцию необходимые коррективы. Так, изучив сообщения русских и английских мореплавателей конца XVIII — начала XIX вв. о формах семьи у гавайцев, автор настоящего доклада вслед за рядом западных исследователей показал ошибочность толкования Морганом существовавших на Гавайях пуналуальных отношений как формы группового брака. При этом удалось установить, что Морган был введен в заблуждение американскими миссионерами, которые неправильно информировали его о брачных обычаях гавайцев¹³.

Советские этнографы считают, что в системе родства отражается социально-экономическая структура соответствующего общества, взятая в ее историческом развитии. Отражая реальные общественные отношения, система родства изменяется в связи с развитием общества, что не исключает возможности сохранения в ней в течение довольно продолжительного времени отдельных пережиточных терминов родства.

Еще Риверс, Турнвальд, Штернберг и некоторые другие исследователи отмечали, что малайские (гавайские) черты в системах родства возникают в результате упрощения турано-ганованских систем. Однако из этих отдельных замечаний не делалось общего вывода о вторичности малайской системы. Такой вывод был сделан А. М. Золотаревым и затем дальше развит в трудах другого советского исследователя — Д. А. Ольдерогге¹⁴. Проанализировав большой фактический материал, Д. А. Ольдерогге показал, что в основе систем родства турано-ганованского типа, распространенных в Меланезии, лежит принцип экономического единства рода, тогда как малайский тип системы родства, характерный для Полинезии, возникает в результате распада родовой организации¹⁵.

Пытаясь объяснить все затруднительные случаи при истолковании той или иной терминологии родства, Колер, Риверс и некоторые другие западноевропейские последователи Морганов начали конструировать различные типы аномальных браков, якобы существовавших в изучаемых ими обществах. Однако этим они лишь запутывали вопрос и облегчали критику положений Морганов. Советский этнограф Ю. М. Лихтенберг, изучив системы родства обитателей меланезийских островов Рага (Пентекост) и Амбрим, а также некоторых австралийских племен, пришла к выводу, что обозначение одним термином родства лиц разных поколений и разных степеней родства объясняется не аномальными фор-

¹¹ С. А. Токарев, Происхождение общественных классов на островах Тонга. «Сов. этнография», 1958, № 1.

¹² А. И. Блинов, Партнерство (К вопросу о ранних формах обмена), Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. II, М.—Л., 1947; Н. А. Бутинов, Разделение труда в первобытном обществе, Сб. «Проблемы истории первобытного общества», Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. LIV, М.—Л., 1960.

¹³ Д. Д. Тумаркин, Указ. раб.

¹⁴ А. М. Золотарев, К истории ранних форм группового брака, «Ученые записки Исторического факультета Московского областного педагогического ин-та», т. 2, М., 1940; Д. А. Ольдерогге, Малайская система родства, Сб. «Родовое общество», Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XIV, М., 1951; его же, Некоторые вопросы изучения систем родства, «Сов. этнография», 1958, № 1 (английский перевод в «Significant Anthropology», т. 2, № 2, Chicago, апрель, 1961).

¹⁵ Д. А. Ольдерогге, Основные черты развития систем родства (Доклад на VI Международном конгрессе антропологов и этнографов), «Сов. этнография», 1960, № 6.

мами брака, а групповым характером терминов, порожденных обязательными формами кросс-кузенного брака¹⁶.

Советские ученые изучают также этногенез и этническую историю народов Океании, привлекая для этого данные археологии, антропологии, этнографии и лингвистики¹⁷. Мы с интересом следим за текущими полевыми исследованиями в Океании и смежных районах Юго-Восточной Азии, надеясь, что эти исследования прольют новый свет на ряд нерешенных этногенетических проблем.

Религиозные верования народов Океании дают богатый материал для изучения ранних форм религии и отражения в ней общественных отношений. Так, старинные меланезийские культы позволяют судить о характерных чертах религии эпохи расцвета и начала разложения первобытно-общинного строя, а пантеон великих полинезийских божеств служит ярким примером религии слагающегося классового общества. Исследуя эти верования и обряды, советские этнографы не склонны, однако, переоценивать их и без того важное значение в жизни первобытного общества и считают необходимым возможно полнее изучить положительные знания, имевшиеся у островитян Тихого океана до начала их контактов с европейцами¹⁸. В СССР начато также изучение таких сторон самобытной культуры народов Океании, как фольклор, изобразительное искусство, танцы и зачатки театральных представлений¹⁹.

Молодой советский ученый Б. Г. Кудрявцев, безвременно погибший в 1943 г., незадолго до своей смерти обнаружил параллельные тексты на сохранившихся табличках с письменами кохау ронго-ронго²⁰. Это открытие, позволившее перейти от сравнения отдельных знаков к поискам структуры и смысла целых надписей, было крупным шагом вперед в изучении письменности острова Пасхи. Исследования Кудрявцева были продолжены ленинградскими учеными Н. А. Бутиновым и

¹⁶ Ю. М. Лихтенберг, Система родства о. Рага и вопрос о геронтократии в Меланезии. Сб. МАЭ, т. XII, М.—Л., 1949; ее же, К вопросу о так называемых аномальных формах брака, «Сов. этнография», 1959, № 2; ее же, Австралийские и меланезийские системы родства (турано-ганованского типа) и зависимость их от деления общества на группы, Сб. «Проблемы истории первобытного общества», Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. LIV, М.—Л., 1960.

¹⁷ М. Г. Левиц, Проблема пигмеев в антропологии и этнографии, «Сов. этнография», 1946, № 2; Н. Н. Зубов, О путях заселения Гавайских островов и острова Пасхи, Изв. ВГО, т. 81, № 1, М.—Л., 1949; В. В. Бунак и С. А. Токарев, Проблемы заселения Австралии и Океании, Сб. «Происхождение и древнее расселение человечества», Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XVI, М., 1951; Н. Н. Чебоксаров, Основные принципы антропологических классификаций, там же; «Народы Австралии и Океании», гл. 12; В. В. Бунак, Человеческие расы и пути их образования, «Сов. этнография», 1956, № 1; Г. Ф. Дебец, Опыт графического изображения генеалогической классификации человеческих рас, «Сов. этнография», 1958, № 4.

¹⁸ Л. Я. Штернберг, Первобытная религия в свете этнографии, Л., 1936; «Народы Австралии и Океании», гл. 17, 18, 28, 29, 34; М. С. Бутинова, Н. Н. Миклухо-Маклай о религии папуасов, «Ежегодник Музея истории религии и атеизма», вып. 2, М.—Л., 1958; ее же, Начатки знаний у папуасов Новой Гвинеи, там же, вып. 3, М.—Л., 1959; С. А. Токарев, Возникновение религии, в кн.: «Основы научного атеизма», М., 1961.

¹⁹ В. Я. Пропп, Исторические корни волшебной сказки, Л., 1946; «Народы Австралии и Океании», гл. 18, 28; Е. М. Мелетинский, Мифологический и сказочный эпос меланезийцев (По материалам фольклора гунантуна), «Океанский этнографический сборник», Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XXXVIII, М., 1957; Н. А. Бутинов и Л. Г. Розина, Указ. раб.; А. Д. Авдеев, Происхождение театра. Элементы театра в первобытно-общинном строе, Л.—М., 1959; В. Р. Кабо, Искусство Австралии и Океании, в кн.: «Всеобщая история искусств», т. II, М., 1961.

²⁰ Б. Кудрявцев, Письменность острова Пасхи, Сб. МАЭ, т. XI, М.—Л., 1949; см. также Д. А. Ольдерогге, Параллельные тексты некоторых иероглифических таблиц с острова Пасхи (По неопубликованным данным Б. Г. Кудрявцева), «Сов. этнография», 1947, № 4. Научное описание двух табличек с письменами кохау ронго-ронго привезенных Миклухо-Маклаем, было сделано А. Б. Пиотровским. См. A. Piotrowski, Deux tablettes avec les marques gravées de l'île de Pâques, de la collection de N. N. Micloukho-Maclay, «Revue d'ethnographie et des traditions populaires», т. 5, Paris, 1924.

Ю. В. Кнорозовым. Они пришли к выводу, что данная письменность имеет иероглифический характер, обнаружили в текстах смысловые группы знаков, а также установили содержание отдельных отрывков (генеалогии, списки убитых и растений)²¹. Опираясь на успехи в изучении кохау ронго-ронго, Н. А. Бутинов предпринял попытку реконструкции некоторых моментов ранней истории острова Пасхи²². Исследование этой пока еще не расшифрованной письменности продолжается, причем одновременно изучаются другие стороны местной культуры.

Советские этнографы уделяют значительное внимание анализу тех глубоких, зачастую трагических изменений, которые произошли в жизни народов Океании в результате их приобщения к капиталистической цивилизации и установления на островах колониального режима²³. При этом специально исследуется та роль, которую сыграли в указанных изменениях христианские миссионеры²⁴. Наши ученые прослеживают в своих работах процессы этнической консолидации, происходящие в Океании, интересуются современным положением населяющих ее народов, изучают местные формы национально-освободительного движения²⁵. Н. А. Бутинов заканчивает подготовку большого обобщающего труда по этнографии Новой Гвинеи, в котором подробно исследуются изменения в культуре и быте папуасов в условиях колониального режима; автор настоящего доклада завершает работу над монографией, в которой рассматриваются последствия «американизации» Гавайских островов для коренного населения этого архипелага.

Этнографическое изучение народов Океании с особой силой развернулось в СССР после второй мировой войны, что связано с расширением международных связей советского народа и все увеличивающимся интересом советской общественности к жизни народов зарубежных стран. Итоги предпринятых исследований были подведены в 1956 г. в коллективном труде «Народы Австралии и Океании». Эта книга, вышедшая под редакцией С. А. Токарева и С. П. Толстова, по существу является первым в мировой научной литературе опытом создания всестороннего обобщающего труда о народах Австрало-Океанской области. Ее авторы уделили много внимания вопросам этногенеза, постарались дать

²¹ Н. А. Бутинов и Ю. В. Кнорозов, Предварительное сообщение об изучении письменности о-ва Пасхи, «Сов. этнография», 1956, № 4, (английский перевод в «The Journal of the Polynesian Society», т. 66, Wellington, 1957, № 1; испанский перевод в «Revista Geografica Americana», т. 41, Buenos-Aires, 1957); Н. А. Бутинов, Иероглифические тексты острова Пасхи (Рапа-Нуи), «Вестник истории мировой культуры», 1959, № 3; его же, Личные имена на дощечках острова Пасхи, «Journal of Austronesian Studies», т. 2, ч. 1, Victoria B. C., 1960 (Статья опубликована на русском языке).

²² Н. А. Бутинов, Короткоухие и длинноухие на острове Пасхи (По материалам кохау ронго-ронго), «Сов. этнография», 1960, № 1.

²³ С. А. Токарев, Проблема изучения современного положения народов Австралии и Океании, «Краткие сообщения Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», т. VII, М., 1949; «Народы Австралии и Океании», гл. 19, 23, 30—34; А. И. Блинов, Масрийские войны, «Океанский этнографический сборник», Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XXXVIII, М., 1957; Д. Д. Тумаркин, Из истории гавайцев в конце XVIII — начале XIX в., «Сов. этнография», 1958, № 4; его же, «Сандаловый бизнес» американских колонизаторов на Гавайских островах. Сб. «Страны Азии. История и экономика», М., 1959.

²⁴ М. С. Бутинова, Роль миссионеров в распространении европейской культуры на Новой Гвинее, «Вестник истории мировой культуры», 1960, № 2; Д. Д. Тумаркин, К вопросу о «просветительской деятельности» американских миссионеров на Гавайских островах, «Краткие сообщения Ин-та народов Азии», т. LII М., 1962.

²⁵ Н. А. Бутинов, Школьная политика колонизаторов в Австралии и Океании, «Сов. этнография», 1950, № 2; его же, Западный Ириан (Этнографический очерк), «Сов. этнография», 1957, № 4; его же, Маори (Историко-этнографический очерк), «Океанский этнографический сборник», Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XXXVIII, М., 1957; Н. А. Бутинов и М. С. Долгоносова, Принудительный труд в Австралии и Океании, «Сов. этнография», 1949, № 4; «Народы Австралии и Океании», гл. 20—23, 32—34; С. А. Токарев, Происхождение общественных классов на островах Тонга, «Сов. этнография», 1958, № 1.

научное объяснение самых сложных явлений культуры и быта. В книге указываются подлинные, конкретно-исторические причины отставания в культурном развитии народов Океании и в то же время подчеркивается, что последние внесли немаловажный вклад в мировую культуру. Большое место в этом фундаментальном труде отведено рассмотрению положения коренного населения тихоокеанских островов в современный период. Книга богато иллюстрирована, причем в качестве иллюстраций широко использованы коллекции Музея антропологии и этнографии в Ленинграде.

Заметное место в работе советских этнографов-океанистов занимает рецензирование трудов иностранных авторов. Только за последние три года в советских научных изданиях ими были опубликованы обзоры журналов «Oceania» и «The Journal of the Polynesian Society» и 12 рецензий, некоторые из которых имеют самостоятельное значение. Этнографы-океанисты СССР, как и другие советские ученые, выступают за развитие контактов со своими зарубежными коллегами и готовы вести с ними научные дискуссии.

Одной из основных черт современной эпохи является крах мировой колониальной системы. Завоевание политической независимости народом Западного Самоа свидетельствует о том, что при всем своеобразии местных условий этот всемирный процесс не минует и Океанию. Оставаясь на позициях строго объективного научного исследования, советские этнографы не скрывают своего сочувствия освободительным устремлениям народов колониальных и зависимых стран, осуждают все формы колониализма и расовой дискриминации.

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА ПАЛЕОЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

ДЖЕМС А. ФОРД

КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ МЕТОД УСТАНОВЛЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ХРОНОЛОГИИ

Еще в начале прошлого века археология унаследовала от геологии понятие о стратиграфии. С тех пор археологи продолжают рассматривать изучение напластований культурных остатков как основной метод реконструкции хронологической последовательности исчезнувших культур. К сожалению, это наследие часто влечет за собой устарелые представления геологической теории катаклизмов, и некоторые археологи продолжают поиски залегающих один под другим погребенных городов или культурных слоев, содержащих четкие материалы, которые в идеальном случае были бы отделены один от другого слоями чистого белого песка.

Лишь в последние десятилетия пришли к выводу, что изменение культуры во времени обычно является постепенным и длительным процессом, и, чтобы понять этот процесс в деталях, он должен быть изучен как в качественном, так и в количественном отношении. В результате этого американскими археологами были выработаны некоторые новые приемы для обнаружения, определения и сопоставления хронологии культур, которые, возможно, еще не привлекли к себе внимания всех европейских коллег.

Прежде всего, полезно провести разграничение между историей географической территории, историей народа и историей культуры. Передвижение народов по географической территории может иметь следствием не только изменение физических типов, но и видоизменение культуры. Типы культур перемещались и без передвижения этнических групп. В истории культуры каждой данной области в любой категории событий можно обнаружить переломные моменты, соответствующие различиям, находимым в геологических слоях. Однако в силу самой природы явления перерыв или остановка в историческом развитии культуры так же невозможны, как они были бы невозможны в эволюции какого-либо вида животных. Теории и приемы, которые разбираются здесь, предназначены для определения и измерения деталей эволюции культуры. На практике они должны применяться в определенных географических рамках.

История культуры имеет и качественную и количественную стороны

Всякая культура является классификационной шкалой, каждому определенному моменту которой соответствуют типы поведения людей, живущих в данном культурном окружении. Так, в любом городе Цен-

тральной Европы в 1958 г. существует определенная и общепринятая манера одеваться — для физического труда, для работы в конторе, для спорта или для официальных приемов. Однако стили одежды не были одинаковыми на протяжении прошедших ста лет. Это легко заметить при просмотре старинных подшивок газет или альбомов семейных фотографий. Каждая категория подвергалась изменениям от десятилетия к десятилетию, и различные категории изменялись с различной скоростью. Так например, одежда для официальных приемов была более устойчива, чем спортивная.

Все стороны культуры развиваются более или менее аналогичным образом, хотя с различной скоростью. Новые открытия или изобретения, такие, как изобретение четырехтактного бензинового мотора, ускоряют этот процесс, хотя первые автомашины и были просто колясками с добавленным к ним мотором. С другой стороны, экипажи, запряженные лошадьми, еще используются, хотя все в меньшем количестве.

Типология

История любой области культуры — керамики, одежды, искусства, языка — только что была определена выше как текущий процесс изменения форм, медленный поток, являющийся результатом многочисленных мелких изменений. Однако для того чтобы измерять этот процесс, необходима классификация. Распределение археологического материала по типам является одним из наиболее острых вопросов в археологии. Дело это не так просто, как может показаться на первый взгляд, и заслуживает более детального рассмотрения, чем мы можем уделить ему в краткой статье. Обычно археолог без большого труда создает классификацию, которая отражает функциональную классификацию, существовавшую в живой культуре. Может случиться, что он не будет в состоянии уверенно сказать, что из существовавших в то время глиняных сосудов одни использовались для жидкости, а другие предназначались для хранения, приготовления и сервирования пищи, для религиозных церемоний и т. п. Тем не менее различия в форме и орнаменте будут очевидны. Трудности возникают при попытке выделить последовательные типы в постепенном развитии каждой категории. С той же трудностью исследователь сталкивается и тогда, когда он начинает проследживать какую-нибудь из этих категорий в некоторой географической области. В каждом из этих случаев изменение форм обычно является постепенным; между последовательными или географически смежными формами нет естественных границ. С этой же трудностью знакомы палеонтологи и зоологи, которые сталкиваются с ней в борьбе за установление видовых форм. На практике часто бывает, что случайность определяет типологию. Раскопана стоянка I, и найденные в ней варианты керамики приняты как типы. Если стоянка II достаточно удалена от стоянки I — географически или во времени, — то явных противоречий не встретится; типы, обнаруженные в стоянке II, легко будет отделить от установленных по стоянке I. Но по мере того как хронологические и географические пробелы будут заполняться, эти четкие и, по-видимому, естественные типы начнут сливаться и перекрывать друг друга. Коллекции из слоев или стоянок, относящихся к небольшому отрезку времени, представляют собой лишь случайно выбранные образцы из непрерывного потока.

Для установления приемлемой типологии типы должны быть выбраны исследователем сознательно и обдуманно. Для того чтобы эти типы могли быть использованы, они должны достаточно отличаться друг от друга, чтобы их легко было узнать. Допустим, в последовательном ряде форм сосудов для воды, показанных на рис. 1, установлен

вается тип *A*. Для того чтобы дифференцировать образцы достаточно уверенно, необходимо дойти в ряду их развития до точки *B*, чтобы установить другой тип. Формы, промежуточные между точками *A* и *B*, должны быть отнесены к типу, с которым они наиболее сходны. Неизбежно окажется, что некоторое количество форм может с равным основанием быть отнесено к любому из двух типов.

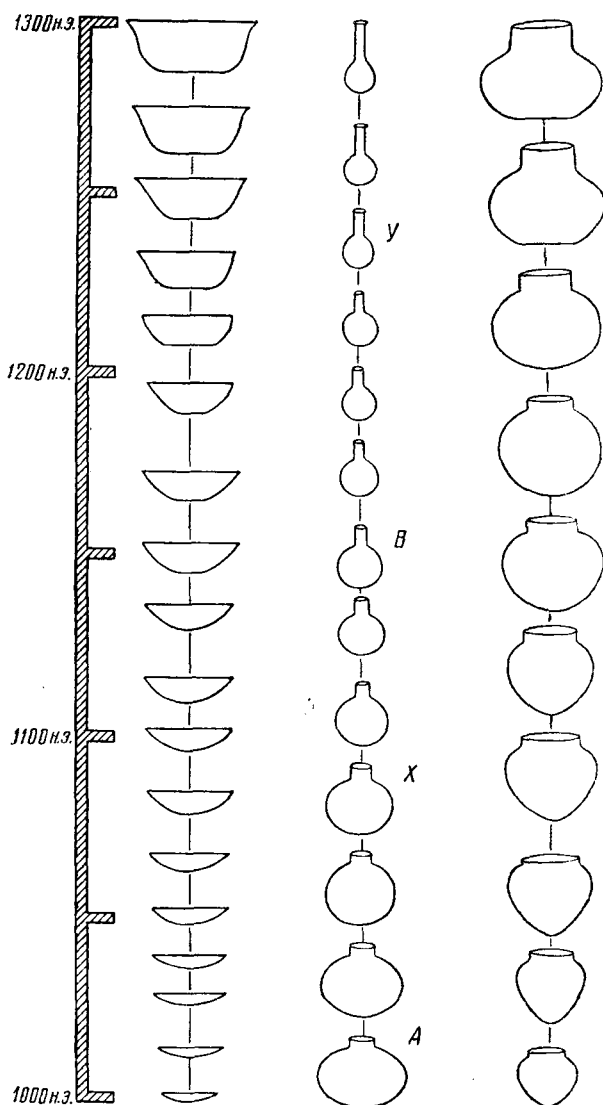

Рис. 1. Выделение типов хронологически изменяющихся форм сосудов

Допустим, с другой стороны, что первый тип выбран в точке *X* этого ряда развития. В таком случае следующий тип по необходимости может быть избран не ближе, чем точка *У*. Типы *X—У* будут такими же правомерными, как типы *A—B*. Суть в том, что те формы, которые являются «типичными» в одной системе, оказываются «промежуточными» формами в другой. С этим же явлением мы встречаемся, прослеживая вариации типов на территории их распространения. Таким об-

разом, классификация должна быть построена так, чтобы учесть это явление¹.

Выше указывалось, что определенные типы проходят период распространения. Этот период создается в постепенно изменяющемся потоке явлений под действием типизации. Продолжительность периода и его место во времени являются результатом определения типа. На рис. 1 тип А имел бы отличный от типа Х и более ранний период распространения, поскольку он установлен на более ранней точке цепи развития. Если это так, то отсюда следует, что когда параллельно развивающиеся формы (например, посуды, сосудов для приготовления или хранения пищи и т. п.), отражающие определенный период в данной культуре, классифицируются в их параллельном развитии, причем измеряется и распространенность различных типов, то возникает определенная количественная схема (рис. 2). На рис. 2 показана распространенность различных способов передвижения в штате Огайо (США) по десятилетиям с 1800 по 1940 г. Относительная распространенность каждого способа обозначена длиной горизонтальных линий, которые можно измерить по масштабу в правом нижнем углу рисунка.

Очевидно, при использовании этих приемов для решения проблем истории культуры археолог должен учитывать некоторые ограничения. Во-первых, уникальные образцы и коллекции вещей из погребений, которые являются результатом отбора древними людьми, мало применимы для этих целей. Наиболее ценные сведения об относительной распространенности различных вариантов вещей дают отложения культурного слоя. Во-вторых, изучаемые предметы должны быть многочисленны, чтобы дать достаточно большое количество примеров и сделать процентное соотношение вариаций убедительным. На практике это обычно либо обломки керамики, либо каменные орудия.

Еще одно ограничение вытекает из того факта, что керамика из культурного слоя почти всегда находится в виде мелких обломков. Выше шла речь о классификации керамики по форме. Такую классификацию широко применяли в изучении керамики, особенно в области Средиземноморья и Центральной Америки. Однако оказалось, что орнамент и отделка поверхности практически могут быть наиболее часто применимыми признаками для классификации обломков сосудов.

Из сказанного выше должно быть ясно, что идеальные коллекции, будучи использованы для создания культурной хронологии, дали бы полную картину развития культуры. Однако этот идеал недостижим. Каждая коллекция, собранная на поверхности, будет содержать черепки, представляющие весь период времени, в течение которого было обитаемо жилище или поселение. Когда на основании таких коллекций составляется диаграмма, она создает впечатление, что период развития отдельных типов начался ранее, чем это имело место на самом деле, а также что он продолжался позднее, чем это было в действительности. То же впечатление создается в типичных культурных слоях в результате нарушения слоев древними обитателями. Какие бы тонкие слои снимал археолог в таком памятнике, практически неизбежно каждый горизонт будет содержать небольшое количество вещей, попавших из слоя, отложившегося в более раннее время, чем то, которое представлено основной массой находок на этом уровне. Обычное искажение, с которым мы сталкиваемся в стратиграфических работах, заключается в том, что типы представляются существовавшими дольше, чем это было в действительности.

¹ Более подробно о типологии см.; J. A. Ford, On the concept of types, «American Anthropologist», т. 56, 1954, Новая серия, № 1.

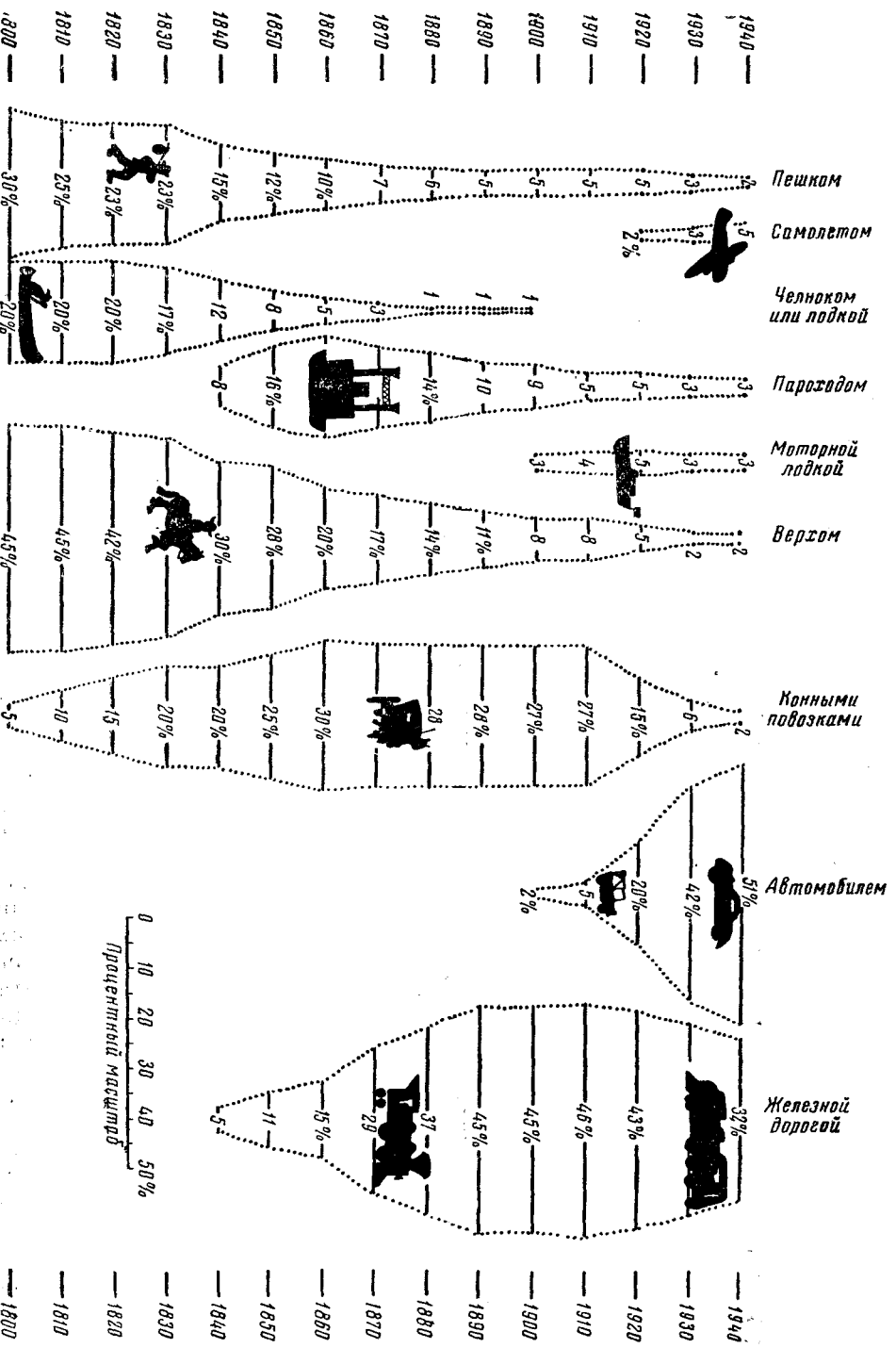

Рис. 2. Диаграмма истории развития способов передвижения в штате Орайо

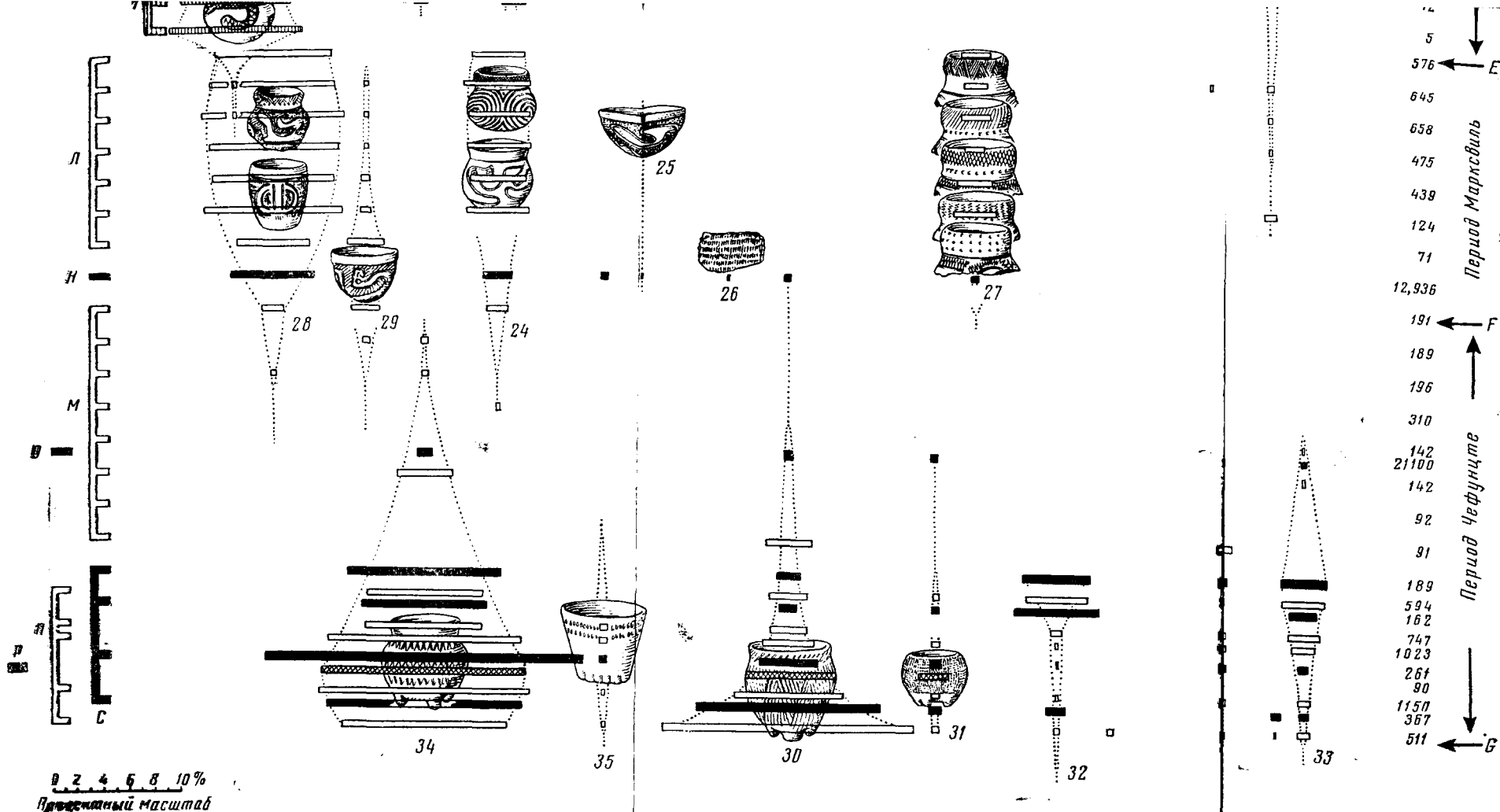

Рис. 3. График относительной распространенности типов керамики из индейских поселений долины Нижней Миссисипи с 200 г. до н. э. по 1700 г. н. э. П а м я т н и к и: А—Эмерелд; Б—Энне; В—Плакемин Маунд; Г—Гринхауз 1; Д—Гринхауз 3; Ж—Пек, раскоп 3; З—Пек, раскоп 1; И—Пек, раскоп 2; К—Пек, раскоп 4; Л—Марксвилль I, II, III; М—Биг Ок Айленд; Н—Крукс Маунд; О—Лафайет Маунд; П—Чофунте I; Р—Лэйк Луи Маунд; С—Чофунте V. Типы керамики: 1. Плакемин штриховая; 2. Катахула нарезная; 3. Фазерленд нарезная; 4. Паркин точечная; 5. Энне, прочерченная внутри; 6. Меддокс прочерченная; 7. Мэнчестер нарезная; 8. Харди нарезная; 9. Понтчартрайн шахматная штамповая; 10. Бэльдос нарезная; 11. Райнхарт точечная; 12. Колс Крик нарезная; 13. Чиз нарезная; 14. Колс Крик гладкая лощеная; 15. Вудвилл с красным ангобом; 16. Ларто с красным ангобом; 17. Чурупа точечная; 18. Йокена нарезная; 19. Френч Форк нарезная; 20. Шевалье штамповая; 21. Тройвилль штамповая; 22. Мазик нарезная; 23. Мальберти Крик шнуровая; 24. Марксвилль нарезная; 25. Марксвилль с красным ангобом; 26. Визерс текстильная; 27. Марксвилль с нарезным краем; 28. Марксвилль штамповая; 29. Крукс штамповая; 30. Чофунте нарезная; 31. Лэйк Борн нарезная; 32. О'Нил гладкая; 33. МанDEVиль гладкая; 34. Чофунте штамповая; 35. Таммани с зашипами

Количественный стратиграфический анализ

Рассмотрим применение нашего метода в различных стратиграфических условиях. Рисунок 3 представляет диаграмму хронологии доисторической керамики, с ограниченной территории диаметром примерно в 100 км, расположенной поблизости от места слияния Миссисипи и Ред-Ривер в США. От основания до вершины диаграмма отражает период времени от 200 г. до н. э. до 1700 г. н. э. Данные по раскопкам культурного слоя показаны вертикальными «лесенками» в левой части таблицы. «Ступеньки» этих лесенок не отражают наблюдаемой стратиграфии слоев — многие из этих слоев не имеют отчетливого деления на горизонты. Опыт показал, что, по-видимому, «одноперодные» слои дают свидетельства культурных изменений, если их раскопать условными горизонтами в 10 или 20 см. Распространенность типов керамики показана длиной горизонтальных линий, расположенных на диаграмме по воображаемому вертикальным осям, отдельно по каждому типу. Так, например, в верхнем горизонте стоянки Эмерелд (рис. 3, А) было собрано 2937 фрагментов глиняной посуды. Когда они были классифицированы, оказалось, что примерно 2% соответствовали характеристике типа, называемого «Плакмин штрихованая», менее 1% — типу «Катахула нарезная», около 5% — типу «Фазерленд нарезная» и т. д. (процентная шкала для измерения длины линий находится в левом нижнем углу рисунка). В противоположность этому нижний слой стоянки Эмерелд дал всего 205 черепков, из которых 11% относится к типу «Плакмин штрихованая»; «Катахула нарезная» и «Фазерленд нарезная» отсутствуют. Из рассмотрения черных полос, отражающих распространенность материала в слоях стоянки Эмерелд, становится очевидным, что они дают, хотя и отрывочную, схему распространенности типов керамики, которая изготовлялась, разбивалась и разбрасывалась в течение тех лет, когда это селение было обитаемо.

Подобным же образом и другие стоянки в районе слияния Ред-Ривер и Миссисипи были исследованы шурфами, выбранными условно установленными слоями. Обломки керамики были расклассифицированы, насколько было возможно, по одной и той же типологической схеме, вычислено процентное соотношение типов и составлены диаграммы. Самый мощный слой здесь имеет всего около 1,5 м. Самый тонкий — около 30 см. Три места находок — Крукс, Лафайет и Лейк Лукс — оказались курганами, но погребенная с покойниками керамика здесь не включена. Коллекция с холма Лафайет, содержащая 21.100 фрагментов, относится к культурному слою, случайно попавшему при насыпке кургана. Можно думать, что строители в процессе сооружения кургана использовали культурный слой своего селения — предположение, которое, естественно, нельзя считать допустимым во всех случаях. В других случаях раскопки были произведены как в более старых, так и в более молодых частях одной и той же стоянки. Так, например, на рис. 3 показаны данные четырех раскопов стоянки Пек.

Когда материал каждого раскопа был нанесен на диаграмму, оказалось, что каждый из них более или менее ясно представляет отрезок количественной хронологической схемы. Такие результаты ожидалось и до раскопок. С этой специальной целью именно эти стоянки были выбраны из сотни других доступных для раскопок.

Каждый раскоп дал материал, отражающий не только какой-нибудь один отрезок исторической схемы: было совершенно очевидно, что многие отрезки хронологически перекрывали друг друга. Один пункт заселялся до того, как покидали другой, так что нижние слои первого можно было сравнивать с верхними слоями второго. Чтобы собрать всю схему, относительная распространенность типов в каждой коллекции откладывалась по масштабу вдоль верхнего края миллиметровки

шириной в 5 см и длиной в 50 см. Эти линии, показывающие относительную распространенность каждого отдельного типа, тщательно помещались в одном и том же месте на всех полосках так, чтобы середина линии приходилась на вертикальную ось, выделенную для данного типа. Послойный материал каждой стоянки выделялся цветом: например, для стоянки Эмерелд был использован красный цвет, для Энне — синий и т. д. На готовой диаграмме (см. рис. 3) штриховка заменила

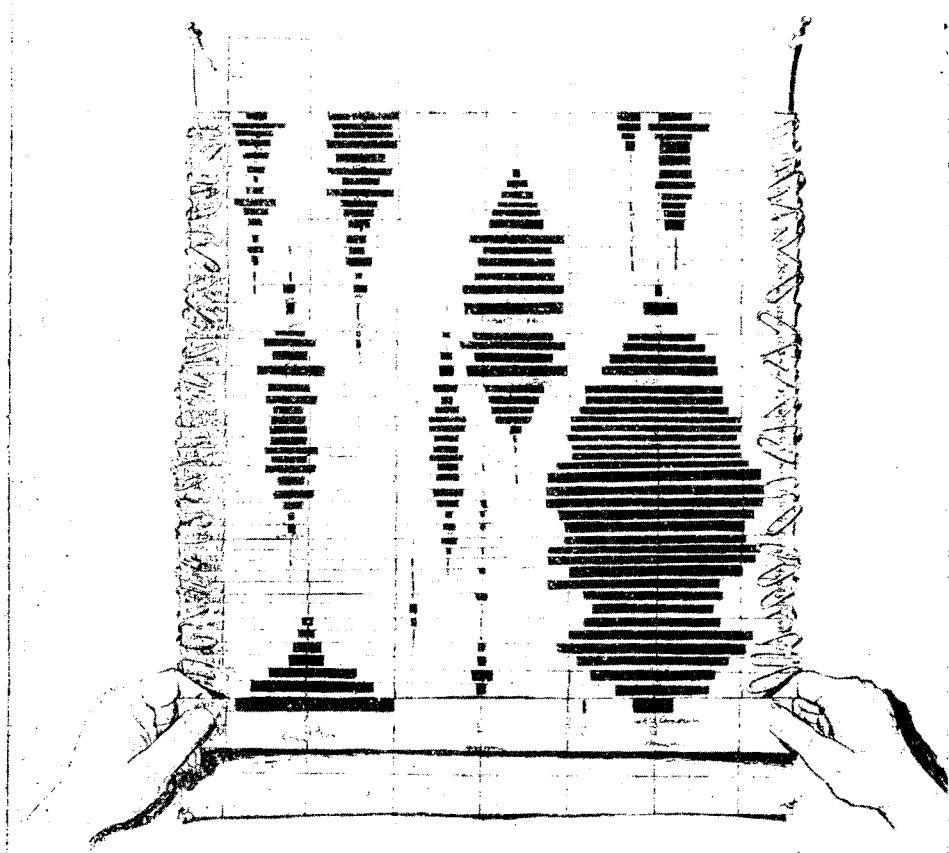

Рис. 4. Метод собирания лент с графиками при сопоставлении стратиграфических раскопок или подборке материала подъемных коллекций в хронологические схемы.

краски рабочего экземпляра. Далее, внимательно следя, чтобы стратиграфические слои располагались в надлежащей последовательности по вертикали, полоски графиков были сложены вместе так, что они находили друг на друга в соответствии с графами и соединялись скрепками (рис. 4). При сборке полосок количественная распространенность каждого типа по разным стоянкам сопоставлялась со всей возможной тщательностью. Основанием для этого служила предположка, что аналогичная распространенность типа в двух коллекциях указывает на принадлежность их примерно к одному времени. Видимо, не существует математического метода, при помощи которого можно было бы сопоставить схемы двух хронологических отрезков. Это может быть достигнуто лишь субъективным путем, при помощи внимательного исследования относительной распространенности всех рассматриваемых типов (керамики в данном случае).

На рис. 3 видно, что количественный график, построенный как описано выше, дает довольно точные относительные даты различных коллекций. Коллекция из 21100 черепков с холма Лафайет может войти в эту диаграмму только в одном месте. Этот холм, очевидно, старше самых нижних слоев стоянки Марксвил и моложе верхних горизонтов культурного слоя острова Биг Ок.

Определение датировки при помощи количественных графиков

Сохранность археологических остатков в прибрежной пустыне в Перу (Южная Америка) близка памятникам Египта. Сотни хорошо сохранившихся развалин жилищ, укреплений, обрядовых и государственных зданий представляют прекрасные возможности для изучения развития архитектуры и планирования поселений в тех случаях, когда можно установить относительные даты этих сооружений. В 1946 г. семь североамериканских археологов работали совместно в небольшой долине Виру на побережье Перу. Некоторые из них сосредоточили свое внимание на стратиграфических разрезах, проводя послойное снятие культурного слоя условными горизонтами. После того как черепки были расклассифицированы, повторяемость типов подсчитана и данные раскопок нанесены на графики, последние были сведены вместе для установления хронологии данного района. Полученная диаграмма показала типологические и частотные изменения в керамике, произошедшие в долине Виру от первого появления здесь глиняной посуды около 800 г. до н. э. до периода испанского завоевания 1532 г. н. э.

В то время как в нескольких выбранных пунктах производились стратиграфические раскопки, бригада археологов обследовала долину. Они изучили и нанесли на карту конструктивные детали более чем 300 зданий различных типов. По мере изучения каждой постройки вокруг нее собиралась коллекция обломков керамики. Это была керамика, в большинстве случаев бывшая в употреблении и разбитая в течение относительно короткого периода, когда здание было обитаемо. Обломки собирали рабочие, не имевшие специальной подготовки. Их предупредили, чтобы они не производили никакого отбора. Они должны были просто наполнять указанное количество холщевых мешков.

Каждая из этих подъемных коллекций, которых было 315, подвергалась классификации, и относительная распространенность типов заносилась в график на ленте. Затем ленты графика сопоставлялись с усредненными кривыми относительной распространенности типов в хронологии долины. Ленты передвигались вверх или вниз по диаграмме, пока не получалось самое полное совпадение всех типов.

Положения коллекций на основном графике определили относительные даты для жилищ, в которых они были собраны. Эта относительная датировка дала возможность детально проследить развитие архитектуры, постепенное расширение ирригационной системы, процесс централизации политико-религиозной организации, о котором свидетельствуют обрядовые сооружения и система укреплений, а также три волны завоевателей, которые покорили этот небольшой район после того, как в соседних районах были централизованы политические системы и достигнута ступень завоевательных войн².

Подборка материала подъемных коллекций в хронологические схемы

Выше указывалось, что соотносительная классификация археологических данных, представляющих отрезок истории культуры, дает количественную схему, подобную изображенной на рис. 3. Те хронологии,

² См. G. R. Willey, Prehistoric settlement patterns in the Virú Valley, Peru, Smithsonian Institution, Bureau of American Ethnology, Washington, 1953, Bulletin 155

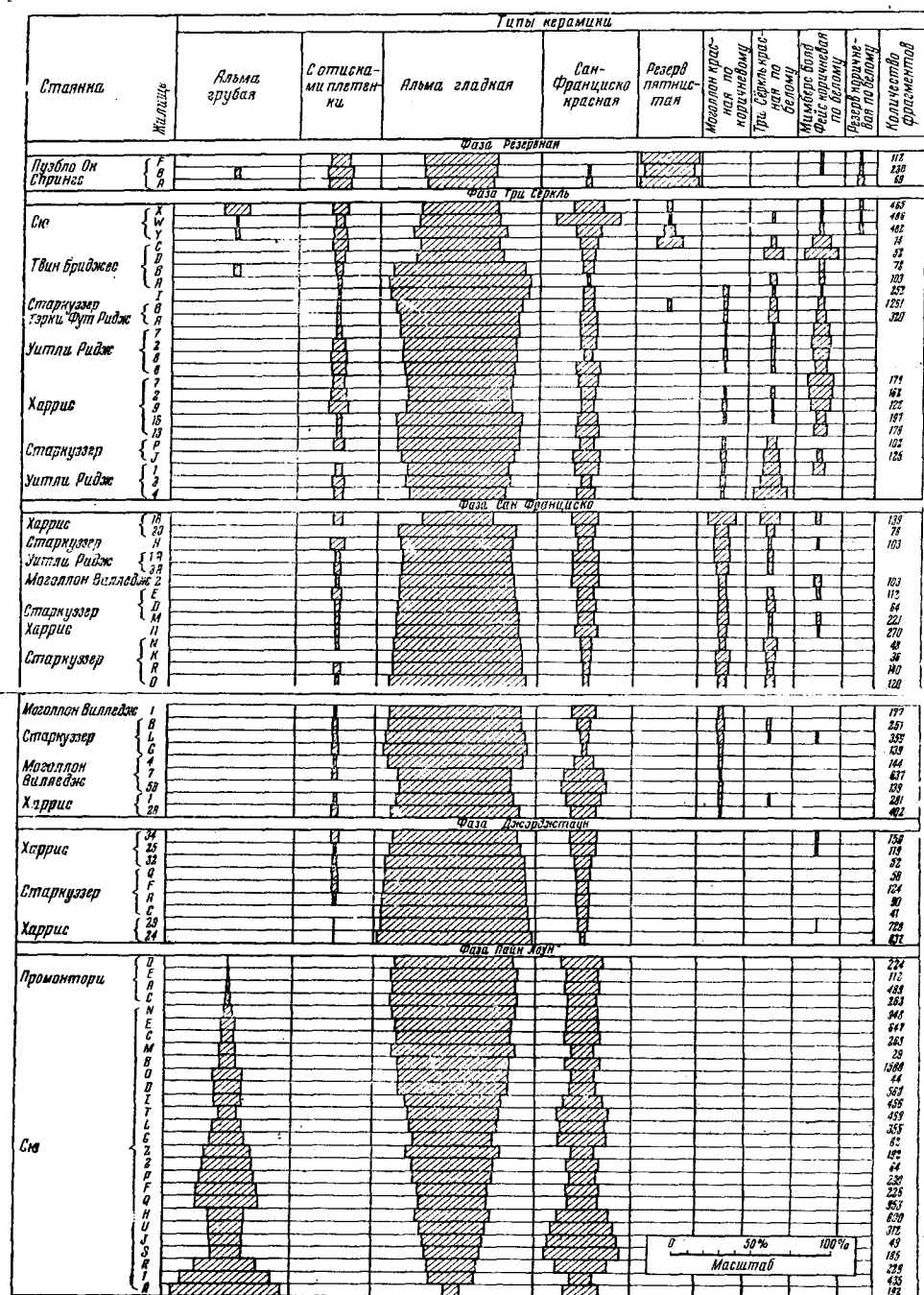

Рис. 5. График, показывающий соотношение основных типов керамики, найденных при раскопках жилищ на стоянках культуры Моголлон (район западной части штата Нью Мексико)

которые являлись предметом обсуждения до сих пор, основывались главным образом на материалах стратиграфических раскопок. Однако историческая схема определенного района может быть установлена с использованием только подъемных коллекций. Чтобы делать это успешно, необходимо соблюдение двух условий: во-первых, каждая кол-

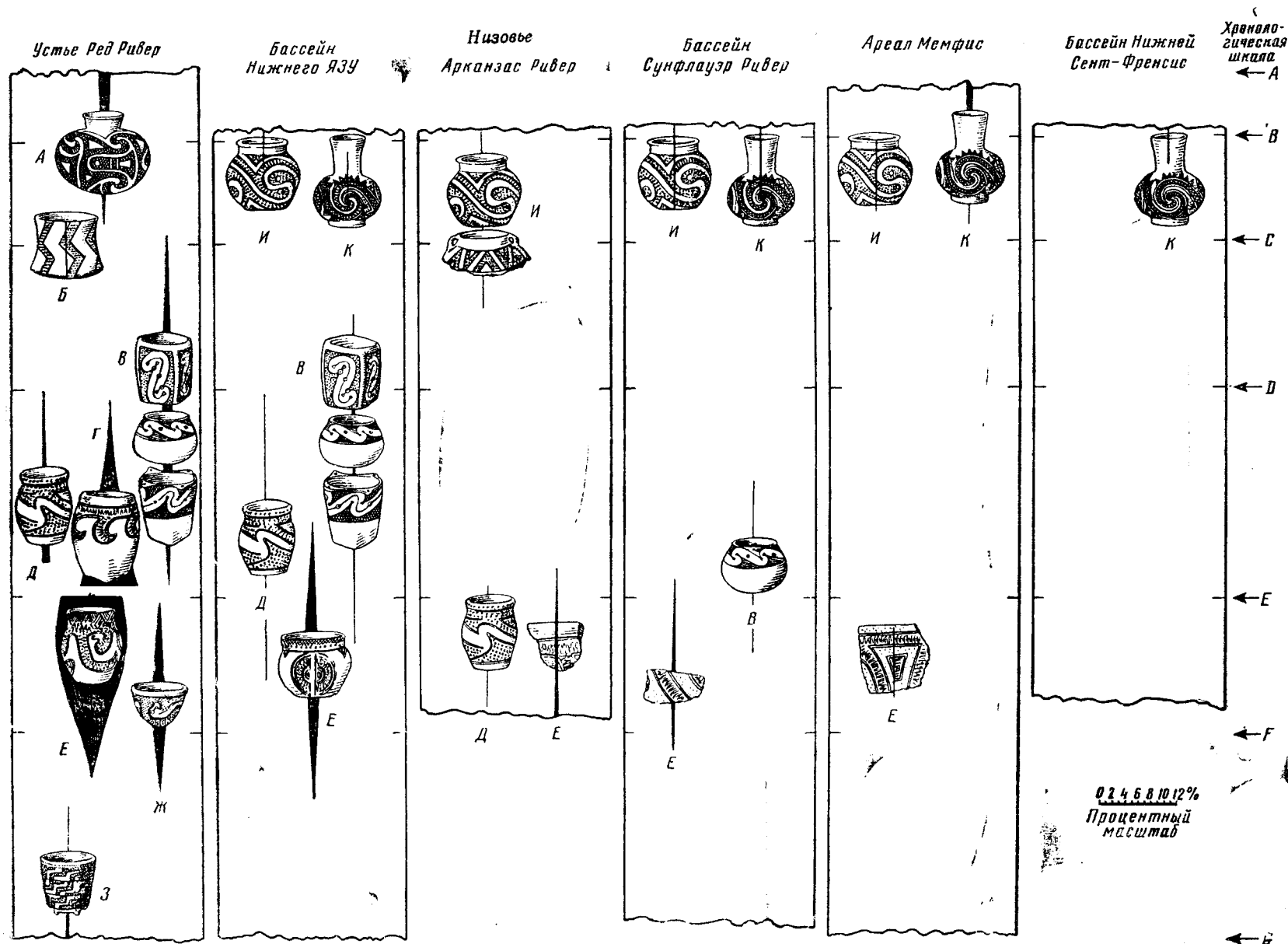

Рис. 7. Сопоставление шести локальных хронологий для территории, расположенной с юга на север по долине р. Миссисипи (№№ I—V, VII — на картрис. 6). Хронологии выработаны по относительной распространенности керамики, характеризующейся орнаментом, основанным на принципе контрастирующих полей. Названия типов керамики: А. Меддокс прочерченная; Б. Дюпре нарезная; В. Френч Форк нарезная; Г. Тройвилл штамповая; Д. Чурупа точечная; Е. Марксвилл штамповая; Ж. Крукс штамповая. З. Орлеанс точечная; И. Оверс точечная; К. Уолс прочерченная.

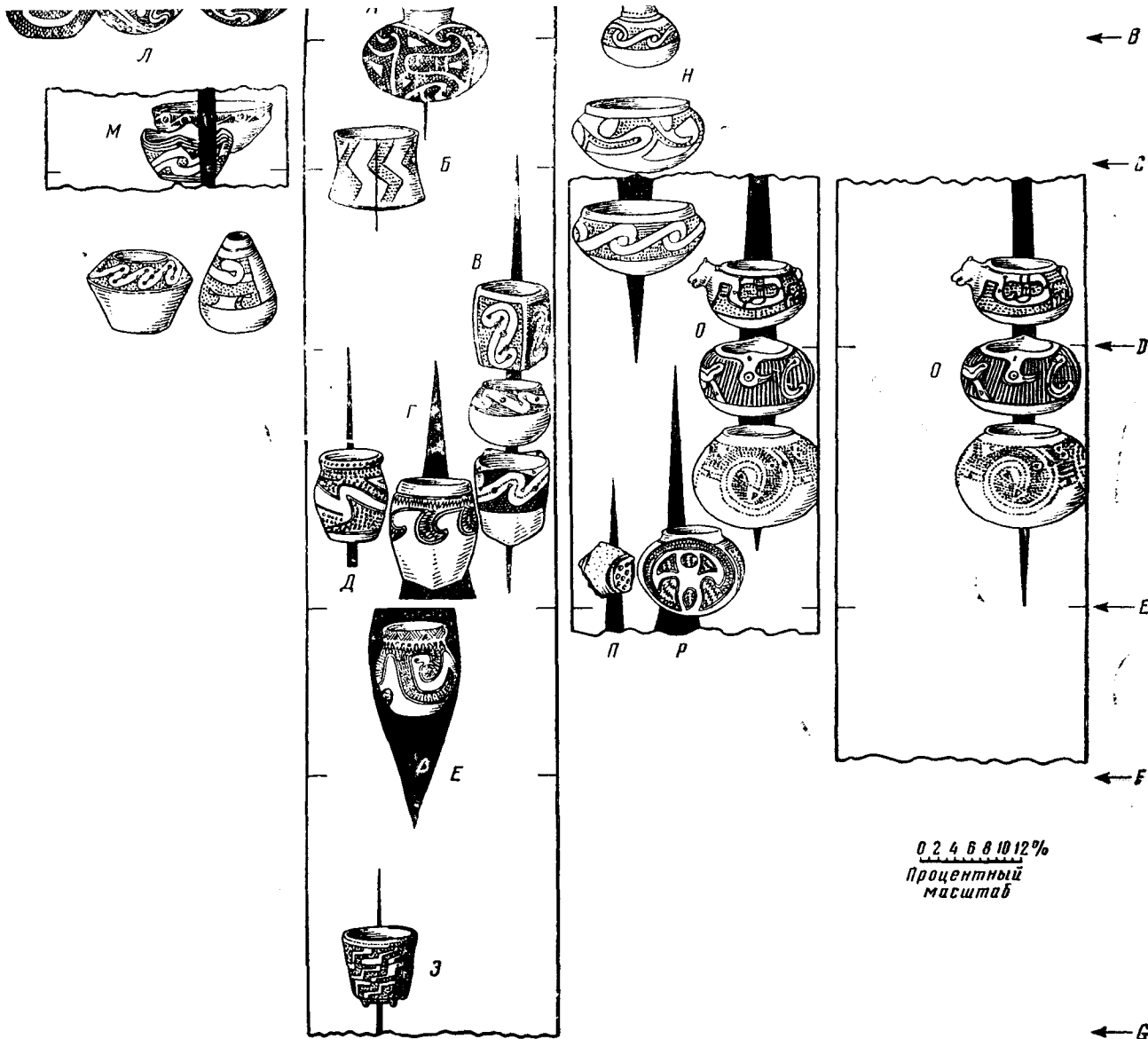

Рис. 8. Сопоставление четырех локальных хронологий для территории, расположенной с запада на восток по побережью Мексиканского залива (№№ VI—IX на карте рис. 6). Принцип установления хронологий как и на предыдущем графике (см. рис. 7). Названия типов керамики: А. Меддокс прочерченная; Б. Дюпре нарезная; В. Френч Форк нарезная; Г. Тройвиль штамповая; Д. Чурупа точечная; Е. Марксвилл штамповая; З. Орлеанс точечная; Л. Прочерченные типы культуры Фултон; М. Крокетт нарезная; Н. Форт Уолтон нарезная; О. Виден Айленд точечно-нарезная; П. Санта-Роза точечная; Р. Аллигейтор Байу штамповая

лекция должна отражать относительно небольшой отрезок времени. Коллекции, где ранний и поздний материал смешан, происходят со стоянок, которые при достаточной мощности отложений могут дать вертикальную стратиграфию, но такие коллекции не подходят для деления на серии. Во-вторых, сборы в изучаемом районе должны быть достаточно интенсивными, чтобы обеспечить уверенность, что в собранных образцах отражен весь период обитания человеком этого района. Кроме того, разумеется, каждая из подъемных коллекций должна содержать более 50 неотобранных образцов, предпочтительно же несколько сотен, так, чтобы процентное соотношение типов действительно отражало существующие в культурном слое пропорции.

Материал каждой подъемной коллекции подвергается разбивке на типы, и относительная распространенность типов откладывается по масштабу на ленту из миллиметровки, как описано выше. Ленты с полученными графиками также помещаются одна над другой, и положение их меняется, пока не сложатся фигуры, характеризующие хронологическое изменение относительной распространенности типов, как это видно на рис. 4.

Часто при составлении какой-либо хронологии комбинировались данные как стратиграфических раскопок, так и подъемных коллекций, соответствующих коротким отрезкам времени.

Описанную технику можно также использовать для обработки материалов, полученных и в результате раскопок, но отражающих небольшие отрезки времени. Рисунок 5 показывает хронологию, основанную на отложениях на полах домов в нескольких старых деревнях западной части штата Нью-Мексико. До применения этого метода было возможно лишь приблизительно распределить здания по периодам, но более точные временные соотношения оставались неизвестными.

Установление географической диффузии доисторических культурных черт

Сказанное выше относится к исследованию хронологий довольно ограниченных географических районов, в которых можно пренебречь вариациями культурных черт, хотя они, несомненно, и существовали в пределах каждого такого района. Проблема установления территориальных культурных вариаций решалась путем установления локальных хронологий в географически смежных районах.

Карта на рис. 6 показывает расположение девяти локальных хронологий в нижней части долины р. Миссисипи и вдоль Мексиканского залива. Каждая из этих хронологий, основанных на керамике из культурных слоев, устанавливалась описанным выше методом, и каждая основывалась на данных, полученных в географическом районе этой хронологии. Для выведения соотношения типов данные, полученные в соседних районах, не привлекались. График на рис. 3 представляет хронологию «Устья Ред-Ривер». Аналогичны и остальные составленные нами диаграммы³. Здесь есть определенное сходство с работой геологов, которые вычерчивают геологические пласты, расположенные под поверхностью, на основании данных, полученных путем бурения скважин. Несколько хронологических диаграмм дают разрезы, отражающие распространение черт доисторической культуры по географическому пространству, и одновременно показывают ее качественные и количественные изменения.

³ P. Phillips, J. A. Ford, J. B. Griffin, Archaeological survey in the Lower Mississippi Alluvial Valley, 1940—1947, «Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology», Harvard University, T. 25, 1951; J. A. Ford, Measurements of some prehistoric design developments in the southeastern states, «Anthropological Papers, American Museum of Natural History», т. 44, ч. 3, New York, 1952.

К сожалению, археолог не располагает данными, которые имеет геолог относительно глубины залегания, показывающих ему характер наклона пластов. Отдельные части хронологических диаграмм приходится сводить лишь на основании предположительных данных относительно направления и скорости диффузии культурных явлений. Отсюда следует, что картина диффузии культурных черт, которую можно получить путем сравнения данных различных хронологий, не отражается в соответствии рядов в колонках, а сама является средством для установления этих соответствий.

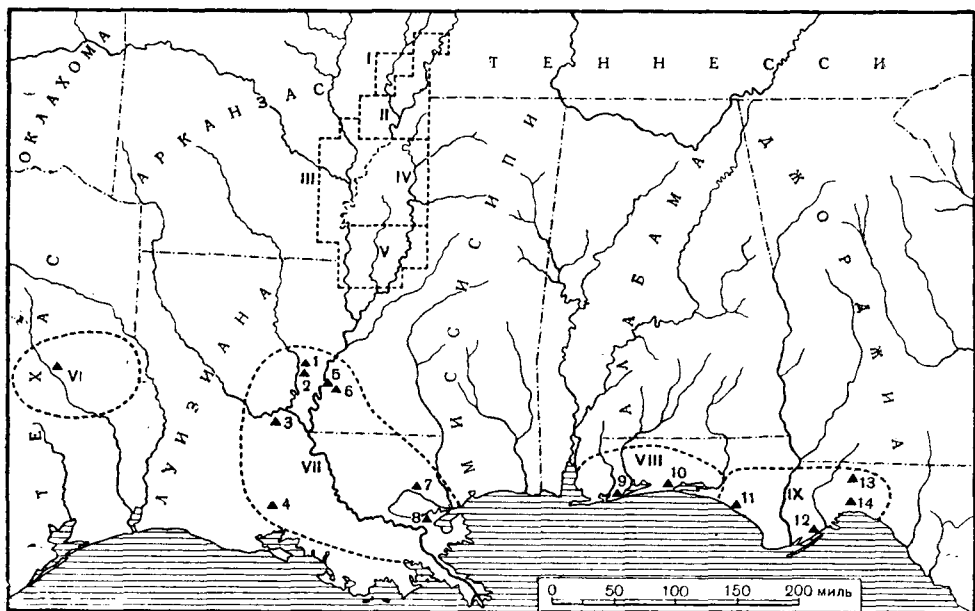

Рис. 6. Карта расположения девяти локальных культур, для которых были установлены параллельные хронологии по керамике. Хронология для устья Ред-Ривер (VII) показана на рис. 3. Названия локальных культур: I. Сент Френсис; II. Мемфис; III. Арканзас Ривер; IV. Санфлауэр; V. Язу; VI. Альто; VII. Устье Ред-Ривер; VIII. Галф Бриз; IX. Каррабелле. Стоянки: 1. Пек; 2. Лейк Луи; 3. Гринхауз; 4. Лайфайет; 5. Энне; 6. Эмерелд; 7. Чифунцте; 8. Биг Ок Айленд; 9. Галф Бриз; 10. Форт Уолтон; 11. Соуэлл; 12. Каррабелле; 13. Лэйк Джексон; 14. Маунд Филд.

В упомянутых девяти хронологиях рассматривалось несколько больших групп керамического орнамента. Среди последних: узоры, нанесенные лопаточкой, прямолинейные нарезные узоры, криволинейные нарезные узоры и др. Два хронологических графика из числа полученных в результате этого исследования представлены на рис. 7 и 8. Они относятся к отделке керамики при помощи контрастирующих шероховатых и гладких полей на поверхности сосудов.

Если обратиться к карте (рис. 6), можно заметить, что эти диаграммы являются в сущности археологическими профилями. Слева направо рисунок 7 изображает хронологические колонки для территорий, расположенных с юга на север в долине Миссисипи. Рисунок 8 отражает хронологии территорий, простирающихся с запада на восток от Восточного Техаса вдоль берега Мексиканского залива. Черные удлиненные расширяющиеся фигуры являются усредненными кривыми относительной распространенности типов первоначальных хронологий. В этом можно убедиться, если сравнить показанные в колонках рис. 7 и 8 типы, относящиеся к устью Ред-Ривер, с полной хронологией, данной на рис. 3. Максимальные повторения показаны цифрами.

Вкратце можно следующим образом объяснить основные данные рис. 7 и 8. Центром распространения керамики типа «Марксвилл штамповая» является устье Ред-Ривер, между хронологическими отметками *E—F*, где она достигла максимума примерно в 10%. Оттуда эта керамика распространилась в варианте, выделенном как «Аллигейтор Байу штамповая», в область Галф Бриз в западной части Флориды, где ее максимум составлял 5%. В области Галф Бриз после хронологической отметки *E* тип «Аллигейтор Байу штамповая» развился в тип «Виден Айленд пунктирно-нарезная», который ко времени *D* достиг максимума в 5%. Этот тип снова распространился в область устья Ред-Ривер как тип «Френч Форк нарезная» с максимумом в 2%. В свою очередь этот тип переместился в восточный Техас как «Крокет нарезная» также с максимумом в 2%. В то же время распространение к северу вверх по долине реки Миссисипи было очень слабым. Оно наблюдается только в районе бассейна Нижняя Язу с максимумом в 1/2%.

Развитие описанной выше методики дало возможность предпринять систематическое изучение истории ранее не изученных или малоизученных территорий. Первым шагом является тщательное обследование памятников, нанесение их на карту и сбор подъемных коллекций. После того как эти коллекции подобраны в графики, намечается хронология и могут быть выделены стоянки, заселенные в течение достаточно длительного времени. Вторым этапом работы являются стратиграфические раскопки на подходящих для этого стоянках. Целью ставится уточнение хронологии и начало определения относительной датировки иных предметов, чем те, на которых основана хронологическая шкала. Третий этап работы заключается в тщательных раскопках тех стоянок, которые дадут сведения для заполнения первоначальной хронологической схемы. Археолог имеет возможность уверенно выбрать места, которые дадут полные сведения относительно всех поддающихся восстановлению сторон культуры для желаемых моментов в истории.

В нашем кратком обзоре можно было только обратить внимание на возможное применение этой методики. Представляя некоторые преимущества, она в то же время имеет ограничения, которые здесь не рассматривались. Более полное рассмотрение теоретических основ установления типологии и приемов для разных условий, с которыми придется сталкиваться в процессе полевых и лабораторных работ, можно найти в изданиях, указанных в сносках.

SUMMARY

American archaeologists have evolved some new techniques for discovering, measuring and comparing cultural chronologies, that are not yet sufficiently known to their European colleagues. The present article briefly discusses the theory and application of a technique known as the Seriation technique.

Г. М. БОНГАРД-ЛЕВИН

ХАРАППСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И «АРИЙСКАЯ ПРОБЛЕМА»

Успехи современной археологии, истории и лингвистики заставляют внести существенные коррективы во многие ставшие уже традиционными представления о развитии древнеиндийской истории и культуры и отказаться от ряда выводов, которые считались окончательными и непоколебимыми.

За 40 лет, прошедших с начала раскопок индийских археологов Р. Банерджи в Мохенджо-Даро и Рай Бахадур Дайя Рам Сахни в Хараппе, накопился обширный материал, позволяющий воссоздать многие черты одной из величайших цивилизаций древнего мира.

Археологические исследования показали, что уже в III тысячелетии до н. э. в долине Инда и прилегающих областях существовала единая (а не единообразная) культура (условно называемая «хараппской»), процветали большие города, построенные по разработанной планировочной схеме, с развитой системой благоустройства, ведущие оживленную сухопутную и морскую торговлю (в том числе и зарубежную), с письменностью, с высокоразвитым ремесленным производством и т. д.

Однако многие вопросы происхождения хараппской культуры, ее внутреннего развития, хронологии, антропологического облика ее создателей и, наконец, времени упадка городов долины Инда до сих пор еще нельзя считать окончательно решенными.

Нет единого мнения, например, по вопросу о происхождении хараппской культуры. Археологические исследования последних лет позволяют поставить вопрос о вызревании хараппской культуры на местной основе в результате внутреннего развития местных доарийских культур, а изучение древних культур Синда и Белуджистана показывает, что в дохараппский и раннехараппский периоды указанные районы составляли область близких друг другу оседлых земледельческих культур расписной керамики, отличающихся местными особенностями¹.

Э. Маккей обнаружил в нижних слоях Мохенджо-Даро обломки керамики белуджистанских типов², а М. Уилер при раскопках строительных комплексов в Хараппе нашел фрагменты керамики типа Зхоб (Рана Гхундай II—III) в слоях, предшествующих городским укреплениям³.

¹ Эта область может быть территориально расширена за счет некоторых районов Афганистана, Ирана и Средней Азии, связи которых с долиной Инда совершенно очевидны и хорошо прослеживаются на археологическом материале. См.: В. М. Массон, Древнеземледельческие племена Ю. Туркменистана и их связи с Ираном и Индией, «Вестник древней истории», 1957, № 1; D. H. Gordon, Sialk, Giyan, Hissar and the Indo-Iranian connection, «Man in India», 1947, т. 27, № 3, его же, The Prehistoric cultures of the Zhab and the Indo-Iranian connection, «Man», 1948, т. 48, № 54—74; его же, The Pottery Industries of the Indo-Iranian Border: Re-statement and Tentative chronology, «Ancient India», 1954—1955, т. 10—11; J. M. Casal, Mundigak as a link between Pakistan and Iran in prehistory, «Journal of the Asiatic Society of Pakistan», 1957, т. 2.

² E. J. H. Mackay, Further Excavations at Mohenjo-Daro, Delhi, 1937, т. 2.

³ M. Wheeler, Harappa, 1946: The Defences and Cemetery R 37, «Ancient India», 1947, № 3, стр. 91 и сл.

На ряде поселений культуры Амри (например, в Гази Шах, Лохри, Панди Вахи и др.) хараппская культура наследует культуре Амри⁴. Особенно значительное сходство прослеживается между культурами расписной керамики Синда и Белуджистана и культурой сельских поселений хараппской цивилизации.

Если вопрос о возникновении хараппской культуры из культуры типа Амри и близких ей культур еще требует дальнейшей разработки и их прямое генетическое родство еще вряд ли можно признать установленным, то наличие тесных связей хараппской цивилизации с древними земледельческими культурами расписной керамики Синда, Белуджистана и прилегающих районов и определенная преемственность традиций не вызывает сомнений, хотя хараппская цивилизация представляла собой новый и более высокий этап в развитии местной культуры.

Недавние раскопки в Кот Диджи (недалеко от Хайрпура, Зап. Пакистан) подтверждают вывод о местном развитии хараппской цивилизации, свидетельствуя вместе с тем, что культуры, предшествовавшие городской цивилизации, достигали порой уже довольно высокого уровня⁵.

Работы индийских и пакистанских археологов позволяют подойти к разрешению проблемы сложения городской цивилизации и внутреннего развития хараппской культуры. Открытия последних лет убедительно опровергли распространенное мнение о единообразии и застойном характере хараппской культуры⁶. Теперь можно говорить не только об общих чертах хараппской культуры в целом, но и о своеобразии и особенностях ее отдельных областей и периодов в истории хараппских поселений⁷. Раскопки хараппских поселений в Рангпуре⁸, Лотхале⁹, Прабхас Патане¹⁰ и других местах выявили неизвестные до сих пор черты позднехараппской культуры. Много нового в решение вопроса о сложении городской цивилизации внесли работы М. Уилера в Хараппе (открытие цитадели, нескольких периодов в строительном комплексе, особенностей системы укреплений и т. д.)¹¹. Исследования пакистанских археологов в Мохенджо-Даро¹² позволили проследить здесь прогрессивное развитие хараппской культуры. Новые археологические исследования дают возможность по-новому осветить и некоторые другие проблемы истории хараппской цивилизации.

Один из самых сложных и дискуссионных вопросов, требующий детального разбора, связан с выяснением причин так называемой гибели хараппской цивилизации, времени и «виновников» этого события.

Традиционная точка зрения, разделяемая большинством исследователей, объясняет падение хараппской цивилизации вторжением арийских племен, которые, по их мнению, разрушили ранее цветущие города. Некоторые археологи рассматривают эти события как налет

⁴ S. Piggott, *Prehistoric India*, London, 1950, стр. 93—94.

⁵ См.: F. A. Khan, *Before Mohenjo-Daro: Kot Diji*, «Illustrated London News», 28 мая 1958; H. Mode, *Das Frühe Indien*, Weimar, 1960, стр. 133.

⁶ Приверженцами этого взгляда являются, например, М. Уилер (указ. раб., стр. 81). С. Пиггот (указ. раб., стр. 138), Г. Чайльд (*Древнейший Восток в свете новых раскопок*, М., 1956, стр. 182).

⁷ См.: A. Ghosh, *A Survey of the Recent Progress in Early Indian Archaeology*, «Indologen-Tagung, 1959, Verhandlung in Essen-Bredeney», 1960, стр. 40—51.

⁸ См.: «Indian Archaeology» 1953—1954.

⁹ «Indian Archaeology», 1954—1955, стр. 12; 1955—1956, стр. 6; 1956—1957, стр. 15; 1957—1958, стр. 7—12; 1958—1959, стр. 13—15; K. N. Puri, *Lothal, an Indus Valley site in Saurashtra*, «Indologen-Tagung, 1959, Verhandlung in Essen-Bredeney», стр. 51—57; S. R. Rao, *New Light on Indus Valley Civilization*, «March of India», 1959, XI, № 9, стр. 38.

¹⁰ «Indian Archaeology», 1955—1956, стр. 7; 1956—1957, стр. 16—17.

¹¹ M. Wheeler, *Harappa*, 1946.

¹² F. A. Khan, *Archaeological activities in Pakistan, 1948—1955*, «Annual Bibliography of Indian Archaeology», Leiden, 1958.

арийских пришельцев. М. Уилер, например, рисует ужасную картину грабежа и резни, которые учинили арийцы в индских городах¹³. Согласно Уилеру, под ударами арийских племен разрушается и гибнет замечательная культура индийцев, просуществовавшая в течение многих сотен лет. «По-видимому, имеется достаточно археологических и других свидетельств,— пишет С. Дикшит,— доказывающих, что цивилизация долины Инда была одним взмахом сметена безжалостным и очень могущественным врагом, которого многие из наших предшественников склонны, быть может, справедливо отождествлять с так называемыми «ариями» ... опустошения, нанесенные этими чужеземными захватчиками, ... послужили причиной заката культуры не только в долине Инда, но также в Белуджистане и т. д.»¹⁴. Число подобных высказываний можно было бы значительно увеличить.

Исследователи, как правило, проходят мимо вопросов внутренней жизни хараппских городов в последний период их существования и игнорируют внутренние причины кризиса древних городов долины Инда.

В противоположность традиционной терминологии мы сознательно говорим не о падении и гибели хараппской культуры, а о внутреннем кризисе городов долины Инда, желая этим подчеркнуть, что упадок городских центров — Хараппы и Мохенджо-Даро — вовсе не означал конца культуры в целом, ее одновременного и повсеместного крушения.

Новые исследования хараппской культуры свидетельствуют о необходимости пересмотра существующих схем истории хараппской цивилизации и основных этапов ее развития.

Специального внимания заслуживает изучение последних периодов в истории хараппских городов. Как показывают исследования, в это время в городах происходят серьезные изменения, связанные с началом внутреннего кризиса.

В главных центрах — Хараппе и Мохенджо-Даро — нарушается нормальная городская жизнь, ослабевает муниципальный надзор. Это ясно выражается в планировке города и состоянии городского строительства. В Мохенджо-Даро крохотные домишки вырастают на развалинах пришедших в упадок общественных строений (например, общественного амбара), вторгаются на улицы¹⁵, что не допускалось в «период расцвета». Даже на главных улицах воздвигаются гончарные печи, а вдоль дорог — целые ряды наскоро построенных прилавков¹⁶. В так называемый последний период стены многих зданий, вопреки обычной практике строительства в два кирпича, сооружаются в один кирпич, многие строения просто забрасываются, обширные постройки перегораживаются в мелкие помещения¹⁷. Черты внутреннего упадка ясно выступают и в городском строительстве в Хараппе. Раскопки М. Уилера показали, что в поздний период истории поселения постройки приходят в упадок и вскоре превращаются в развалины¹⁸.

В городах нарушается внутренняя и внешняя торговля, резко уменьшается количество привозных вещей¹⁹, падает ремесленное производство²⁰.

¹³ M. Wheeler, Mohenjo-Daro, «Tamil culture», 1953, т. II, № 1, стр. 24—27; его же, Pakistan four thousand years ago, «Crescent and Green», London, 1955, стр. 22—24.

¹⁴ С. К. Дикшит, Введение в археологию, М., 1960, стр. 351.

¹⁵ F. A. Khan, Archaeological activities in Pakistan.

¹⁶ Э. Маккей, Древнейшая культура долины Инда, М., 1951, стр. 61.

¹⁷ S. Pigott, Prehistoric India, стр. 227.

¹⁸ M. Wheeler, Harappa, 1946, стр. 65.

¹⁹ Раскопки в Саураштре (например, в Лотхале) показали, что в так называемый последний период прочные связи, ранее существовавшие с главными центрами хараппской цивилизации, разрываются, прекращается и зарубежная торговля. См.: S. R. Rao, New Light on Indus Valley Civilization. «March of India», 1959, т. XI, № 9, стр. 3—8.

²⁰ F. Khan, Указ. раб., стр. L.

Упадок главных городов хараппской культуры большинство исследователей объясняло вторжением иноземных племен, отождествляемых, как правило, с арийцами. Однако черты упадка, вызванные глубокими внутренними противоречиями хараппского общества эпохи бронзы, отчетливо проявляются до проникновения в индские города каких-либо значительных групп пришлых племен.

Вывод об упадке хараппских городов до и независимо от непосредственного вторжения иноземных групп подтверждается новыми исследованиями позднихараппских и послехараппских поселений и городов Саураштры и Катхиаварского полуострова. На этих поселениях не прослеживаются следы каких-либо пришлых культур, но видны изменения, связанные с начавшимся внутренним кризисом хараппской культуры.

В Рангпуре²¹, например, непосредственно над слоем с типично хараппской культурой залегал слой, в керамике которого, представленной мелкими сосудами с блестящей красной поверхностью, налицо черты упадка: ухудшились техника и качество изготовления посуды. Сосуды хуже обработаны, хотя техника их изготовления еще непосредственно связана с Хараппой. «Переходный» период, соответствующий этому слою, как показали раскопки, был довольно продолжительным. Совершенно очевидно, что в данном районе упадок культуры Хараппы был обусловлен не вторжением ариев, а внутренними причинами.

Послехараппская культура (позднехалколитическая по терминологии некоторых индийских археологов) датируется карбонным анализом по материалам в Навда Толи примерно 1500—1200 гг. до н. э. Упадок хараппских поселений в Саураштре в основном совпадает, таким образом, с датировкой падения главных центров долины Инда. Район распространения «переходной» послехараппской культуры простирается, по современным данным, от Рангпура на западе до Трипуры на востоке, доходя на юге до Брахмагири²².

Раскопки в Прабхас Патане также позволили проследить развитие местных культур в послехараппскую эпоху, не вскрыв никаких иноземных культур²³. Первый период в истории города ясно распадается на две фазы; ранняя характеризуется грубой керамикой с нарезным орнаментом, близкой к позднихараппской керамике Рангпура, и типичными для энеолита микролитическими пластинами; следующая фаза ознаменована появлением обильного количества расписной керамики. Формы сосудов и характер их росписи свидетельствуют о сочетании традиций позднихараппской керамики с керамикой, роспись которой близка к мотивам на сосудах энеолитических культур Центральной Индии; однако преобладает еще позднихараппская традиция. В следующем периоде, наряду с сохранением некоторых позднихараппских традиций (например, роспись), появляется хорошо лощеная красная керамика. Техника изготовления расписной керамики постепенно ухудшается, сосуды резко уменьшаются в размерах, упрощается орнамент (сосуды расписываются лишь горизонтальными полосами).

Последовательность перехода от культуры развитой Хараппы к поздне- и послехараппским культурам прослеживается и на ряде других поселений Саураштры и Катхиаварского полуострова²⁴.

Особый интерес представляют новые исследования индийских археологов в Лотхале. Город был крупным торговым портом (раскопками открыты специальные доки для судов), ведущим торговлю с зарубежными странами, и имел хорошо спланированную систему городской

²¹ «Indian Archaeology», 1953—1954, стр. 7. О результатах раскопок 1954—1955 гг. см.: Г. М. Бонгард-Левин, Новые археологические исследования в Индийской республике (1954—1955), «Сов. археология», 1957, № 3, стр. 303.

²² K. N. Puri, Указ. раб., стр. 53.

²³ «Indian Archaeology», 1955—1956, стр. 7; 1956—1957; стр. 16—17.

²⁴ Например, раскопки в Роджди (Саураштра), см.: «Indian Archaeology», 1958—1959, стр. 19—21.

застройки²⁵. Для борьбы с наводнениями была создана отличная дренажная система, построены платформы из кирпича и глины. Раскопки 1953—1959 гг. вскрыли пять периодов в истории города²⁶, в том числе и поселение постехараппского времени. Расцвет Лотхала относится к четвертому периоду, после которого наступает постепенный упадок: каналы для отвода воды строятся плохо, состояние дорог резко ухудшается. Нарушается система водоснабжения и канализации²⁷. Около 1500 г. до н. э. Лотхал подвергся сильному наводнению, но скоро жизнь в городе восстановилась и продолжалась еще около 500 лет. В этот период, т. е. после 1500 г. до н. э., уже не прослеживаются связи с главными центрами²⁸ долины Инда, которые в этот период клонятся к упадку. Таким образом, период внутреннего упадка Лотхала относится к периоду, непосредственно предшествующему 1500 г. до н. э., что хорошо согласуется с датировкой последних этапов жизни индских городов. Никаких пришлых культур в районе Лотхала и его окрестностей не прослеживается.

Результаты археологических исследований в Саураштре и на Катхиаварском полуострове служат особенно убедительным опровержением традиционной точки зрения о гибели хараппской цивилизации под напором мощного потока арийских племен.

В ряде поселений северо-восточной периферии хараппской цивилизации, как и в Саураштре, засвидетельствована видоизмененная форма хараппской культуры, развившаяся здесь независимо от появления каких-либо пришлых племен (работы А. Гхоша). В этой форме хараппская культура продолжает существовать здесь значительно дольше, чем в западных областях хараппской цивилизации и после того, как приходят в упадок ее главные центры на Инде.

Все приведенные материалы определенно свидетельствуют о том, что явные признаки внутреннего упадка хараппской культуры в городах долины Инда появились до прихода иноземных племен, а в ряде районов (Саураштра, Катхиавар) — без всякой, даже временной, связи с этим событием.

Вывод о внутреннем кризисе хараппской культуры, однако, не противоречит и не исключает вторжения в долину Инда иноземных племен. В ряде центров долины Инда так называемый последний период — период внутреннего упадка — сопровождался борьбой хараппцев с пришлыми племенами. Это проявляется, например, в укреплении оборонительной системы, в создании специальных построек для отражения нападения врага²⁹ и т. д. Изучение системы укреплений Хараппы привело М. Уилера к выводу, что в поздний период истории города население находилось в оборонительном положении³⁰. С. Пиггот обратил внимание на тайники с драгоценностями в поздних слоях Мохенджо-Даро, что указывает, по его мнению, на наступление тревожных времен³¹. Естественно, что внутренний кризис облегчал проникновение в долину Инда иноземных племен.

Решение вопроса об этнической принадлежности первых пришельцев в индские города связано с анализом нехараппского материала в каждом из центров-городов. Наиболее обширны сведения по Мохенджо-Даро, Хараппе, Чанху-Даро.

Последний период в Мохенджо-Даро связан со странным, на первый взгляд, усилением контакта с культурами Южного Белуджистана,

²⁵ См. S. R. Rao, *New Light on Indus Valley civilization*, стр. 3—8.

²⁶ «*Indian Archaeology*», 1957—1958; стр. 12; 1958—1959, стр. 13—15.

²⁷ K. N. Puri, *Lothal, an Indus Valley site in Saurashtra*, стр. 56.

²⁸ S. R. Rao, *Указ. раб.*, стр. 7—8.

²⁹ M. Wheeler, *Harappa*, 1946, стр. 74; С. К. Дикшит, *Указ. раб.*, стр. 349—351.

³⁰ M. Wheeler, *Harappa*, 1946, стр. 74.

³¹ S. Pigott, *Prehistoric India*, стр. 227.

главным образом с Кулли, что выражается в появлении керамики, и каменных сосудов белуджистанских типов³². Трудно представить, что в этот нелегкий для индского населения период вновь расцвела торговля с поселениями Белуджистана. По-видимому, усиление белуджистанских влияний было связано с проникновением в долину Инда (и в частности, в Мохенджо-Даро) каких-то племен из Южного Белуджистана.¹ Причины такого движения в настоящее время не выяснены; можно предполагать, что имело место давление на них передвигавшихся с запада племен, в том числе и арийских. Возможно также, что это было лишь нападение одного из племен соседнего Белуджистана. В пользу этого говорят обнаруженные на улицах Мохенджо-Даро несколько групп скелетов, положение которых свидетельствует о насильственной смерти людей³³. Некоторые исследователи (например, М. Уилер, С. Дикшит) считают покойников жертвами мощного потока арийских завоевателей³⁴, однако наиболее правдоподобной представляется связь этого события в истории Мохенджо-Даро с пришельцами из соседнего Белуджистана³⁵.

Своеобразная культура (так называемая культура могильника «Н») ³⁶, отличная от обнаруженной в Мохенджо-Даро, была открыта в послехараппских слоях собственно Хараппы. Сравнение материалов хараппского могильника «R37» и могильника «Н» позволяет рассматривать культуру могильника «Н» как послехараппскую по времени и нехараппскую в своей основе. Большие различия существуют, например, между обрядами захоронения носителей обеих культур. Резко отлична от хараппской и керамика могильника «Н»: сильно обожженная, красная, с зооморфным орнаментом³⁷. В целом сведения о культуре могильника «Н» пока весьма малочисленны: кроме Хараппы, можно указать еще лишь на два поселения центральной части долины Инда (Луреват и Ратха Тхери), при раскопках которых она была обнаружена. В самой же Хараппе эта культура прослежена на очень ограниченной территории. Носители культуры могильника «Н» возводили свои грубые, построенные в один кирпич жилища часто на развалинах хараппских строений³⁸. Непосредственного взаимодействия носителей культуры могильника «Н» с хараппцами не обнаружено. Более того, раскопки 1946 г. доказали наличие определенного временного разрыва между последним этапом в истории Хараппы и периодом, связанным с приходом в город носителей культуры могильника «Н»³⁹. Можно думать, что их появление в Хараппе относилось ко времени, когда город уже был оставлен хараппцами. Данное заключение может служить еще одним аргументом против традиционной точки зрения о непосредственной взаимосвязи упадка хараппской культуры с пришлыми племенами,

³² S. Piggott, Указ. раб., стр. 221; K. Deva, D. McCown, Further Exploration in Sind, «Ancient India», 1949, № 5, стр. 70, табл. VI; D. H. Gordon, The Pottery Industries of Indo-Iranian Border, стр. 162.

³³ См. Э. Маккей, Древнейшая культура долины Инда, стр. 37.

³⁴ Для таких выводов нет достаточных оснований, поскольку наличие лишь нескольких групп скелетов в таком огромном городе, как Мохенджо-Даро, не является доказательством общей резни, которую будто бы учинили в индских городах арийские пришельцы. По приблизительным подсчетам, население Мохенджо-Даро должно было быть не менее 100 тыс. человек. См.: B. K. Chatterjee, The Date and Character of the Indus Civilization. «The Journal of the Bihar Research Society», 1956, т. XLII, № III—IV, стр. 390—391.

³⁵ S. Piggott, The Chronology of Prehistoric north-west India, «Ancient India», N 1, 1946, стр. 11; M. Wheeler, The Indus Civilization, стр. 49—51.

³⁶ M. Wheeler, Harappa, 1946, стр. 65, 74.

³⁷ См.: M. S. Vats, Excavations at Harappa, т. 1—2, Delhi, 1940; M. Wheeler, Harappa, 1946.

³⁸ См.: M. Wheeler, Harappa, 1946, стр. 65, 74.

³⁹ См. M. Wheeler, Указ. раб., стр. 74; его же, The Indus Civilization, стр. 50; A. Ghosh, On the Prehistoric Harappa Civilization, «Indo-Asian Cultures», 1959, № 8, стр. 166.

сопоставляемыми, как правило, с арийцами. Такая точка зрения была высказана и в отношении культуры могильника «Н»: по М. Уилеру, создателями этой культуры были племена ведических ариев, разрушивших города долины Инда⁴⁰. Однако идентификация М. Уилера встречает серьезные возражения⁴¹: уже отмеченную чрезвычайную узость территориальных границ распространения культуры могильника «Н» трудно согласовать с представлением о вторжении арийских племен. Кроме того, рассматриваемая культура совершенно отсутствует в тех районах, где принято располагать племена ведических ариев⁴².

Естественно полагать, что появление культуры могильника «Н» в Хараппе и двух других пунктах связано с проникновением в долину Инда небольшой группы племен, об этнической принадлежности которых судить в настоящее время крайне затруднительно⁴³.

Совершенно иная послехараппская культура — культура Джукар — засвидетельствована в ряде поселений Синда. Ее взаимоотношения с хараппской культурой наиболее отчетливо прослеживаются в Чанху-Даро, небольшом поселении к юго-востоку от Мохенджо-Даро. Первые три периода (Чанху-Даро IА, IВ, IС) относятся к собственно хараппской культуре, затем после большого перерыва появляется культура типа Джукар (Чанху-Даро II), известная по находкам одноименного поселения в Синде. Раскопки Э. Маккея показали, что создатели культуры Джукар появились в Чанху-Даро через 600 лет после того, как город был покинут хараппцами⁴⁴, по-видимому, из-за наводнения. Таким образом, конец хараппской культуры и в Чанху-Даро не был обусловлен или связан с приходом иноземных племен — носителей культуры Джукар.

Культура Джукар отмечена рядом особенностей, отличающих ее от хараппской культуры и сближающих с культурами Белуджистана и Ирана. Керамика Джукара более грубая и пористая, чем хараппская, значительно хуже обожжена; орнамент (преимущественно геометрический) нанесен черной или красной краской. Хараппская же керамика, как известно, монохромная⁴⁵.

⁴⁰ См.: М. Wheeler, Harappa, 1946, стр. 82.

⁴¹ См.: Г. М. Бонгард-Левин и Д. В. Деопик. Новые материалы по древнейшей истории Индии, «Вестник древней истории», 1957, № 2, стр. 192.

⁴² A. Ghosh, The Rajputana Desert, its Archaeological Aspect, «Bulletin of the National Institute of Sciences», 1952, т. 1, стр. 37—42; его же, Exploration in Bikaner, «East and West», 1953, т. IV, № 1, стр. 31—34; N. P. Banerjee. Annual Bibliography of Indian Archaeology, стр. XXI; B. B. Lal. Protohistoric Investigation, «Ancient India», 1953, № 9, стр. 88.

⁴³ Антропологический материал из могильника «Н» в Хараппе изучен недостаточно и полностью еще не опубликован. Б. Лал ссылается на наличие арменоидных и протоавстроидных черт у создателей культуры могильника «Н» (см.: B. B. Lal, Protohistoric Investigation, стр. 88), однако такое определение слишком общо и не может в какой-либо степени разрешить проблему этнической принадлежности носителей культуры могильника «Н». Большой интерес представляет наличие некоторого сходства между культурами могильника «Н» и Кулли (см.: S. Pigott, Dating the Hissar Sequence — the Indian evidence, «Antiquity», т. XVII, № 162, стр. 179). Возможно, что в данном случае, как и в Мохенджо-Даро, мы имеем дело с культурой, носители которой проникли в долину Инда из областей Белуджистана.

⁴⁴ По мнению Маккея, этот разрыв исчисляется примерно в 600 лет. См.: E. Mackay. Chanhu-Daro Excavations, 1935—36, «American Oriental Series», т. 20, New Haven, 1943. Иную позицию занимает М. Уилер, считающий, что здесь существовал очень небольшой временный интервал (M. Wheeler, The Indus Civilization, стр. 44). Е. Росс и Д. Маккауэн считают, что культура Джукар являлась прямым наследником хараппской культуры (см.: E. J. Ross, D. E. McCown. A chalcolithic site in Northern Baluchistan, «Journal of the Near Eastern Studies», 1944, т. V, № 4, стр. 287).

⁴⁵ О различиях между керамикой обеих культур подробнее см.: E. Mackay, Chanhu-Daro Excavations, стр. 24, 103—104. При резком различии керамики обеих культур имело место, по-видимому, и определенное заимствование жукарами ряда форм и типов у хараппцев. Однако это не дает еще оснований считать Джукар прямым наследником хараппской культуры.

Уже М. Маджумдар указывал на сходство между керамикой Джукара и Амри⁴⁶. Еще более близкие аналогии можно найти в керамике Белуджистана⁴⁷. Значительное сходство прослеживается между керамикой Джукара и керамикой из Могхул-Гхундай, Шахи-Тумп и т. д.⁴⁸ Можно предполагать, что в поздний период жизни хараппских городов небольшая по численности группа племен, тесно связанная с областями Белуджистана⁴⁹, проникает в Синд и оседает в ряде поселений долины Инда, уже покинутых хараппцами (например, Чанху-Даро), или где хараппская культура окончательно клонится к упадку⁵⁰.

Такая картина хорошо согласуется с данными, которые известны и из некоторых других городов и поселений долины Инда (Хараппа, Мохенджо-Даро).

По мнению ряда исследователей (например, Р. Гейне-Гельдерна⁵¹ и В. Ферсервиса⁵²), создателями культуры Джукар были арийцы, которые и разрушили хараппские города долины Инда. С этой точкой зрения нельзя согласиться. Отождествление джукарцев, культура которых прослеживается лишь в трех поселениях Синда, с культурой ведических ариев противоречит многим материалам и плохо согласуется по времени и по территориальному охвату с так называемым арийским вторжением⁵³. Очевидно, перед нами одна из волн двигавшихся с запада племен (возможно, из Ирака)⁵⁴, на которых уже могли оказывать определенное давление индоарийские (или индоиранские) племена. О многократных перемещениях племен свидетельствуют и материалы из Белуджистана, в различных районах которого в этот период прослеживается частая смена культур (например, Периано Гхундай, Рана Гхундай, Шахи Тумп, Дабар Кот и т. д.)⁵⁵. Сопоставление этих сходных

⁴⁶ См.: М. С. Majumdar, *Explorations in Sind*, «Memoires of the Archaeological Survey of India», № 48, 1934, стр. 26—81.

⁴⁷ S. Pigott, *Prehistoric India*, стр. 222—223. Согласно С. Пигготу, керамика Джукара включает различные элементы, в которых определяющими являются мотивы керамики Кулли. В Лохуджо-Даро в слое культуры Джукар Маджумдар (указ. раб., стр. 57) обнаружил обломки керамики типа «Наль».

⁴⁸ Керамические и фаянсовые печати, металлические изделия Джукара находят близкие аналогии в Шахи-Тумпе. По мнению ряда исследователей, обе культуры примерно одновременны и относятся к первой половине II тысячелетия до н. э. (см.: S. Pigott, *The Chronology of the Prehistoric north-west India*, «Ancient India», 1946, т. I, стр. 18; его же, *Prehistoric India*, стр. 223; В. В. Lal, *Prehistoric Investigation*, стр. 89).

⁴⁹ Вопрос о происхождении культуры Джукар и этнической принадлежности ее создателей еще ждет своего окончательного разрешения.

⁵⁰ Возможно, что близость между культурами Джукара, Шахи-Тумпа, Рана Гхундай IV и т. д. обязана одному и тому же процессу — проникновению племен с запада в Белуджистан и Синд. Печати-пуговицы и проушные топоры, характерные для культуры Джукар, по мнению Г. Чайльда, были введены в Индии северо-западными пришельцами. Близкие аналогии Г. Чайльд находит в Северном Иране, высказывая мысль, что «среди „варваров“, уничтожающих хараппскую цивилизацию, были, очевидно, захватчики из северо-западного Ирана» (см.: Г. Чайльд, *Древнейший Восток в свете новых раскопок*, стр. 284—285).

⁵¹ R. Heine-Geldern, *The Coming of the Aryans and the End of the Harappa Civilization*, «Man», 1956, т. LVI, стр. 136—140.

⁵² W. Fairervis, *The Chronology of the Harappan Civilization and the Aryan Invasions*, «Man», 1956, т. LVI.

⁵³ Культура Джукар не отвечает двум условиям, предъявляемым к культуре индоарийских племен в Индии, на которые справедливо указывает А. Гхош: 1) датировка — вторая половина II тысячелетия — первая половина I тысячелетия; 2) район распространения — область, колонизованная индоарийцами (Брахмаварта и Брахмаршидеша); см.: A. Ghosh, *A Survey of the Recent Progress in Early Indian Archaeology*, «Indologien-Tagung, 1959», стр. 46.

⁵⁴ В. Ферсервис, отождествляя джукарцев с арийцами, пытается наметить путь движения носителей культуры Джукар в Индию: из Восточного и Южного Афганистана через Гомельский перевал в долину Зохба и оттуда в Синд (см.: W. Fairervis, *The Chronology of the Harappan Civilization*, стр. 155—156).

⁵⁵ См.: A. Stein, *An Archaeological Tour in Waziristan and Northern Baluchistan*, «Memoirs of the Archaeological Survey of India», № 37, Calcutta, 1929; его же, *An*

культур с культурами Ирана и Передней Азии позволяет датировать их появление в Белуджистане и Синде приблизительно первой половиной II тысячелетия до н. э. (наиболее вероятна дата 1800—1600 гг. до н. э.)⁵⁶, что согласуется с датировкой периода внутреннего упадка хараппских городов. Именно в этот период ослабления центров индской цивилизации небольшие этнически различные группы пришлых «варварских» племен и смогли проникнуть в некоторые города долины Инда⁵⁷.

Приведенные материалы свидетельствуют, таким образом, о том, что в большинстве поселений и городов хараппской цивилизации упадок хараппской культуры не был вызван вторжением иноземных племен, в том числе и индоарийских. Лишь в ряде городов долины Инда небольшие группы первых пришельцев довершили уже начавшийся ранее внутренний упадок хараппской культуры. Внутренний кризис хараппской культуры, по-видимому, представлял собой общий процесс, охватывавший хараппскую цивилизацию в целом. Каковы были его причины, сказать в настоящее время трудно.

Можно думать, что определенное влияние на внутреннее положение хараппских поселений, в первую очередь торговых городов, оказало изменение политической карты Передней Азии и движение на восток индоевропейских племен. Это привело к нарушению нормальной торговли индских городов с Западом (в том числе с государствами Двуречья). В провинции, по имеющимся материалам, перемены ощущались значительно меньше и не так болезненно. Даже после падения основных центров — Мохенджо-Даро и Хараппы — многие провинциальные поселения и даже города продолжают существовать и приспособляются к новым условиям, видоизменяя свою культуру. Слабость хараппских городов, переживающих внутренний кризис, при появлении иноземных племен легко вела к полному упадку. Для этого не требовалось мощной лавины пришельцев. Археологические материалы рисуют весьма пеструю картину заключительных этапов истории хараппских городов, свидетельствуя о появлении различных и сравнительно небольших групп пришлого населения в некоторых городах долины Инда. Первые пришельцы, одновременно проникавшие в долину Инда, не принадлежали к единой этнической группе. В различных городах послехараппские по времени и нехараппские в своей основе культуры отличаются друг от друга: в одних — это культура, очень близкая к южнобелуджистанским культурам; в других — это — «типичноварварская»⁵⁸ культура типа Джукар, в третьих — культура могильника «Н», связанная, по-видимому, также с Белуджистаном.

В свете новых материалов, таким образом, следует отказаться не только от традиционной точки зрения о гибели хараппской культуры в целом, но и от вывода о непосредственной связи упадка якобы цветущей

Archaeological Tour in Gedrosia, «Memoirs of the Archaeological Survey of India», № 43, Calcutta, 1931; E. J. Ross, A Chalcolithic Site in Northern Baluchistan; B. de Cardi, A New Prehistoric Ware from Baluchistan, «Iraq», т. III, ч. 2, 1951; его же, New wares and fresh problems from Baluchistan, «Antiquity», 1959, т. 33, № 159; W. Fairervis, Archaeological Surveys in the Zhob and Loralai districts, New York, 1959.

⁵⁶ S. Piggett, Dating the Hissar Sequence — the Indian Evidence, стр. 179—181; B. B. Lal, Protohistoric Investigation, стр. 88—91; см. также: D. H. Gordon, Sialk, Giyan, Hissar and the Indo-Iranian connection. Перемещения и вторжения различных этнических групп засвидетельствованы в Белуджистане и в более поздний период.

⁵⁷ Об этом свидетельствует также значительное увеличение в поздних слоях ряда хараппских центров предметов иноземного производства. Эти вещи находят прямые аналогии в культурах Ирана и Белуджистана первой половины II тысячелетия до н. э. См.: S. Piggett, Notes on certain metal pins and a mace-head in the Harappa Culture, «Ancient India», 1947—1948, № 4.

⁵⁸ Г. Чайльд, Древнейший Восток в свете новых раскопок, М., 1956, стр. 284.

щих городов хараппской цивилизации с приходом мощного потока арийских племен.

Однако не является ли данное заключение отрицанием реальности самого факта прихода в Индию индоарийских племен?

Каким образом можно согласовать материалы о внутреннем кризисе хараппских городов и их упадке до появления иноземных племен с теорией «арийского вторжения» в Индию?

Для ответа на эти вопросы первостепенное значение имеет датировка «конца» Хараппы⁵⁹ и появления в Индии культуры, которую можно соотнести с индоарийскими племенами. В настоящее время наиболее правильным представляется отнесение «конца» городов долины Инда, в XVI в. до н. э.⁶⁰, памятуя при этом, что упадок хараппских поселений протекал в разных районах неодинаково и, по-видимому, неодновременно. Указанная дата, наиболее справедливая для индских центров хараппской культуры — Хараппы и Мохенджо-Даро, устанавливается как благодаря находкам индийских вещей в Двуречье и месопотамских изделий в долине Инда, так и на основе спектрального анализа сегментированных фаянсовых бус из Кносса (Крит), обнаруженных в верхних слоях Хараппы⁶¹. Датируя «конец» Хараппы серединой II тысячелетия до н. э.⁶² и непременно связывая ее повсеместное, по их мнению, падение с «арийским нашествием», исследователи сталкивались с серьезными затруднениями, поскольку солидные доказательства прихода в этот период в Индию индоарийских племен привести весьма затруднительно. Наряду с этим материалы лингвистики (главным образом данные по Передней Азии)⁶³ и археологии говорят о возможном

⁵⁹ Мы имеем в виду в данном случае датировку заключительных этапов собственно хараппской культуры, когда индские города переживали период внутреннего упадка.

⁶⁰ Серединой II тысячелетия до н. э. датируют это событие многие исследователи, см.: М. Wheeler, Harappa, 1946, стр. 81—83; его же, The Indus Civilization, стр. 90—93; Э. Маккей, Древнейшая культура долины Инда, стр. 136; В. В. Струве, Предисловие к русскому переводу книги Маккея, указ. изд., стр. 14; D. H. Gordon, The early use of metals of India and Pakistan, «Journal of the Royal Anthropological Institute», т. LXXX, 1950, стр. 56; его же, The Pottery Industries, стр. 170—171.

⁶¹ J. E. S. Stone, A second fixed point in the chronology of the Harappa Culture, «Antiquity», 1949, т. XXIII, № 92, стр. 201—204. Интересны в данной связи и материалы из Лотхала, свидетельствующие о прекращении связей города с долиной Инда после середины II тысячелетия до н. э. Это было связано, по-видимому, с упадком в этот период хараппских центров в долине Инда, что позволяет этим временем датировать и заключительные этапы жизни индских городов, см.: S. R. Rao, New Light on Indus valley Civilization, стр. 7—8.

⁶² Некоторые ученые, например А. Пусалкер и Э. Маккауэн, отстаивают старую дату — конец III тысячелетия до н. э.; см. «The History and Culture of Indian peoples», т. I, Calcutta, 1950, стр. 192; E. McCown, Relative Stratigraphy and Chronology of Iran в кн.: R. Ehrich, Relative Chronology in Old World Archaeology, Chicago, 1954, стр. 61. Датировка Маккауэна была подвергнута справедливой критике в статье: В. М. Массон, Н. Я. Мерперт, Вопросы относительной хронологии Старого Света, «Сов. археология», 1958, № 1, стр. 258.

⁶³ Лингвистические материалы свидетельствуют о появлении (или наличии) в Передней Азии значительного индоарийского (или, что менее вероятно, еще индоиранского) этнического элемента. См. N. D. Mironov, Aryan Vestiges in the Near East of Second Millenary B. C. «Acta Orientalia», 1933, т. XI, стр. 140—217; S. Konow, The Aryan gods of the Mitanni people, «Royal Frederik University», Publications of the Indian Institute Rustiana, 1921; его же, Mitanni, Iran and India, «Dr. J. Modi Memorial Volume», стр. 81—94; W. Brandenstein, Die alten Inder in Vorderasien und die Chronologie des Rigveda, Frühgeschichte und Sprachwissenschaft, Wien, 1948, стр. 134—145; M. Mayerhofer, Die Induskulturen und ihre westlichen Beziehungen, «Saeculum» 1951, т. II, № 2; его же, Zu den arischen Sprachresten in Vorderasien, Die Sprache, т. V, стр. 74—95; K. Jarits, Die Kassitischen Sprachreste, «Anthropos», 1957, т. 52, № 5—6, стр. 850—898; H. Kronasser, Indisches in den Nuzi-Teguten, «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», 1957, т. 53, № 3-4, стр. 181—182 и др. Некоторые авторы довольно определенно решают вопрос о наличии индоарийского или индийского этнического элемента (см., например: P. Thieme, The «Aryan» gods of the Mittani Treaties, «Journal of the American Oriental Society», 1960, т. 80, № 4, стр. 301—316). Указанные материалы пока не могут быть непосредственно увязаны с «вторжением арийцев» в Индию и путями этого процесса, однако они являются скорее аргументом за, чем против появления индоарийских племен в Индии в конце II тыс. до н. э.

появлении индоарийских племен в Индии на несколько веков позднее (по археологическим материалам это событие относится приблизительно к XIII—XI вв. до н. э.⁶⁴). Таким образом, совершенно очевиден значительный временный разрыв между упадком ряда хараппских городов долины Инда и появлением в Индии ведических ариев. Однако исследователи, придерживаясь традиционной точки зрения об обязательной взаимосвязи «конца» Хараппы и «арийского нашествия», пытались преодолеть возникавшие затруднения, либо относя к более раннему времени появление в Индии арийских племен, либо датируя «конец» Хараппы XIII—XII вв. до н. э. (например, Р. Гейне-Гельдерн и В. Ферсервис)⁶⁵. Оба пути крайне искусственны и не находят поддержки ни в археологических, ни в лингвистических материалах⁶⁶. Выход из этого лишь внешнего затруднения один: отказаться от традиционной точки зрения о «гибели» хараппской цивилизации и хараппских центров долины Инда под ударами ведических ариев и признать наличие значительного временного разрыва между обоими событиями, хорошо прослеживаемого на археологическом материале. Такое заключение ни в коей мере не отрицает и не противоречит проникновению индоарийских племен в Индию, реальность которого не вызывает в настоящее время никаких сомнений. «Арийское нашествие» в Индию представляло собой волнообразное и неодновременное проникновение различных индоарийских племен, общие черты культуры которых в Индии засвидетельствованы лишь в XII—XI вв., т. е. через несколько столетий после упадка главных центров индской цивилизации. В XI—X вв. отдельные группы индоарийских племен, проникшие в Индию, складываются в единую общность, с единой археологической культурой. Этим же периодом датируется в настоящее время и оформление в единое собрание — Ригведу разрозненных гимнов ведических ариев. Еще в 20—30-х годах лингвисты на основе анализа данных Ригведы очертили примерный район распространения ведических племен эпохи сложения и оформления Ригведы — Восточный Пенджаб (преимущественно его северо-восточные районы)⁶⁷. Теперь эти выводы находят блестящее подтверждение в материалах археологии: примерно в этом же районе обнаружена послехараппская культура с единым комплексом материала, нижняя граница которой датируется XII—X вв. до н. э. — так называемая культура серой расписной керамики⁶⁸. Эта культура,

⁶⁴ См.: G. Contenau, *La civilisation iranienne*, Paris, 1952, стр. 43—45; C. Schaeffer, *Stratigraphie comparée et chronologie de l'Asie Occidentale*, London, 1948. Появление арийцев в Индии на основе археологического материала Р. Гейне-Гельдерн относит к XII—X вв. до н. э. (см.: R. Heine-Geldern, *The Coming of the Aryans and the End of the Harappa Civilization*). Согласно новым исследованиям, древнейший памятник арийских племен в Индии — Ригведа датируется примерно X в. до н. э. (см.: «History and Culture of Indian People», 1951, т. I, стр. 203).

⁶⁵ R. Heine-Geldern, *The Coming of the Aryans and the End of the Harappa Civilization*; W. Fairervis, *The Chronology of the Harappan Civilization and the Aryan Invasions*.

⁶⁶ V. Milošič, *Chronologie der Jüngerer Steinzeit Mittel- und Südosteuropas*, Berlin, 1949. Подробный разбор статьи Р. Гейне-Гельдерна дан Д. В. Деопиком и Н. Я. Мерпертом, см. «Сов. Археология», 1957, № 4, стр. 198—211.

⁶⁷ A. Woolner, *The Rigveda and the Punjab*, «Bulletin of the School of Oriental and African Studies», т. VI, стр. 540—554; H. Chakladar, *Aryans in Eastern India in Rigvedic Age*, «Modern Review», 1930, январь, стр. 40—44; его же, *Eastern India and Aryavarta*, «Indian Historical Quarterly», т. IV, стр. 84—101. Кейс располагал их в районе Амбалы, см.: «The Cambridge History of India», 1922, т. I, стр. 78.

⁶⁸ B. B. Lal, *Excavation at Hastinapura and other Explorations in the Upper Ganga and Sutlej basins*, 1950—1952, «Ancient India», 1954—1955, т. 10—11; его же, *The Painted Grey Ware of the Upper Gangetic basin: an approach to the problems of the Dark Age*, «Journal of the Asiatic Society of Bengal», 1950, т. XVI, нов. серия. По мнению Б. Лала, серая расписная керамика находит аналогии в керамических изделиях Ирана и Сеистана (B. Lal, *Excavation at Hastinapura*, стр. 147).

таким образом, полностью отвечает двум условиям, предъявляемым к культуре, сопоставляемой с индоарийскими племенами⁶⁹: она распространена на территории дальнейшего расселения арийцев и датируется концом второй половины II тыс. — началом I тыс. до н. э.⁷⁰

Итак, представляется возможным соотнести индоарийские племена эпохи сложения Ригведы с культурой серой расписной керамики⁷¹. Это заключение хорошо согласуется с приведенными выше материалами о существовании значительного временного разрыва между внутренним упадком хараппской культуры и появлением в Индии ведических ариев. На ряде поселений Восточного Пенджаба, верховий Ганга и Джамны, где обнаружены и хараппская культура, и культура серой расписной керамики, между обеими культурами прослеживается значительный перерыв. Таковы результаты раскопок в Рупаре⁷², Котланиганге⁷³, Аламгирпуре⁷⁴, в районе Биканера⁷⁵. До сих пор еще не обнаружено ни одного поселения, где бы культура серой расписной керамики залегала непосредственно над слоем с хараппской культурой. В этом нет ничего удивительного, поскольку между упадком хараппских поселений и появлением ведических ариев существовал значительный перерыв. Для Котланиганга, например, Б. Лал определяет его в 500—400 лет⁷⁶, что хорошо согласуется с датировкой упадка ряда главных хараппских поселений (примерно XVI—XV вв. до н. э.) и культуры ариев (XII—XI вв. до н. э.). Возможно, что в будущем будут найдены поселения, где культура серой расписной керамики будет непосредственно залегать над культурой, связанной еще с хараппской культурой. Но-

⁶⁹ A. Ghosh, A Survey of the Recent Progress in Early Indian Archaeology, «Indo-Iogen-Tagung, 1953», стр. 46.

⁷⁰ Лишь последнему условию отвечает послехараппская культура Джангар, обнаруженная, однако, только в нескольких поселениях небольшого района Синда. В Чанху-Даро эта культура представлена слоем, залегающим над культурой Джукар. Как показали раскопки, небольшая по численности группа людей — создателей культуры Джангар оккупировала город уже после того, как он был оставлен джукарцами. Вскоре совершенно исчезли и следы пребывания в Чанху-Даро джангарцев (см.: E. Mackay, Chanhu Daro Excavations, стр. 23—24). Сведения о культуре Джангар весьма фрагментарны и явно недостаточны для того, чтобы решать вопрос об отождествлении создателей этой культуры с арийскими племенами (см.: N. Majumdar, Explorations in Sind, стр. 68—70, 151—155 и др.; С. К. Дикшит, Введение в археологию, стр. 344; D. H. Gordon, The Pottery Industries of Indo-Iranian Border, стр. 171). Вопрос об этнической принадлежности создателей культуры Джангар требует специального изучения. Особого внимания заслуживают в данной связи материалы о связи Джангара с керамическими традициями Ирана и Белуджистана (см.: N. Majumdar, указ. раб., стр. 70). По-видимому, мы имеем дело с проникновением в долину Инда с запада небольшой группы «варварских» племен, которые продолжали вторгаться в Индию в течение нескольких веков после упадка основных центров хараппской цивилизации. По мнению Э. Маккея, джангарцы были местным племенем с примитивной культурой (E. Mackay, указ. раб., стр. 133). Сопоставление культуры Джангар с культурами Средней Азии также показывает, что «культура Джангар отражает для Индии дальнейшие судьбы той культуры «варварской» оккупации, явные следы которой обнаружены теперь на целом ряде памятников вдоль северных окраин Иранского плоскогорья» (см. С. П. Толстов и М. А. Итина, Проблема Суярганской культуры, «Сов. археология», 1960, № 1, стр. 35).

⁷¹ На возможность такого сопоставления впервые указал Б. Лал, которого поддерживали А. Гхош и другие индийские археологи. Н. Банерджи, отмечая ряд данных о связи арийцев с культурой серой расписной керамики, считает в целом эту проблему нерешенной загадкой, поскольку существует явный разрыв между хараппской культурой и культурой серой расписной керамики (см.: N. P. Banerjee, Annual Bibliography of Indian Archaeology, стр. XXIV). Банерджи, подобно многим другим исследователям, придерживается традиционной точки зрения об обязательной взаимосвязи «конца» Хараппы с приходом арийцев. Поэтому эта важнейшая проблема древнеиндийской истории остается для них загадкой.

⁷² «Indian Archaeology», 1953—1954, стр. 6; A. Ghosh, A Survey of the Recent Progress in Early Indian Archaeology, сmp. 51—53.

⁷³ B. B. Lal, Excavation at Hastinapura, стр. 24.

⁷⁴ «Indian Archaeology», 1958—1959, стр. 53—55.

⁷⁵ A. Ghosh, Exploration in Bikaner, стр. 34.

⁷⁶ B. B. Lal, Excavation at Hastinapura, стр. 24.

вые раскопки индийских археологов показали, что после падения основных центров долины Инда хараппские поселения Саураштры и Катхиаварского полуострова продолжали существовать в несколько видоизмененном виде и развивать свою культуру. Можно допустить, что и в районе распространения культуры серой расписной керамики некоторые хараппские поселения после гибели индских центров продолжали существовать вплоть до XII—XI вв., приспособив к новым условиям свою культуру. Последующие исследования должны решить этот вопрос.

В настоящее же время не представляется возможным говорить о прямой связи хараппских поселений с арийскими племенами: лишь на ряде поселений Восточного Пенджаба, верховий Ганга и Джамны, связанных в прошлом с хараппской культурой, примерно через 400—500 лет после упадка здесь хараппских поселений, появляется культура индоарийских племен — культура серой расписной керамики.

Наличие значительного перерыва во времени между внутренним кризисом хараппской культуры и приходом в Индию индоарийских племен является своего рода ответом на одну из загадок древнеиндийской истории и культуры — отсутствие значительного влияния хараппской культуры на последующие культуры индоарийских (индийских) народов Индии. Соотнесение ведических ариев с культурой серой расписной керамики позволяет поставить вопрос о путях проникновения в Индию индоарийских племен. Ареал распространения этой культуры, изучение топонимики и гидронимики Ригведы, а также отсутствие в районах нижнего и среднего течения Инда каких-либо элементов культуры серой расписной керамики или культур, которые можно было бы связать с ее создателями — ведическими ариями, — все это свидетельствует в пользу северного пути движения индоарийских племен в Индию, вероятней всего, через северный Иран и северный Белуджистан. Это позволяет говорить о том, что ведические арии не были даже территориально связаны с основными районами хараппской цивилизации. Проникнув в Индию из северо-западных районов, индоарийские племена оккупировали Восточный Пенджаб и верховья Ганга, т. е. области, которые в прошлом являлись восточной периферией хараппской цивилизации. Лишь значительно позднее при расселении арийских племен из района их первоначального обитания по Индии индоарийская (индийская) культура распространяется и на долину Инда, и на другие области некогда существовавшей здесь хараппской цивилизации. К сожалению, нам очень плохо известны культуры долины Инда, синхронные по времени культуре серой расписной керамики. Лишь в Чанху-Даро была обнаружена культура Джангар, датируемая приблизительно тем же периодом. Черты сходства между обеими культурами не обнаружены. Перед нами, по-видимому, две различные и в эгническом отношении культуры, создатели которых разными путями проникают в Индию примерно в одно и то же время. Постепенное проникновение «варварских» племен из областей Белуджистана и Ирана в долину Инда прослеживается на протяжении очень длительного времени.

Новые раскопки индийских археологов позволили, однако, говорить о непосредственных предшественниках арийцев в ряде областей Джамно-Гангского двуречья⁷⁷. На этой территории вплоть до прихода арийцев обитали племена — создатели культуры «медных кладов и желтой керамики», которых можно связывать, по нашему мнению, с предками современных народов мунда⁷⁸.

⁷⁷ B. Lal, Excavation at Hastinapura; его же, Protohistoric Investigation, стр. 91—97.

⁷⁸ Г. М. Бонгард-Левин, Д. В. Деопик. К проблеме происхождения народов мунда, «Сов. этнография», 1957, № 1.

В XI—IX вв. поселения предков мунда (культура медных кладов) в Джамно-Гангском двуречье перестают существовать и сменяются арийскими племенами (культура серой расписной керамики)⁷⁹, и лишь значительно позднее индоарийские племена достигают Ориссы, Западного Бенгала, Бихара, т. е. района, являющегося как бы центром древнемундских поселений.

Исследования индийских археологов показали, что арийские племена культуры серой расписной керамики занимали значительно больший район, чем восточные области хараппской цивилизации⁸⁰. Поселения этой культуры обнаружены в районе Биканера, в долине Гхаггара, в местах, связанных с событиями «Махабхараты», и т. д. Они доходят на востоке до Шравасты⁸¹, а на севере до Дели⁸². На многих поселениях этого района культура серой расписной керамики была найдена в самых нижних слоях, свидетельствуя тем самым, что носители этой культуры часто были первыми поселенцами, осваивая новые, ранее не заселенные территории⁸³.

Изучение культуры серой расписной керамики (главным образом ее ранних этапов, относящихся к XII—XI вв. до н. э.) позволяет восстановить материальную культуру индоарийских племен эпохи сложения Ригведы и основные этапы ее развития на индийской почве. Ведические арии — создатели культуры серой расписной керамики — предстают перед нами как оседлые земледельцы и скотоводы, знающие гончарный круг, а из металлов — медь⁸⁴, что согласуется с данными Ригведы. Позднее, уже на индийской почве, они начали пользоваться железом⁸⁵. В целом о культуре серой расписной керамики (особенно IX—VII вв. до н. э.) можно говорить уже как о местной культуре индийских племен, а не как об извне принесенной культуре только что вторгшихся народов⁸⁶. Показательно, что многие черты культуры серой расписной керамики легли в основу следующей за ней культуры «северной черной полированной керамики», охватившей уже значительную часть Северной Индии (VI—V вв. до н. э. — III—II вв. до н. э.). В этот период в долине Ганга возникают новые центры индийской культуры, создаются крупные государства, укрепляются экономические, торговые и культурные связи между различными областями страны. Центр индийской культуры и государственности перемещается с берегов Инда в долину Ганга.

Таковы основные материалы о заключительных этапах истории хараппской цивилизации и появлении в Индии индоарийских племен.

Восстанавливаемая картина еще далека от завершения. Необходима дальнейшая разработка ряда аспектов изучаемых проблем, необходимы

⁷⁹ Указанные материалы подтверждают изложенное выше положение о появлении в Индии арийских племен в XII—XI вв. до н. э.

⁸⁰ См.: B. Lal, Excavation at Hastinapura, карта на стр. 4.

⁸¹ A. Ghosh, A Survey of the Recent Progress in Early Indian Archaeology, стр. 46, «Indian Archaeology», 1958—1959, стр. 47—50.

⁸² Там же, стр. 50—55.

⁸³ A. Ghosh, Exploration in Bikaner, стр. 33; B. Lal, Excavation at Hastinapura, стр. 7.

⁸⁴ «Indian Archaeology», 1958—1959, стр. 2; B. Lal, Excavation at Hastinapura, стр. 12—15. Находки костей животных свидетельствуют о приручении лошади, быка, свиньи, овец и т. д.; из злаков был известен рис.

⁸⁵ В Хастинапуре в слое культуры серой расписной керамики железо обнаружено не было, однако в Аламгирпуре и Шравасты в слоях, относящихся к поздней фазе этой культуры, железо было найдено. Новые раскопки показали, что носители культуры серой расписной керамики перешли к употреблению железа только в последний период ее существования. В Хастинапуре этот этап культуры отсутствовал, так как жители из-за наводнений покинули город задолго до этого периода (см.: «Indian Archaeology», 1958—1959, стр. 47—55; B. Lal, Excavation at Hastinapura), стр. 12—15.

⁸⁶ Раскопки в Хастинапуре — столице Кауравов показали, что распространение культуры серой расписной керамики соответствует по времени созданию основного ядра Махабхараты (B. Lal, Protohistoric Investigation, стр. 97).

дополнения и уточнения; возможны и значительные изменения. Однако одно безусловно уже и сейчас: традиционная точка зрения о гибели цветущих городов хараппской цивилизации под напором мощного потока арийских племен требует кардинального пересмотра.

SUMMARY

The major achievements of contemporary archeology, linguistics and history have made it possible to revise the traditional view concerning the ultimate period of the Harappa civilization and the «Aryan invasion». The new materials bear witness to the internal decline and the crisis of the Harappan centres prior to the appearance of alien tribes, and in certain areas (e. g. Kathiawar Peninsula and Gujarat) without the chronological connection with it. Only in several parts of the Indus valley did the neighbouring tribes penetrating from the West (apparently tribes from Baluchistan) actually consummate the internal decline of these settlements. The penetration from the West of small groups of alien tribes took place over a lengthy period of time, beginning with the first centuries of the 2nd millennium B. C. Studies of the post-Harappa cultures in the Indus valley show that the invading tribes belonged to different ethnic groups, whose culture is closely paralleled by the cultures of Baluchistan.

The traditional view presuming a direct connection between the downfall of the Harappa culture and the powerful invasion of Vedic Aryans should now be radically reviewed. The upper limit of the culture of painted grey ware, which may be linked with the Vedic Aryans, is dated by the 11th-10th centuries B. C. This culture has been traced only in the Punjab and in the Upper Gangetic basin, where at the beginning of the 1st millennium B. C. the Rigveda was taking shape. Thus it has to be admitted that there exists a considerable chronological gap between the decline of the Harappa culture (16th century B. C.) and the culture of the Vedic Aryans (12th-11th centuries B. C.).

Direct links between the Harappa culture and that of the Vedic Aryans (the culture of painted grey ware) have not yet been archeologically traced.

Studying the culture of painted grey ware makes it possible to reconstruct the material culture of the Vedic Aryans.

Э. Р. ТЕНИШЕВ

ЭТНИЧЕСКИЙ И РОДОПЛЕМЕННОЙ СОСТАВ НАРОДНОСТИ ЮЙГУ

Народность юйгу (численность около 4000 человек) живет у городов Цзюцюань (Сучжоу) и Чжанье (Ганьчжоу) в западной части провинции Ганьсу Китайской Народной Республики.

Этноним «юйгу» — транскрипция слова уйгур в его метатезисной форме: йуйгу < йугур < уйгур¹.

Предки современных юйгу, тюркоязычные уйгуры, по сведениям китайских источников, переселились в Западный Китай из бассейна р. Селенги в конце VII — начале VIII в. н. э.² Новый поток хлынул в середине IX в. после того, как уйгурский каганат в Монголии был разгромлен кыргызами. Исторические предания самих юйгу говорят о том, что они пришли в район Сучжоу с запада, из легендарных мест Сиджи-Хаджи и Ченфутун в эпоху Канси (1662—1722 гг.). Это дает основание думать, что народность юйгу сложилась из нескольких переселенческих волн: древней (из Монголии) и сравнительно новой (из Турфана — ?).

Таким образом, на территории Китая народность юйгу обитает более тысячи лет. Все это время, как и теперь, юйгу находятся в постоянном и теснейшем общении с китайским, монгольским и тибетским народами. Этот длительный процесс живого взаимодействия, естественно, наложил отпечаток на культуру и язык юйгу — образовалось несколько частей тюркоязычного в прошлом народа. Всего таких частей четыре.

а) Часть юйгу, сохранившая свой тюркский язык. Самоназвание ее — сарыг-югур³, что в переводе означает «желтый уйгур». Племя сарыг-югур известно с глубокой древности⁴. Тюркоязычные сарыг-югуры (в количестве около 2000 человек) компактно населяют район Минхуа к югу от г. Цзюцюани. Степные жители (ойлыг) оседлы. Они занимаются отгонным скотоводством, немного земледелием и живут в глиняных домах с плоской крышей. Обитатели гор (таглыг) кочуют вместе со своими стадами и живут в шерстяных палатках.

Сарыг-югуры говорят также на китайском языке (диалект Ганьсу), а некоторые грамотны и по-тибетски. В прошлом сарыг-югуры имели

¹ Уйгуры Синьцзяна употребляют еще форму ургуй (< уйгур).

² «Синь Тан шу», т. 217, ч. 1.

³ С. Е. Малов, Отчет о путешествии к уйгурам и саларам, «Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии», серия II, № 1, СПб., 1912, стр. 94—99; его же, Отчет о втором путешествии к уйгурам, «Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии», серия II, № 3, Петроград, 1914, стр. 85—88; его же, Язык желтых уйгуров, Алма-Ата, 1957, стр. 197; С. Г. Е. Маппег-heim, A visit to the sorö and shera yögurs, «Journal de la Société finno-ougrienne», XXVII, Helsinki, 1911—1912 гг., стр. 3—19; ред. С. Е. Малов, «Живая старина», год XXI, вып. 1, СПб., 1912, стр. 214—220; Чэнь Цзун-чжэнь, Юйгуцзу и особенности их языка, «Сообщения по обследованию национальных языков», Пекин, 1957, № 10, стр. 22—34 (на китайском языке).

⁴ В. В. Радлов, К вопросу об уйгурах, «Записки АН», т. 72, кн. 2, СПб., 1893 (оттиск), стр. 108—110.

свою письменность. Это подтверждают камень с надписью уйгурским письмом из Увея (недалеко от г. Чжанье) и уйгурские рукописные книги из Дунхуана. В 1910 г. С. Е. Малов обнаружил в кумирне Вун-Фы-гу (около Цзюцюани) уйгурский список 1687—1688 гг. сутры «Золотой Блеск» и несколько разрозненных листов, один из которых помечен 1702 г.

Открытия С. Е. Малова позволяют сделать вывод о том, что уйгурская письменность у сарыг-югуров употреблялась в монастырях до начала XVIII в. Древним уйгурским литературным языком, сильно отличающимся от разговорного языка сарыг-югуров, пользовались, надо полагать, буддийские монахи. Постепенно, с усилением в религиозной сфере тибетского влияния, священные каноны тибетского письма вытеснили книги, написанные уйгурским шрифтом. Уйгурская письменность была забыта, и в народе о ней не сохранилось никаких преданий.

б) Часть населения юйгу — омонголившаяся и признающая родным языком монгольский язык⁵. Ее самоназвание — шера-югур⁶, что является переводом на монгольский язык термина сарыг-югур с тем же самым значением «желтый уйгур».

Шера-югуры (в количестве около 1500 человек) населяют волости Канлочу и Матисы около г. Чжанье и занимаются скотоводством. Они, как и сарыг-уйгуры, владеют китайским языком.

в) Часть населения, говорящая только по-китайски. Ее самоназвание — юйгу. Эта группа (в количестве около 400 человек) живет в волостях Чэнтан и Хуаннипо на юг от г. Цзюцюани и занимается отгонным скотоводством и земледелием.

г) Часть юйгу говорит по-тибетски⁷, но называет себя, как и монголоязычная группа, шера-югур. Тибетоязычные юйгу живут (в количестве около 200 человек) в волости Югей на юго-восток от г. Сунани и занимаются скотоводством. Как и другие группы юйгу, они владеют китайским языком. Таким образом, китайский язык понятен для всех групп юйгу и является единственным языком, который связывает все население.

После установления народной власти был осуществлен ряд важных мероприятий, направленных на объединение и возрождение народности юйгу. В конце 1958 г. от магистрали Ланьчжоу — Синьцзян в районы расселения юйгу была проведена ветка железной дороги, благодаря чему укрепились их связи с центральными районами страны. Появились первые промышленные предприятия. Китайский язык, будучи общепонятным, принят теперь как литературный язык. На нем ведется преподавание в школах, которые открылись для юйгу только после установления народной власти. 20 февраля 1954 г. был образован автономный уезд с центром в г. Сунани и введено единое наименование для всей народности — юйгу.

Кроме государственного термина и самоназваний, этнические группы юйгу имеют некоторые другие имена.

Тюркоязычные юйгу называют монголоязычных юйгу, как и самих себя, сарыг-югур, не употребляя монгольского перевода. Монголоязычная же часть юйгу называет тюркоязычную — хара-югур, т. е. «черный уйгур». Это название, по объяснению самих шера-югуров (да и сарыг-югуров тоже)⁸, основывается на том, что оседлые юйгу, говорящие по-

⁵ W. L. Kotwicz, La langue mongole, parlée par les ouïgours jaune près de Kanchéou. D'après les matériaux, recueillis par S. E. Malov, et autres voyageurs, Wilno, 1939.

⁶ Г. Н. Потанин. Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. т. I—II, СПб., 1893; С. Е. Малов, Отчет о втором путешествии к уйгурам, «Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии», серия II, № 3, Петроград, 1914, стр. 86; С. Г. Е. Mannerheim, Указ. раб., стр. 20—72.

⁷ P. Matthias Hermanns, Uiguren und ihre neuentdeckten Nachkommen. «Anthropos», 1940—1941, т. XXXV—XXXVI, стр. 78—79.

⁸ Сведения записаны мною в июле 1958 г. в местностях Лянхуа и Минхай.

тюркски, жили в домах с черными от копоти потолками и стенами⁹. Следовательно, оба названия (сарыг-югур и хара-югур) относятся к одной и той же тюркоязычной части юйгу, т. е. к сарыг-югурам.

У монголоязычных юйгу термин «хара-югур» закрепился прочно. По-видимому, это явление имеет не только внешнюю, но и более глубокую внутреннюю причину — четко наметившееся различие между сарыг-югурами и юйгу, которые попали под влияние монголов. Интересно, что Г. Н. Потанин, который впервые обследовал юйгу, не упоминая о сарыг-югурах, говорит только о хара-югурах (хара-ёгур)¹⁰. Это недоразумение основано, надо думать, на том, что Г. Н. Потанин, общаясь главным образом с шера-югурами, воспользовался их термином.

С. Маннергейм, который посетил юйгу после Г. Н. Потанина, упоминает сарыг-югур (sarö yögurs) и отмечает, что термин «хара-югур» дан шера-югурами тюркоязычным юйгу. С. Е. Малов после первой же поездки к юйгу пришел к заключению, что части юйгу как отдельного целого с самоназванием «хара-югур» не существует. Термин «хара-югур» является искусственным, и сами сарыг-югуры, считая, что это название для них неприемлемо, ведут борьбу с его употреблением¹¹.

Помимо этнических названий, у юйгу в обиходе имеются наименования, учитывающие языковой признак. Сарыг-югуры свою речь и вместе с тем и себя называют йугурсөз «уйгурская речь», а шера-югуров — ынгар-сөз «непонятная речь».

Несмотря на разные языки и различия в быту, сарыг-югуры и шера-югуры этнически родственны друг другу. Об этом свидетельствуют родоплеменные названия, встречающиеся в большинстве случаев как у одних, так и у других¹².

Происхождение народности юйгу и языка основной его части — сарыг-югуров — пока не установлено за отсутствием достаточных данных. Анализ родоплеменных наименований юйгу, думается, в некоторой мере прольет свет на этот вопрос.

Родовые деления юйгу объединяются в семь территориальных единиц — отаков¹³, о которых уже писал Г. Н. Потанин¹⁴. Отаки, как и родоплеменные подразделения юйгу, в настоящее время не имеют какого-либо хозяйственного или административного значения. Представители отдельных родов встречаются в разных частях территории уезда. Трудно сказать что-либо определенное об их количественном составе. Основная роль родоплеменных групп юйгу сводится теперь к регулированию экзогамности браков внутри каждой из них.

Привожу названия родоплеменных подразделений юйгу, привлекая записи других ученых, в сравнении с родовыми наименованиями тюркоязычных народов восточной ветви, к которой относятся и сарыг-югуры; даю также сравнительный материал по племенным названиям монголоязычных народов.

Анджан (Малов¹⁵: анджан, анджэн, анджэн; Потанин: анджян).

⁹ Нечто подобное встречается у туркмен: ср. туркменское племя кара-йили «чернодомные» (В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа, сб. «Туркмения», ч. 1, Л., 1929, стр. 44). Другое объяснение см.: С. Е. Малов, рец. на кн С. Г. Е. Малеппегайт, Указ. раб., («Живая старина», год XXI, вып. 1, СПб., 1912, стр. 217).

¹⁰ Г. Н. Потанин, Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия, 1893, стр. 440.

¹¹ Записано мною со слов работников Комитета по делам национальностей г. Чжаньте 15 июля 1958 г.

¹² С. Е. Малов, Рец. на кн. С. Маннергейма, Указ. раб., «Живая старина», год XXI, вып. 1, СПб., 1912, стр. 217.

¹³ О термине «отог» у монголов см.: Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монголов, Л., 1934, стр. 132—133, 134, 136, 137.

¹⁴ Г. Н. Потанин, Указ. раб., стр. 440.

¹⁵ Здесь и дальше сокращ.: Малов — С. Е. Малов, Язык желтых уйгуров, Алма-Ата, 1957; Потанин — Г. Н. Потанин, Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия, т. I, II, СПб., 1893.

Арлат. Ср. монг. племя арулат у Рашид-ад-дина (Рашид-ад-дин, Сборник летописей, т. I, М.—Л., 1952, стр. 78, 100, 166, 169, 184); arulad (Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монголов, Л., 1934, стр. 77, 87, 141, 209). В некоторых трудах по истории Средней Азии XVI—XVIII вв. встречается название узбекского племени аралат (Рашид-ад-дин, Указ. раб., стр. 169, сн. 1) или арлат (В. В. Бартольд, Очерк истории туркменского народа, сб. «Туркмения», ч. I, Л., 1929, стр. 44).

Вай. Делится на две части: эрки вай «старый вай» и йацы вай «новый вай».

Джуныл. (Малов: чоңыл, чуңыл). Ср. монгольск. племя цонгол; в Селенгинском аймаке Бурят-Монгольской АССР живет племя чонгол (слова Т. А. Бертагаева).

Йаглахкыр. (Малов: йаглакыр, йаглахкар, йаглыхкыр; Потанин: яглак). Подразделяется на две группы: ак йаглахкыр «белый яглакыр» и кара йаглахкыр «черный яглакыр». Слово йаглакар как собственное имя встречается в тюркской рунической надписи из Суджи (Монголия). (С. Е. Малов, Енисейская письменность тюрков, М.—Л., 1952, стр. 84 и сл.). Встречается оно и в хотанских рукописях VIII в. (H. W. Bailey, Turks in khotanese Texts, «The journal of the royal Asiatic Society», 1939, стр. 88; С. Е. Малов, Труды по древнетюркской лексике, «Труды Московского института востоковедения», 1947 г., № 4, стр. 94—96; F. W. K. Müller, Uigurische Glossen, «Festschrift für Hirth», Berlin, 1920, стр. 310—311). По позднейшим исследованиям йаглакар — название привилегированного рода уйгуров в эпоху Тан (618—906 гг.) (J. R. Hamilton, Les ouïgours à l'époque des cinq dynasties. Paris, 1955, стр. 3, 144, 160, 200; С. Г. Кляшторный, Историко-культурное значение суджинской надписи, «Проблемы востоковедения», 1959, № 5, стр. 162—169).

Йагток.

Йун. Он же называется патан.

Каджан.

Калка. Ср. монг. *halxa ulus* или *halxa tümen*, образующий основную массу населения Монгольской Народной Республики (Б. Я. Владимирцов, Указ. раб., стр. 218).

Камер.

Каргос. Ср. родствен. тувинцам карагас (тофалар) и монг. племя каркас, родственное племени арулат (Рашид-ад-дин, Указ. раб., стр. 184).

Колен. См. Кулин.

Комджук. (Малов: ркомджук; Потанин: ркомджюк.).

Г. Н. Потанин основной формой считал комджюк, сближая его с названием реки Кемчик из Северной Монголии (Н. Н. Потанин, Указ. раб., стр. 441). Ср. племя кэм-кэмджиут (Рашид-ад-дин, Указ. раб., стр. 74, 123, 213), название которого И. Н. Березин связывал с именами рек Кема и Кемчика (И. Н. Березин, Сборник летописей, История монголов, СПб., 1858, стр. 218). На правом берегу реки Кемчик находится скала с древнетюркской надписью, посвященной кыргызскому хану («Кыргыз-каны») (С. Е. Малов, Указ. раб., стр. 44). Можно думать, что род комджук кыргызского происхождения¹⁶.

Коң. Род коңы есть у шорцев (И. А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей, «Живая старина», год VI, вып. 3—4, СПб., 1906, стр. 344).

Кон(ы)рат. (Малов: конрат; Маннергейм¹⁷: Khongrott.).

¹⁶ В. В. Бартольд, Киргизы, Фрунзе, 1927, стр. 28.

¹⁷ Здесь и дальше: Маннергейм — С. G. E. Mannenheim, A visit to the sarö and shera yögurs, Helsinki, 1911—1912.

Племя монгольского происхождения — см. монг. *onggirad* (Б. Я. Владимирцов, Указ. раб., стр. 39, 47, 48, 79, 84, 209) или *chongkirad* (I. I. Schmidt, *Die Volkstämme der Mongolen*, 1834, стр. 412; у Рашид-ад-дина — *кунират* (Рашид-ад-дин, Указ. раб., стр. 75, 78, 99, 132, 152, 154, 160, 213). Встречается у казахов, узбеков, каракалпаков и киргизов (ичкилики) (Я. Р. Винников, Родо-племенной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии, «Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. I, М., 1956, стр. 157).

Кулин. Произносится еще колен. См. у тувинцев — *куль* (Н. А. Аристов, Указ. раб., стр. 348), у хакасов (койбалов) — *жол* (Н. А. Баскаков, Хакасско-русский словарь, М., 1953, стр. 357).

Кыргыс. (Потанин: *кырхыс*).

Сеок кыргыс входит в состав хакасов (качинцев, сагайцев и кызыльцев) (Н. А. Баскаков, Указ. раб., стр. 358). О роли древних кыргызов в формировании хакасских племен см. Л. П. Потапов. Этнический состав сагайцев. «Сов. этнография», 1947, № 3, стр. 126—127; его же, Краткие очерки истории и этнографии хакасов, 1952, стр. 175—191. Родовое подразделение кыргыз имеется также у алтайцев, тувинцев и башкиров (Н. А. Аристов, Указ. раб., стр. 339—347).

Ланчак.

Лахшо.

Мнэг. (Потанин: *мняг*, Маннергейм: *minack*). Племя тангутов государства Си Ся. Потомки их жочуют юго-западнее горной цепи на юге о. Куку-нор (G. de Roegich, *Le parler de l'Amdo*. Roma, 1958, стр. 6; его же: Тибетский язык, М., 1961, стр. 23).

Ойрот. Произносится также уйрат. Западномонгольское племя (Б. Я. Владимирцев, Указ. раб., стр. 209). Встречается у алтайцев (телецит), хакасов (хаас).

Орге. Ср. монг. *örgöö* — «палата, чертог, стойбище хана» (А. Лувсандэндэв, Монгольско-русский словарь, М., 1957, стр. 329).

Пагана. Ср. монг. *baganas* (A. Mostaert, *Dictionnaire Ordos*, T. I, Peking, 1941, стр. 43).

Паглыг. Термин состоит из корня *паг* и аффикса *-лыг* (в значении обладания). Ср. *баг* «родовое деление народа» в енисейских памятниках (С. Е. Малов, Указ. раб., стр. 44, 103), монг. *баг* — низовая единица административного деления в Монгольской Народной Республике. Думается, что термин *паглыг* у сарыг-югуров скорее кыргызского происхождения, чем монгольского.

Пайат. См. у алтайцев — *баят-кижи* (Н. А. Баскаков и Т. И. Тошаклова, Ойротско-русский словарь, М., 1947, стр. 215); у шорцев — *баян* (Н. А. Аристов, указ. раб., стр. 344). Махмуд Кашгарский (XI в.) среди огузских племен называет племя *bajat* (S. Brockelmann, *Mitteltürkischer Wortschatz*, Leipzig, 1928, стр. 24); ср. монгольские племена *баят* (Рашид-ад-дин, Указ. раб., стр. 29, 78 и др.), *баятут* (Б. Я. Владимирцов, Указ. раб., стр. 57, 63, 65, 66 и др.).

Патан. См. *Иун*.

Пашу.

Пегеши. Часть рода *йаглахкыр*.

Пейат.

Пэй. Ср. тувинское племя *пайгара* (Улуг-Кем) Н. А. Аристов, Указ. раб., стр. 347; у хакасов (камасинцев) — *байга* (Н. А. Аристов, Указ. раб., стр. 347).

Сокалыг. (Маннергейм: *sockä*). Термин состоит из основы *сока-* и аффикса *-лыг* (значение местопребывания). Слово *сока* в языке сарыг-югуров — «кочка земли с корнями степной травы (чия)» (С. Е. Малов).

Солтус. (Маннергейм: *sultus*). Среди монгольских племен имеются *сүлдус* (Рашид-ад-дин, Указ. раб., стр. 29, 78, 125, 172, 173, 175,

176, 181, 213), а также сульдус и сульдэс (Б. Я. Владимирцов, Указ. раб., стр. 45, 67, 68, 116, 209). В «Шейбани-намэ» упоминается узбекское племя солдуз (H. V á t h e g u, Das Türkenvolk, 1885, стр. 348, 349).

Сына.

Темирт. Ср. темир у казахов Малой Орды (Н. А. Аристов, Указ. раб., стр. 384). В монгольском языке аффикс -т образует прилагательное: төмөр + т «железный».

Темурчин. Ср. в монгольском языке төмөрч(ин) «кузнец». Термин монгольского происхождения. Известно, что у монголов наименования различных должностей нередко переходили в названия родов и племен (Б. Я. Владимирцов, Монгольское ongniγud — феодальный термин и племенное название, «Доклады Академии наук», серия В, 1930, стр. 222, 223).

Тогшы. (Малов: тогша, тогши; Маннергейм: tokshu).

Туман. Встречается у казахов Средней Орды (Н. А. Аристов, Указ. раб., стр. 362). Ср. монг. tümen (Б. Я. Владимирцов, Указ. раб., стр. 104 и сл.) и tümen — kirgisud (С. А. Козин, Сокровенное сказание, Монгольская хроника 1240 г., т. I, М.—Л., 1941, § 239, стр. 74, 75, 492).

Тунса.

Түргүш. (Маннергейм: turgush). Племя западной ветви тюрков. Встречается в енисейско-орхонских надписях V—VIII вв.: түргäs (türgis) (С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951, стр. 30, 32, 62, 63; его же, Енисейская письменность тюрков, М.—Л., 1952, стр. 66, 67; его же, Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии (М.—Л., 1952, стр. 66, 67). У современных алтайцев (туба) есть род тиргеш (Н. А. Баскаков, Алтайский язык, М., 1958, стр. 28).

Уйрат. См. ойрат.

Хор. Ср. монгольские племена и роды: кори (Рашид-ад-дин, Указ. раб., стр. 77, 121, 124, 150, 156, 213); хогилар и хори-тумад (Б. Я. Владимирцов, Указ. раб., стр. 34, 210). В классификации монгольских языков хоринский говор входит в состав южной или бурятско-забайкальской группы (Б. Я. Владимирцов, Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия, Л., 1929, стр. 8). Хоринские наследия имеются у якутов Западно-Кангаласского, Борогонского, Верхне-Вилуйского и Сунтарского районов (Н. А. Аристов, Указ. раб., стр. 335). У тибетцев пров. Цинхай хог обозначает: «тюрки Центральной Азии, монголы» (G. de Roerich, Указ. раб., стр. 157).

Харацгат. (Малов: орацгат; Потанин: хурунут). Ср. орунут «военачальник» (В. В. Радлов и С. Е. Малов, Suvarnaprabhāsa, V—VI, Петроград, 1915, стр. 401, строка 4).

Чанбан. (Маннергейм: tshangban).

Чунса. (Маннергейм: tshungsa). Алтайцы (теленуты, ач-кыштымы) имеют в своем составе род чүнүс (Н. А. Баскаков и Т. И. Тоцакова, Ойротско-русский словарь, М., 1947, стр. 218).

Чыгаллык. Ср. в сарыг-югурском языке чыган «белый» (чыгаллык < чыган + лык), монг. цагаан.

Шартың. (Малов: шартен, шартын). Часть рода Яаглахкыр.

Эркэр. Термин эркэр легко поддается истолкованию, может быть, и неверному: эрк + эр «могущественный человек» или эрки-эр «свободный человек». Эрк «могущество, сила» (W. Radloff, Uigurische Sprachdenkmäler, L., 1928, стр. 265; С. Е. Малов, Енисейская письменность тюрков, 1952, стр. 103). Эрки «добровольно, свободно» (С. Е. Малов, Указ. раб., стр. 103); эр «муж, мужчина» (С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951, стр. 365).

Ыглан. (Малов: глан, оглан, ыглан). Ср. тибетск. (в пров. Цинхай) yālān, yīlān (бык) (G. de Roerich, Указ. раб., стр. 7, 114). Как термин

родства см. O. Pritsak, *Stammesnamen und Titulaturen der altaischen Völker*, «Ural-Altaische Jahrbücher», т. XXIV, тетр. 1—2, Wiesbaden, 1952, стр. 78.

Племенные деления юйгу, как можно видеть из приведенного выше материала, этнически неоднородны.

Примерно третья часть племен и родов — монгольского происхождения. Другая часть, примерно пятая, имеет соответствия среди родов и племен хакасов, шорцев, тувинцев, алтайцев и некоторых тюркоязычных народов западной ветви. Третья часть, около половины всего племенного состава юйгу, нейтральна в смысле соответствий. Следует ожидать, что это — ядро народности юйгу, группа собственно уйгурских родов и племен¹⁸. Некоторые племена, судя по названиям, — позднейшего происхождения, сформировавшиеся после переселения юйгу на территорию Ганьсу. Любопытно, что в племенной состав хакасов и сарыг-югуров входит древний кыргызский элемент, а в лингвистическом аспекте хакасский и сарыг-югурский языки относятся к «з»-языкам (в середине имен и конце основ глаголов звук «з»: азак «нога», коз «положи»). Четыре сарыг-югурских рода можно так или иначе считать родами или ответвлениями древних кыргызов. По отношению к ядру племенного состава юйгу кыргызские роды составляют пятую часть, являя собой яркий пример давних и тесных связей между уйгурами и кыргызами¹⁹.

Повлиял ли этот факт на формирование языка сарыг-югуров? Иными словами, внес ли какие-либо изменения язык кыргызских племен и родов в язык сарыг-югуров? Древнеуйгурский язык письменных памятников принадлежит к «д»-языкам (адак, код). Современный уйгурский язык по этому принципу — «й»-язык (айак, кой). Смена «д»-признака «й»-признаком в уйгурском языке шла постепенно, процесс этот особенно усилился начиная с XV в.²⁰ Древний кыргызский язык, известный по енисейским и некоторым другим тюркским руническим надписям, входит в группу «д»-языков. Современный живой киргизский язык, находясь на западе, стал «й»-языком (айак, кой). Но язык эпитафий древних кыргызов представляет собой развитую форму литературного языка. И не он, конечно, влиял на древний уйгурский язык сарыг-югуров.

Взаимодействовали языки разговорные. Уместно предположить в этом случае, что народно-разговорной формой языка кыргызов древности был «з»-язык. Повод для такого предположения дает язык открытого китайскими исследователями тюркоязычного населения района Фу Юй (Северо-Восточный Китай). Представители этой народности сами себя называют «кыргыз» и говорят на «з»-языке (козон «заяц», бӯзег «высокий, большой»). Фууйских кыргызов всего около 700 человек. По преданию примерно триста лет назад они ушли с Алтая, перешли Хинганские горы и поселились на севере Китая²¹. Можно думать, что эта этническая группа откололась от основной массы енисейских кыргызов и удержала в себе древний облик их разговорного языка.

Непосредственное и сильное воздействие разговорного кыргызского языка повлияло на язык сарыг-югуров: он приобрел «з»-признак и сохранил его до настоящего времени²².

¹⁸ Ср. родовые названия древних уйгуров — В. В. Радлов, К вопросу об уйгурах, СПб., 1893, стр. 88; J. R. Hamilton, Указ. раб., стр. 3—4.

¹⁹ А. Бернштам, Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков VI—VIII вв., М., 1946, стр. 165—171.

²⁰ С. Е. Малов, Мир Алишер Навои в истории тюркских литератур и языков Средней и Центральной Азии, «Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», 1947, т. VI, вып. 6, стр. 475—480.

²¹ См.: В. В. Бартольд, Указ. раб., стр. 44, 46.

²² С. Е. Малов, Язык желтых уйгуров, Алма-Ата, 1957, стр. 7.

Таким образом, сарыг-югурский язык — один из сильно смешанных тюркских языков. Это ценнейший и пока еще не использованный в достаточной мере источник для истории уйгурского и киргизского языков (вместе с языком кыргызов Фу Юй).

SUMMARY

The Yuighu nationality (Kan-Su Province, the Chinese People's Republic), historically a single whole, today comprises four groups from the linguistic point of view: the Sarygh Yughur, who speak a Turki language, the Shera Yughur who use the Mongolian or the Tibetan language, and the Yuighu who speak only the Chinese language.

The common origin of these groups is borne out by the clan and tribal divisions which occur within every group. Among the Sarygh Yughur, clans of Kyrgyz origin account for one-fifth of the main body of the tribe — a reflection of the age-old close contacts between the Uighurs and the ancient Kyrgyz. This undoubtedly affected the language of the Sarygh Yughur, which acquired the «Z» factor: «azak» (leg), «koz» (put down), etc. Subject to interaction were the spoken languages. In early times the spoken language of the Kyrgyz was possibly the «Z» language; this hypothesis is based on the Turki-speaking population of Fu Yui District (Northeastern China), which calls itself «Kyrgyz» and speaks the «Z» language.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Б. И. ШАРЕВСКАЯ

О ХАРАКТЕРЕ ВЛАСТИ ВОЖДЕЙ У НАРОДОВ ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКИ В ДОКОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

(По поводу статьи А. С. Орловой «О месте и роли традиционных властей африканского общества в прошлом и настоящем». «Сов. этнография», 1960, № 6)

В статье А. С. Орловой кратко, но четко намечены основные направления исторического развития Тропической Африки. Автор поднял ряд общих вопросов, для решения которых необходимы специальные исследования. Проблему африканского феодализма можно решить лишь на основе анализа данных о формах собственности, о видах землепользования и повинностей общинников в различных обществах Тропической Африки. Важно при этом определить место и роль рабовладения внутри африканских обществ, особенно в ранних государствах.

Роль традиционных властей в районах развития государственности в общем правильно охарактеризована А. С. Орловой. Однако точка зрения автора на характер власти вождей в остальной части Тропической Африки далеко не бесспорна. Признавая, что «в XV в. часть Африки жила в условиях первобытно-общинного строя» и что «лишь в применении к этой части Африки и только для этого времени мы можем говорить о вождях племени» (стр. 95), А. С. Орлова утверждает далее, что всюду, куда проникали европейцы, даже в отсталых районах, они находили «отношения, далекие от первобытной демократии», «сильную власть (подчас деспотическую) наследственного (это очень важно) вождя» (там же).

Можно согласиться с А. С. Орловой, что в целом «уже в момент первого знакомства с европейцами у большинства африканских народов (так называемых отсталых районов) общинно-родовой строй находился в состоянии разложения, шел процесс становления классового общества» (там же). Однако это верно лишь в общей формулировке. Особенность исторического развития большей части африканского материка состоит в том, что у большинства народов, о которых идет речь, процесс классовообразования проходил настолько медленно, что первобытно-общинные отношения оставались в силе в течение нескольких столетий.

Приведем несколько примеров. Юго-Западная Африка — район отсталый, но близкий к побережью, не изолированный. Оставив в стороне самые примитивные племена, рассмотрим два больших народа Юго-Западной Африки — готтентотов и гереро.

В самом начале XVIII в., когда готтентотов описал голландец Петер Кольб, они жили племенами, делившимися на патриархальные роды. Главное имущество — скот, стада уже перешли в собственность старейшин-патриархов. Это породило неравенство. У богатых, сообщает Кольб, много скота, у бедных — всего один бык и несколько овец. Существовало уже и рабство военнопленных, чужеплеменников. Кроме того, младшие сородичи работали пастухами у богатых старейшин. Только земля оставалась в коллективной собственности племени, никаких зачатков частной собственности на пастбища у готтентотов не было.

Однако, несмотря на явные свидетельства начавшегося расслоения общины, управление сохраняло еще черты первобытного демократизма. Во главе каждого племени стоял вождь — «конк», который командовал воинами, распоряжался хозяйственными делами. Для решения всех вопросов он созывал совет родовых старейшин, глав краалей. Без согласия этого совета вождь не имел права ни начинать войну, ни заключать мир. При вступлении в должность, переходившую по наследству, конк на общем собрании племени давал торжественное обещание ни в чем не менять старого порядка управления и ничего не предпринимать против прав старейшин и народа в целом. В повседневной жизни конк мало отличался от остальных вождей — родовых старейшин¹.

Этот патриархальный характер власти сохранялся у готтентотов почти до нашего времени. Когда в 1904—1906 гг. готтентоты одновременно с гереро подняли восстание против германских колонизаторов, во главе готтентотов встал Хендрик Витбой, вождь объединения нескольких племен, именовавшегося по имени главного из них — витбой; помимо витбой и нама, в него входило еще несколько мелких племен. Движение имело религиозно-сектантскую окраску с оттенком мессианизма; входившие в него племена давно уже подверглись влиянию христианских миссионеров. Хендрик Витбой выступал как пророк, действовавший «по указанию самого бога»; он обещал своим сподвижникам, что, прогнав насильников-колонизаторов, они смогут установить царство божие в своей стране, что по воле бога восторжествует справедливость.

Для нас здесь существенно то, что отношения Витбоя с соплеменниками — рядовыми общинниками и старейшинами — оставались почти такими же, как и описанные Кольбом².

О соседях готтентотов — гереро, или овагереро, — мы имеем сведения, относящиеся к концу XIX в. Гереро жили небольшими племенами, делившимися на патриархальные роды. Родовая община обычно обитала в одном селении и составляла также и территориальную единицу. Ни союза племен, ни верховного вождя всех племен, ни вообще какого-либо централизованного управления гереро до вторжения европейцев не имели.

Земля у гереро была собственностью племени. Ни у кого не существовало никаких особых прав ни на пастбища, ни на источники. Никто, даже вожди, не имел права продавать землю. Но скот уже имел владельцев. Не только внутри общины каждая корова или бык были в личной собственности того или иного члена патриархальной семьи, но главы семей и старейшины родов имели в своей частной собственности стада, которые пасли младшие сородичи. В качестве пастухов использовали и рабов-военнопленных. Кроме того, старейшины раздавали скот на выпас своим соплеменникам в другие общины-селения³.

¹ «M. Peter Kolbens Reisen an das Cape de Bonne Espérance oder das Vorgebürge der Guter Hoffnung», t. 2, Nürnberg, 1719.

² H. LOTH, Zur Bedeutung Sektenkirchlichen Frühformen in sogenannten Witbooi Aufstand in Südwestafrika (1904—1906) (доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов, М., 1960).

³ Y. IRLE, Die Herero, Gütersloh, 1906, стр. 134—136

Во главе отдельных общин, сообщает немецкий исследователь Ф. Мейер, стоят местный начальник и совет стариков. Этому начальнику и принадлежало управление и право суда. Несколько селений-общин подчинялось верховному вождю племени — «омугона». Рядом с ним также стоял совет стариков. Никаких следов столь распространенного среди банту деспотического господства отдельных клановых вождей, специально оговаривает автор, мы у гереро не находим⁴.

У гереро власть вождя не выдвинулась еще на первый план по сравнению с властью и авторитетом совета старейшин. Подтверждается это тем, что основной функцией вождя являлось лишь право суда, да и оно было ограничено. Ган отмечает, что вожди, хотя и имеют право смертного приговора, лишь в редких случаях пользуются им, потому что им приходится опасаться мести ближайших родственников осужденного. Даже на суд обвиняемый всегда являлся в окружении близких сородичей, и если он не в состоянии был платить выкуп, за него платил род⁵.

В целом, в мирное время власть вождя чувствовалась мало, верховным авторитетом в повседневной жизни пользовались старейшины. Лишь во время военных столкновений с чужеплеменниками вожди племени становились верховным руководителем наступательных и оборонительных операций.

Таким образом, даже после превращения Юго-Западной Африки в колонию империалистической Германии, в конце XIX — начале XX в. у готтентотов и гереро были сильны родоплеменные порядки, власть вождей опиралась еще на начала родовой демократии.

Возьмем пример из глубинного района, из самого «сердца Африки». Посмотрим, что представляла собой власть вождей у народа азанде, обитающего в междуречье Конго — Нила.

Русский исследователь В. В. Юнкер ярко описал жизнь и обычаи азанде и их ответвления — мангбату. обстоятельно рассказывает он о правах и обязанностях вождей азанде Ндорумы, Нгерия и вождя мангбату Мамбанги. Правда, Юнкер называет этих вождей князьями, говорит о вассальной зависимости, употребляет и некоторые другие термины, связанные с феодальным строем. Юнкер считал, что в прошлом у азанде существовало могущественное государство, которое распалось из-за междоусобных распрей. Но приведенные им самим данные не соответствуют феодальным отношениям.

Так, Юнкер описывает институт «мбанга», который он называет «собранием у вождя». Вождь является сюда — обычно это площадь посреди селения — ежедневно, к нему приходят подданные, «чтобы разобрать жгучие вопросы государственного права, заняться высокой политикой, подать жалобу на воровство»⁶.

«Подданные Нгерия, — пишет Юнкер, — привыкли посещать ежедневно его мбангу... у Нгерия мбанга носила отпечаток старых, еще сохранившихся обычаев народа азанде. Большая, свободная, старательно очищенная от травы площадь находилась несколько в стороне от хижин. В ее центре стояло тенистое дерево, под которым происходили собрания. Все являлись вооруженными и оставляли свое оружие на специальных деревянных подставках, окружавших площадь. Старики приносили с собой скамеечки, молодые сидели на корточках на земле или же подстилали циновки и т. п.»⁷.

У мангбату мбанга представляла собой легкое деревянное строение, окружавшее площадь. Посредине была беседка для вождя, по обе

⁴ F. Meyer, *Wirtschaft und Recht der Herero*, Berlin, 1912, стр. 457.

⁵ J. Hahn, *Die Ovaherero*, Berlin, 1890, стр. 490.

⁶ В. В. Юнкер, *Путешествия по Африке*, М., 1949, стр. 196.

⁷ Там же, стр. 274.

стороны полукругом шли дугообразные галереи. «Если разбирается судебное дело, то истец не обращается прямо к князю, но, выходя из галереи на несколько шагов вперед, в длинной речи... нападает на своего ответчика... Затем следует возражение обвиняемого, после чего и другие присутствовавшие вправе взять слово... Кто дольше выдерживает, тот является победителем и остается правым. Но решающее слово... принадлежит князю»⁸.

Когда нужно было принять какое-либо важное решение, на мбангу приходили все взрослые мужчины и женщины — несколько тысяч человек. Торжественный марш и военные игры продолжались целый день, в промежутках вождь произносил длинные речи, а присутствовавшие выражали свое одобрение или несогласие⁹.

По всей видимости, мбанга — народное собрание с участием всего полноправного населения. Идорума, Мамбанга, Нгерия, описанные Юнкером, были не деспотами, а вождями, власть которых была ограничена советом старейшин и народным собранием. Пользуясь данными Юнкера, можно определить политическое устройство азанде как союз племен, а их общественный строй как военную демократию. Этим термином Маркс определил форму правления, отличительными признаками которой является военное предводительство вождя, наличие совета вождей и народного собрания с участием всего полноправного населения, во всяком случае всех воинов¹⁰. Этому определению соответствует общество азанде.

Приведенные примеры, число которых можно было бы увеличить, показывают, что не только на пороге XVI в., но даже в начале нашего века в некоторых районах Тропической Африки имелись большие народы, находившиеся на стадии патриархального рода или военной демократии.

Буржуазные авторы, описывая подобные африканские общества, или вовсе не дают определения их социального строя и характера власти, или применяют терминологию, заимствованную из европейской истории, без учета специфики конкретной африканской обстановки. Все это создает путаницу и лишает исследования необходимой четкости.

Однако исследователь-марксист вооружен научной методологией, в его распоряжении имеются историко-социологические категории, разработанные основоположниками марксизма-ленинизма. Гранью между родоплеменным строем и государством является разделение общества на классы, внешним проявлением этого служит «учреждение публичной власти, которая уже не совпадает непосредственно с населением, организующим самое себя как вооруженная сила»¹¹.

Пока вождь не имеет особых вооруженных отрядов, которыми он единолично распоряжается, пока он зависит от решений совета родовых старейшин, его власть еще носит характер патриархальный. Слуга народа еще не превратился в правителя, стоящего над народом, — в деспота и монарха. Таково было положение у многих народов Африки ко времени колонизации. Длительность процесса классовообразования, застойность традиционных родоплеменных форм, сохраняющих свою оболочку даже тогда, когда выделившаяся знать с вождем во главе фактически уже захватывает власть, сила пережитков родового строя и идеологии — все это составляет специфику многих обществ Тропической Африки. Без отчетливого представления об этих особенностях истории народов Африки невозможно понять пути развития их настоящего.

⁸ В. В. Юнкер, Указ. раб., стр. 249.

⁹ Там же, стр. 255.

¹⁰ К. Маркс, Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество», Архив Маркса и Энгельса, т. IX, М., 1941, стр. 145.

¹¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1950, стр. 177.

Н. И. ВЫСОЦКАЯ

О РОЛИ ВОЖДЕЙ У ФАНГ И БАКОНГО

В своей статье «О месте и роли традиционных властей африканского общества в прошлом и настоящем»¹ А. С. Орлова разделяет Африку эпохи начала колонизации на области древней государственности и на районы, где общественная организация народов задержалась в своем развитии. Автор отмечает, что, хотя народы этих районов и не определяли «общий культурный облик и уровень развития народов Африки», уступая по численности населению областей с развитой государственностью, история и современное положение традиционных африканских институтов в этих районах представляет значительный интерес.

В связи с проблемами, поставленными в статье А. С. Орловой, следует рассмотреть вопрос о роли традиционных африканских властей в Тропической Африке. В современную эпоху быстрого крушения колониальной системы позиция вождей² отчасти характеризует расстановку политических сил в ходе развития национально-освободительного движения, и ее рассмотрение облегчает понимание многих процессов, происходящих в современном африканском обществе.

Достаточно взять такие страны, как Габон и республику Конго (со столицей в Браззавиле), чтобы убедиться, что, помимо общности между населяющими их народами, существуют значительные различия в уровне их общественного и культурного развития. Эта область Тропической Африки находилась в прошлом на самой окраине могущественного древнего государства Конго, которое включало в себя южную часть Габона и Среднего Конго. Эти территории — наиболее отсталые районы Африки, где развитие общественных отношений в силу ряда исторических причин происходило медленно. До сих пор в Габоне и Конго сохранились сильные пережитки родоплеменной структуры, и именно в рамках этой структуры развиваются новые социальные отношения, формируются классы. Наличие сходных черт в большой мере связано с тремя основными историческими факторами, на которые указывает А. С. Орлова: со сходством в уровне развития народов этих стран к моменту вторжения европейцев, с приблизительно одинаковым по своим губительным последствиям влиянием работорговли и со специфическим воздействием единой для этих территорий французской системы колониального управления. Все эти исторические факторы безусловно оказали воздействие на дальнейшее определение места и роли африканских властей в упомянутых странах.

¹ «Сов. этнография», 1960, № 6.

² Употребление термина «вождь» представляется правомерным в применении к современной социальной организации некоторых африканских народов, где колонизаторы сохранили традиционных вождей, наделив их административной властью. Такие вожди сохранили многие из тех функций, которые они выполняли до прихода колонизаторов, хотя и в несколько иной форме.

Работоторговля приблизительно в одинаковой мере затронула народы Габона и Конго. Может быть, следует отметить ее более глубокое влияние на родоплеменную организацию прибрежных племен обеих стран.

В течение примерно одного и того же по длительности периода народы Габона и Конго испытывали на себе разрушительное влияние французской колонизации.

И все-таки, несмотря на сходство многих исторических условий, в современный период нельзя не отметить наличие значительных различий в уровне распада родоплеменного строя и, в частности, в отношении места вождей племен в общественной организации таких этнических общностей, как фанг и баконго, мери и батеке. Такое положение, вероятнее всего, объясняется особенностями, характеризовавшими организацию этих племенных объединений к началу колонизации, а также тем, что французские колониальные власти вынуждены были по тем или иным причинам считаться с особенностями тех народов, с которыми они сталкивались в процессе колонизации. В ряде случаев колониальная администрация в какой-то мере стала ориентироваться на традиционные местные власти и пыталась превратить их в свою опору, что характерно, например, для ее взаимоотношений с племенами баконго³.

Система внутренней организации оказалась наиболее стойким во времени фактором, определяющим общественный строй колониальных народов. Особенно ощутимым влияние этого фактора было вплоть до второй мировой войны.

К моменту, когда началась колонизация Габона и Конго, населяющие эти территории народы находились на разных этапах общественного развития⁴. Из трех основных этнических общностей, занимающих территорию современного Габона, группа фанг по уровню социального и культурного развития стояла выше других. Фанг не являются исконным населением этого района, по некоторым сведениям они пришли с Верхней Санги и расселились по среднему течению р. Огове. К моменту колонизации их численность составляла приблизительно 2,5 млн. человек. Хотя селились фанг небольшими деревнями, включавшими два-три рода и находившимися на значительном расстоянии друг от друга, группу фанг можно назвать компактной с той точки зрения, что вкрапления в нее других племен и этнических общностей были незначительны. Объединяющим началом была угроза нападения местных племен, с которыми фанг вели борьбу. Однако ко времени вторжения европейцев победа фанг над местным населением стала уже прочной. В тот период фанг находились на самых ранних ступенях распада родоплеменной организации. Связь между кланами и кланов с землей была слабой. Поселения организовывались по принципу кровного родства, и основной единицей объединения была семья. Наиболее распространено было наследование по мужской линии, но существовали остатки матриархата. Большой властью у фанг пользовались служители культа предков. Чаше всего ими были старейшие в роде. У фанг, как отмечает доктор А. Кюро, отсутствовала строгая иерархическая организация, не было ярко выражено имущественное различие. Власть вождя была выборной. Срок пребывания вождя у власти зависел исключительно от его личных качеств. Вождей выбирали по различным признакам, о чем свидетельствует терминология. Если вождем избирался старейший в племени, то он назывался «еса», что означает «тот, кто владеет корзиной с черепами предков». Если вождем оказывался наиболее богатый член племени, его называли «nkuma», если вождя выбирали за

³ G. Balandier, *La sociologie des Brazzavilles Noirs*, Paris, 1955.

⁴ Его же. *Sociologie actuelle de l'Afrique Noire*, Paris, 1955, стр. IX—X.

красноречие — «жое». Случалось, что власть вождя переходила по наследству, но только в случае признания ума, моральных или каких-либо иных качеств наследника. А. Кюро говорит, что власть вождя у фанг случайна и преходяща, и в этом смысле называет фанг «племенами-анархистами». Ж. Баландые приводит следующий вывод комиссии исторических исследований, занимающейся изучением социальных отношений у фанг: «тот, от кого общество ожидало больше, становился его главой»⁵. О разложении родоплеменного строя свидетельствуют учащающиеся случаи наследования власти вождя и отношения феодальной эксплуатации, развивавшиеся в рамках патриархальных отношений. Земельный участок, который имел вождь, обрабатывался, как правило, не им и его семьей, а другими членами племени или родственной группы. Когда дело касалось торговли, а фанг были связаны отношениями обмена с соседними племенами, вождь получал определенную долю выручки.

Примерно так обстояло дело к приходу французских колонизаторов. Когда колониальные власти начали экономическое освоение территории, заселенной фанг, они попытались положить конец передвижению кланов и племен, стремясь расселить возможно большее число жителей вблизи строящихся или намечаемых дорог и экономических центров. Колонизаторы проводили политику «умиротворения», что уменьшало возможность нападения на фанг местных племен. Это в свою очередь сделало менее необходимым единство отдельных поселений фанг, основанное на принципах взаимной защиты. Прежние связи распались. Кровнородственные отношения играли все меньшую роль. Все это привело к ослаблению власти традиционных вождей, многие из которых были уничтожены или сосланы за сопротивление насильственному переселению и новым порядкам, навязываемым колонизаторами. Но постепенно контакты с колониальной администрацией учащались, развивалась торговля, и все глубже проникали товарно-денежные отношения. Колонизаторы вводили строгий административный контроль путем назначения вождей-чиновников во главе кантонов. Насажение вождей из других племен часто являлось дополнительной причиной, разжигающей трибализм, так как ненависть племени к такому вождю переносилась на все его племя. Растущее сопротивление европейцам ускорило процесс внутренней консолидации, что нашло свое отражение уже после второй мировой войны.

На более высоком уровне общественного развития застало начало колонизации группу племен баконго. Баконго пришли в занимаемый ими ныне район в XVI в. из области Сан-Сальвадор⁶. К моменту колонизации племена баконго уже довольно прочно обосновались в отвоеванных ими у батеке местах и оттеснили последних в район северо-восточнее Браззавиля — на плато, которое теперь называется Батеке. Баконго представляли собой земледельческие племена, прочно связанные с землей⁷. Племена были тесно объединены друг с другом, и родоплеменные отношения у баконго находились на стадии довольно далеко зашедшего разложения: уже отчетливо обозначилось имущественное неравенство и нерархическая организация, значительную роль в которой играл глава клана, вождь племени (*chef souppé*), а также племенная верхушка. Земля закреплялась за определенным кланом, который без разрешения вождя не имел права покидать землю предков. Распределением племенных земель ведал вождь. Феодальные отношения в рамках родоплеменных институтов у баконго, получили гораздо большее развитие, чем у фанг. Укоренившаяся система передачи власти

⁵ Там же, стр. 137.

⁶ Там же, стр. 285.

⁷ Там же, стр. IX.

вождя по наследству позволяла накапливать богатства в руках отдельных семей. Значительно большее экономическое значение, чем у фанг, получило домашнее рабство. Устоявшиеся и постоянно поддерживаемые племенной верхушкой обычаи запрещали браки с рабами (к чему относились довольно терпимо среди фанг). Рабство содействовало накоплению богатств, что еще больше увеличивало имущественное неравенство и укрепляло власть племенной верхушки. У баконго была довольно высоко развитая система земледелия. Закрепившись в отвоеванном у батеке районе, баконго стали торговать с батеке и другими соседними племенами. Многие вопросы, связанные с торговлей, решал вождь.

В отличие от фанг, для которых колонизация означала серьезную внутреннюю перестройку, для баконго вопрос о внутренней социальной перестройке с появлением колонизаторов не вставал. Потерпев поражение в вооруженных столкновениях с колонизаторами, баконго стали сотрудничать с ними; они были первыми посредниками между колонизаторами и местными племенами и извлекали из этого экономические выгоды. С установлением колониального режима среди баконго усиливается внутренняя консолидация на основе введенного колонизаторами административного деления. Процессы внутреннего объединения содействовали распространению национализма баконго, которые имеют широкие этнические связи с населением соседних территорий и концентрируются вокруг административных центров. Вожди баконго сохранили традиционную власть, стали активно сотрудничать с колониальными властями, пытаясь любыми путями расширить сферу своего влияния на соседние племена, в социальном отношении стоящие на более низком уровне. Из среды племенной знати баконго вышло много чиновников, а позднее политических деятелей. Консолидации баконго содействовали политико-религиозные движения, имевшие место в 30-е годы, — кибангизм и матсуанизм⁸.

Несмотря на введение в Конго административного деления и замену традиционных вождей вождями-чиновниками, баконго нередко удавалось сохранить во главе кантонов своих традиционных вождей. Это объяснялось, в частности, заинтересованностью колонизаторов в баконго как посредниках в их отношениях с другими племенами и гибкостью политики вождей, стремившихся к расширению своих привилегий и упрочению экономического положения, что достигалось приобретением должности кантонального вождя. У баконго вожди, как правило, шли на сотрудничество с колонизаторами и превратились в опору колониальной администрации, укрепив тем самым свое политическое господство и имущественное положение. Таким образом, к началу 40-х годов традиционные власти у фанг и баконго имели различный политический вес. В противоположность баконго, у фанг в большинстве случаев традиционные вожди были заменены вождями-чиновниками.

Но после второй мировой войны выяснилось, что у фанг традиционные власти продолжают бороться за свое влияние. Когда среди фанг усилилось стремление к объединению, колонизаторы расценили это как угрозу своему господству и решили взять его под контроль. В 1947 г. по инициативе губернатора Габона был созван первый «съезд пахуинов»⁹ для «расширения контактов» колониальной администрации с местным населением. В съезде приняли участие 50 делегатов — главы кантонов, представители фанг в местной ассамблее и группа «эволюэ» из Либревиля, которая потребовала предоставления самоуправления¹⁰. Эта группа обвиняла колонизаторов в разрушении традиционной систе-

⁸ Этот факт отмечают многие исследователи социальных отношений в Тропической Африке, в том числе Ж. Баландьё, Е. Андерсон, Е. Ходжкин и другие.

⁹ Пахуины — название этнической общности, в которую входят фанг.

¹⁰ G. Balandier, *Sociologie actuelle de l'Afrique Noire*, Paris, 1955, стр. 198—199

мы организации фанг и подняла вопрос о восстановлении прав традиционных властей. Выступление группы «эволюэ» показало эфемерность власти назначенных колонизаторами вождей-чиновников, наличие так называемых «соломенных» вождей и большое влияние этой группы на широкие массы деревенского населения. После съезда отношения фанг с колонизаторами резко обострились. Позднее среди фанг выявились две тенденции: одна — к восстановлению прежней аморфной социальной системы, другая — к созданию племенного единства.

В 50-е годы все сильнее сказывается нивелирующее влияние французской колониальной системы. В политической жизни народов, населяющих Габон и Конго, появляется все больше общих черт.

После второй мировой войны французские власти несколько изменили свое отношение к вождям племен, видя в них основных проводников политики консервации прежней системы колониального грабежа. Это коснулось как традиционных вождей, так и вождей-чиновников. В послевоенные годы при поддержке колониальной администрации в ряде африканских стран создаются специальные профсоюзы и партии вождей племен¹¹, например, в Чаде «Объединение независимых землевладельцев Чада», в Габоне — «Демократический блок Габона» и т. д.

С подъемом национально-освободительного движения в массах нарастает недовольство не только против империалистов, но и против навязанных африканским народам вождей, которые грабили соплеменников, используя свое положение. Вожди кантонов незаконно повышали налоги, присваивали общественные земли и труд жителей подвластных им административных районов. Тем самым они углубляли раскол между рядовыми членами племени и племенной верхушкой.

В современной политической обстановке вожди племен — наиболее реакционная прослойка африканского общества. Способствуя искусственной консервации в нем значительных пережитков родоплеменных и феодальных отношений и будучи опорой империалистических кругов внутри новых государств Африки, традиционные вожди племен как социальный институт являются одним из серьезных препятствий на пути прогрессивного развития африканских народов.

¹¹ H. Deschamps, *L'Eveil politique africain*, Paris, 1952, стр. 98.

С О О Б Щ Е Н И Я

А. С. ПЕТРОВ

ДВИЖЕНИЕ ЗА КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ТРУД И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Выдающимся событием советской действительности является движение за коммунистический труд. Центральный Комитет КПСС отмечал, что «возникновение этого движения в период, когда наша страна приступила к развернутому строительству коммунистического общества, является закономерным и необходимым. Оно подготовлено всем ходом социалистического строительства, грандиозными успехами социалистической экономики, небывалым подъемом образования и культуры советского народа, ростом его благосостояния»¹.

За истекший период движение за коммунистический труд прошло сложный путь развития и доказало свою жизненность. Это нашло отражение прежде всего в его массовости. Ныне в этом движении участвуют более восьми миллионов человек. Кроме того, движение за коммунистический труд претерпело также существенные качественные изменения. Возникнув как соревнование бригад и ударников коммунистического труда, оно переросло в соревнование больших производственных коллективов: цехов и предприятий коммунистического труда.

Не менее важная особенность этого движения состоит также в том, что за короткий срок оно обогатилось множеством новых форм. Из них массовыми стали такие, как почин Героя Социалистического труда Валентины Гагановой, общественные конструкторские бюро, группы экономического анализа, общественные институты рабочих исследователей, комплексные бригады рационализаторов, общественный товарищеский контроль, различного рода формы творческого содружества рабочих, инженерно-технических работников и ученых, взаимопомощь между социалистическими предприятиями и другие.

Движение за коммунистический труд развивается под лозунгом: «Учиться работать и жить по-коммунистически», в основе которого лежит ленинская идея учиться коммунизму.

«Для построения коммунизма,— говорил на XXII съезде партии Н. С. Хрущев,— требуются большие трудовые усилия народа, буквально каждого советского человека. Без труда не может быть процветающего общества, благополучия и счастья человека. Жизненные блага не свалятся к нам как манна небесная... Коммунизм и труд — неотделимы»².

Движение за коммунистический труд ставит задачу прежде всего воспитания коммунистического отношения к труду, как к первой жизненной потребности, развития коммунистических форм труда. В ходе этого движения происходит серьезная борьба нового со старым, передового с отсталым, во всей общественной жизни, в отношениях между людьми, в идеологии, в культуре, быту. «Воспитание нового человека — сложный и длительный процесс. Невозможно,— говорил Н. С. Хрущев,— механически переселить людей из царства капитализма в царство коммунизма. Нельзя брать в коммунизм человека, обросшего мхом капиталистических предрассудков...»³.

Показателем практического решения задачи учиться работать и жить по-коммунистически являются Заповеди бригад коммунистического труда. Вот что, например, говорится в Заповедях комсомольского коллектива рабочих-металлургов седьмой до-

¹ «Всесоюзное совещание передовиков соревнования бригад и ударников коммунистического труда 27—30 мая 1960 г.», М., 1960, стр. 7.

² Н. С. Хрущев. Отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XXII съезду КПСС, «Материалы XXII съезда КПСС», М., 1961, стр. 110—111.

³ Там же, стр. 111.

менной печи Магнитогорска: «...Мы думаем, что наступило такое время, когда каждый из нас должен по-новому взглянуть на свой труд, на всю свою жизнь... Жить и работать в коммунистическом обществе мы должны учиться сегодня... Поэтому не только ударный труд будет характеризовать каждого из нас. Непрерывно учиться, совершенствовать свои знания, свой опыт, неустанно двигаться вперед — вот наша заповедь!».

Движение за коммунистический труд оказывает самое серьезное воздействие на производство. И это не случайно. Как указывается в Программе КПСС, коммунизм предполагает высокоорганизованное в масштабах всего общества производство, руководство которым осуществляется на основе самых широких демократических принципов. Коммунистическое общество как никакое иное будет нуждаться в едином планировании народного хозяйства, в организованном распределении труда и регулировании рабочего времени. Движение за коммунистический труд, развивая в массовом масштабе творчество и инициативу трудящихся, способствует решению этих задач в наиболее короткие сроки.

В основе деятельности коллективов и ударников коммунистического труда лежит борьба за достижение наивысшей производительности труда на основе новейшей науки и техники. Участники движения за коммунистический труд активно внедряют в производство новейшую технику, уделяя основное внимание вопросам комплексной механизации труда и автоматизации производственных процессов.

Бригадами коммунистического труда Н. Воронина с Ленинградского завода «Красный выборжец» и А. Эрмель с Ленинградской фабрики имени Володарского был выдвинут лозунг выполнить семилетнее задание по росту производительности труда за пять лет, нашедший широкую поддержку по всей стране. Замечательный пример борьбы за наивысшую производительность труда показала ударница коммунистического труда, ткачиха фабрики «Солидарность» Ивановской области, Герой Социалистического труда Ю. М. Вечерова. Уже в середине 1959 г. она достигла уровня производительности труда, запланированного на 1965 год. Благородный почин Ю. М. Вечеровой стал теперь массовым не только в текстильной, но и во многих других отраслях промышленности.

Участники движения за коммунистический труд оказали серьезное влияние на дальнейшее развитие и углубление плановых начал во всей производственной деятельности. Они вскрывают самые массовые резервы повышения производительности труда. В связи с тем, что использование этих резервов возможно только при условии планомерной работы каждого члена коллектива, широкое распространение получили комплексные планы повышения производительности труда на каждом рабочем месте.

Движение за коммунистический труд вызвало к жизни наиболее рациональные формы организации труда, которая, в свою очередь, способствует достижению наиболее эффективных взаимоотношений между людьми, прежде всего совершенствования отношений коллективизма, сотрудничества и взаимопомощи. Значительно возросли коллективные формы организации труда, особенно бригадные, широкое распространение получило чередование видов труда на основе расширения профессионального кругозора и повышения квалификации рабочих, совершается переход от контроля непосредственно за деятельностью рабочих к контролю за производственным процессом и результатам труда и т. д.

Движение за коммунистический труд оказало огромной силы воздействие и на самих людей, участников этого движения. Борясь за достижение наивысшей производительности труда, они вырабатывают в себе потребность трудиться творчески, работать по способностям. «Главной особенностью соревнования за звание бригад и ударников коммунистического труда,— отмечал Центральный Комитет КПСС,— является то, что в нем органически сочетаются борьба за достижение на основе новейшей науки и техники наивысшей производительности труда и воспитание нового человека — хозяина своей страны, который постоянно смотрит вперед, дерзает, думает, творит. Связывая воедино труд, учебу и быт, это соревнование оказывает активное влияние на все стороны жизни и деятельности человека, является важным фактором стирания существенных различий между умственным и физическим трудом»⁴.

Под влиянием движения за коммунистический труд формируются новые общественные отношения.

Наиболее обобщенно направление деятельности ударников, бригад и коллективов коммунистического труда в области развития новых общественных отношений и переустройства быта выражено в документах Всесоюзного совещания передовиков соревнования бригад и ударников коммунистического труда, состоявшегося в мае 1960 г. На совещании в частности говорилось, что участники движения за коммунистический труд ставят задачу совершенствовать коммунистические общественные отношения, воспитывать человека нового коммунистического общества, постоянно учиться, повышать деловую квалификацию, общее образование и политический уровень, в отношениях между людьми развивать принципы коммунистической морали и нравственности, отношения товарищеской взаимопомощи во всей общественной жизни; нерушимым правилом для всех участников движения за коммунистический труд становится принцип:

⁴ «Всесоюзное совещание передовиков соревнования бригад и ударников коммунистического труда 27—30 мая 1960 г.», стр. 8.

достиг высокого рубежа сам — передай свой опыт, знания и умение товарищу по работе, вовремя приди на помощь остающему, чтобы добиться общего подъема. Участники движения за коммунистический труд, воспитывая в себе черты человека коммунистического общества, строго следуют правилу: «Все за одного, один за всех». При этом характерным является то, что члены великого движения берут на себя высокие обязательства не из-за стремления к личному благополучию или к славе, а из-за идейной преданности делу коммунистического строительства.

Социалистический коллективизм — это качественно новое явление, присущее только людям социалистического общества. Он предполагает осознанную коллективную деятельность в интересах всего общества. Коллективизм в движении за коммунистический труд отражает такие замечательные качества советских людей, как дружба, товарищество, гуманность. Трудиться и жить коллективно — это значит уметь срабатываться с людьми в общественном производстве, преодолевать черты индивидуализма и эгоизма как в труде, так и в быту, координировать свои действия с интересами других. Обращая особое внимание на роль социалистического коллективизма в общественной жизни. Н. С. Хрущев говорил: «...В социалистическом обществе каждый человек, какое бы положение он ни занимал и каким бы видом труда ни занимался, отдает свои силы и знания служению интересам всего общества и, следовательно, своим личным интересам, как член этого общества. Поэтому у нас интересы коллектива и интересы личности совпадают и между ними нет принципиальных противоречий; человек легко находит свое место в коллективе, в общем созидательном труде народа»⁵.

Движение за коммунистический труд способствует утверждению коммунистической морали, что нашло конкретное проявление в Заповедях ударников и бригад коммунистического труда. Многие пункты этих заповедей — можно без преувеличения сказать — вошли ныне в моральный кодекс строителей коммунизма. Это — преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, добровольный, сознательный, добросовестный труд на благо общества, забота об укреплении и преумножении общественной собственности, высокое сознание общественного долга и нетерпимость к нарушителям общественного порядка, развитие коллективизма и товарищеской взаимопомощи и многие другие.

Строительство коммунизма сопровождается самым широким и всесторонним развитием человека, а труд в сфере и материального, и духовного производства сливается в единый процесс.

Движение за коммунистический труд оказало серьезное воздействие на всю общественную жизнь. Оно повысило тягу трудящихся к образованию, участие в общественной и культурно-массовой работе, в обеспечении общественного порядка, оказало влияние на развитие новых традиций и обычаев и т. п. Важнейшую роль в развитии активности масс сыграли мероприятия по сокращению рабочего дня. По данным статистики сейчас примерно 53 млн. человек имеют 7-часовой рабочий день, а 6 млн. человек — 4 и 6-часовой рабочий день. При таком положении время, свободное от материального производства, в общем недельном балансе времени составляет примерно 70—75%. Причем не только увеличилось количество свободного времени, но и использовать оно стало иначе. Так, в 1924 г., например, у работающих мужчин время на учебу составляло в месяц 7,85 часа, а у женщин — 5,54⁶. Теперь, по данным Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР, у рабочих Красноярского края время на учебу составляет 15—20 часов, т. е. возросло в 2—2,5 раза. При этом совершенно исчезли затраты времени, связанные с отправлением религиозных культов и обрядов, с игрой в карты и т. п., и возросли затраты времени на образование, повышение технического и культурного уровня.

Хотя внерабочее время увеличилось у всех членов общества, однако в коллективах коммунистического труда используется оно гораздо целесообразнее. По имеющимся данным, члены коллективов коммунистического труда почти в 4 раза больше, чем остальные трудящиеся, тратят времени на учебу, в 5 раз на общественную работу, в 3 раза на посещение кино, театров, в 2 раза на чтение художественной литературы. По данным Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР, на обследованных предприятиях Новосибирска 50% молодежи в возрасте до 19 лет учится в вечерних школах, 16,6% — в техникумах, 33,4% — в институтах, т. е. вся молодежь в возрасте до 19 лет охвачена самыми эффективными формами образования. В возрасте от 19 до 24 лет в вечерних школах учатся 55,6%, в техникумах — 18,1%, в институтах — 18,1%.

Во многих коллективах и особенно на предприятиях коммунистического труда широкое распространение получили перспективные планы повышения культурно-технического уровня трудящихся. Такие планы есть на Днепродзержинском коксохимическом комбинате коммунистического труда, многих предприятий Свердловска, Волгограда, Харькова и других городов страны. На Днепродзержинском коксохимическом предприятии коммунистического труда, например, в 1959 г. всеми видами обучения было охвачено

⁵ Н. С. Хрущев, К новым успехам литературы и искусства, «Коммунист». 1961, № 7, стр. 10.

⁶ С. Г. Струмилин, Рабочий день и коммунизм, М., 1959, стр. 12.

953 человека, а в 1960 г. — уже 1722 человека. На Тираспольской швейной фабрике коммунистического труда имени 40 лет ВЛКСМ высшее образование имеют 25 человек, среднее — 580, средние технические — 150 и только 13% работающих имеют начальное образование. В доменном цехе Магнитогорского металлургического комбината, соревнующемся за звание коллектива коммунистического труда, по данным 1960 г. почти все рабочие были охвачены различными видами учебы: 60 человек учились в институтах, 5 — в аспирантуре, 17 — в техникумах, 50 — в школе рабочей молодежи, многие рабочие являлись слушателями вечернего университета марксизма-ленинизма. Эти факты говорят о том, что под влиянием движения за коммунистический труд в нашей стране образование становится подлинно массовым и всенародным. Идет дальнейшее развитие форм учебы рабочих и инженерно-технических работников без отрыва от производства, в результате чего труд и учеба сливаются воедино и выступают как осознанная необходимость. Достаточно сказать, что в настоящее время свыше 4-х миллионов человек сочетают работу на производстве с учебой в школах, техникумах, вузах, более четверти их учатся в институтах.

Повысилась активность трудящихся в художественной самодеятельности, спортивной работе, занятиях кинолюбителей, в массовых мероприятиях коллективного отдыха — экскурсиях, туристских походах и т. д.

Многие участники движения за коммунистический труд овладевают на общественных началах новыми профессиями кулработников, инструкторов физкультуры. До недавних пор, например, руководство спортом осуществлялось Комитетом по делам физкультуры и спорта. Теперь этим занимаются общественные организации. На предприятиях выросли кадры общественников и заняли место платных тренеров и руководителей спортколлективов. Возросла активность и в других видах культурно-массовой работы. Интересные факты приведены в письме секретаря партийной организации Фрунзенской швейной фабрики имени ВЛКСМ тов. Насибуллиной⁷. На фабрике был поднят вопрос о том, «нужны ли фабрике так называемые «штатные общественники» — оплачиваемые физруки, массовики, затейники?». И было решено, что эту работу будут вести общественные инструкторы. Они возмущаются за нее «не ради заработка, а потому, что им будет интересно, они получат моральное удовлетворение...». «Долгое время, — пишет Насибуллина, — на фабрике никак не ладилась спортивная работа, хотя мы и имели освобожденного инструктора физкультуры. Организаторских способностей ему не хватало, и дела шли не блестяще. Сейчас занятия в секциях ведут инструкторы-общественники. Они хорошо выполняют это поручение».

Комсомольцы взялись и за фабричный клуб. Они решили обойтись без платных контролеров и уборщиц. «В самом деле, студенты в общежитиях перешли на самообслуживание, так неужели рабочие люди не смогут сами обеспечивать порядок и чистоту в своем клубе? Конечно, смогут! Составили график дежурств в клубе, установили санитарные дни». Комсомольцы сами следят за чистотой, стоят на посту контролеров во время киносеансов и концертов. Жизнь коллектива становится все интереснее и содержательнее. «Раньше, скажем, нам трудно было пригласить в свой клуб писателя, художника. Обычно они заявляли, что времени нет. А вот в клуб, работающий на общественных началах, работники культуры пришли сами. Писатели взялись организовать на фабрике литературный кружок. Народный художник республики О. Мануйлова помогла создать изостудию. Завязалась дружба и со студентами института физкультуры. Они приходят в цехи проводить производственную гимнастику, следят за работой спортивных секций, готовят у нас вечера. Не остались в долгу и наши работники. По просьбе студентов мы будем вести в институте кружок кройки и шитья...».

В заключение тов. Насибуллина пишет: «Каждый день жизни выдвигает много новых интересных и важных проблем. И чем больше людей будет участвовать в их решении на общественных началах, тем успешнее сможем мы воспитывать нового человека, человека с коммунистическим складом характера».

Получили массовое развитие такие общественные профессии, как профессии книгош, библиотекарей передвижных библиотек, общественных инструкторов по физкультуре, в частности, методистов производственной гимнастики и другие. Все большее распространение получают Университеты общественных профессий. Общественные профессии — явление новое, заслуживающее серьезного внимания. Возникновение их связано, с одной стороны, с движением за коммунистический труд, с другой — с сокращением рабочего дня. Являясь продолжением трудовой деятельности людей в иной форме, общественные профессии выступают как результат свободного и осознанного выбора трудовой деятельности за пределами материального производства и способствуют преодолению разрыва между умственным и физическим трудом. Учитывая, что в дальнейшем, по мере строительства коммунизма и совершенствования форм движения за коммунистический труд общественные профессии будут приобретать большое распространение, следует уже сейчас создавать условия для их развития.

В бригадах коммунистического труда широкое распространение получают коллективные походы в кино, театры и т. п. На Харьковском заводе «Серп и Молот» вошло в обычай коллективное посещение новых спектаклей, кинофильмов, лекций. Например, комсомольско-молодежная смена участка режущих инструментов регулярно по-

⁷ Газ. «Комсомольская правда», 21 октября 1959 г.

сещает кино, Музей изобразительных искусств, Харьковскую библиотеку им. Короленко, постоянными читателями которой стало большинство рабочих смены.

Программой КПСС предусмотрено дальнейшее сокращение рабочего дня. «В течение предстоящих 10 лет осуществится переход на шестичасовой рабочий день — при одном выходном дне в неделю или на 35-часовую рабочую неделю — при двух выходных днях, а на подземных работах и производствах с вредными условиями труда — на пятичасовой рабочий день или на 30-часовую пятидневную рабочую неделю»⁸. Это открывает простор для еще более быстрого подъема культурно-технического уровня трудящихся.

Движение за коммунистический труд представляет собой процесс активной борьбы со всем, что препятствует нашему движению к коммунизму. Оно выступает против таких отрицательных явлений, как лодыричество, рвачество, хулиганство и т. п., против отживших свой век обычаев и традиций.

В нашей советской действительности создаются новые обычаи, коренным образом отличающиеся от прежних.

Так, на Тираспольской швейной фабрике коммунистического труда им. 40 лет ВЛКСМ уже определяются черты нового свадебного обряда. Коллектив бригады или цеха участвует в подготовке свадебного наряда, стола, покупке обручальных колец; коллектив избирает, как было принято раньше, посаженных отца и мать, приглашает работников ЗАГСа. От входа к столу ЗАГСа пол устилается коврами, в два ряда с обеих сторон стоят подружки с букетами цветов. Посаженные отец и мать приводят молодых людей к месту регистрации в тот момент, когда оформляется брачный союз, присутствующие исполняют свадебную хоровую песню. Как правило, все коллективы цехов и бригад посылают своих товарищей поздравить молодых, вручить им цветы. После оформления брака исполняется вальс для новобрачных.

Таким образом, в противовес церковному обряду, создается свой, соответствующий новым семейным отношениям, которым чуждо духовное порабощение человека, рабская покорность и смирение женщины, ее зависимость от мужчины.

Об обычаях, закрепляющих ответственность коллектива за судьбу ребенка, рассказала на вечере в Колонном зале Дома Союзов в конце октября 1960 года работница этой же фабрики Валентина Карташева. При рождении ребенка его названными родителями объявляется вся бригада коммунистического труда, в которой работает мать. Этот коллектив несет ответственность за судьбу ребенка. В день регистрации ребенка на фабрике в торжественной обстановке выписывается свидетельство о рождении, «Торжественный адрес ребенка», в котором помещены фотографии родителей, обещание коллектива помогать в воспитании и пожелание, каким хочет коллектив видеть ребенка. В дни поступления детей в школу фабрика выделяет средства для организации выпускного праздника в детских садах и там в торжественной обстановке вручаются детям портфели, буквари, тетради и книги.

В традицию вошло коллективно отмечать вручение комсомольских билетов, дни рождений, проводы на пенсию, оказывать помощь по хозяйству многосемейным, строить совместно дома (как правило, в сельской местности). Бригады коммунистического труда из своей заработной платы и особенно за счет премиальных средств создают фонд на различные коллективные мероприятия. Имеют место и другие факты. На Волгоградском заводе медицинского оборудования, в бригаде тов. Столярова как-то была получена значительная премия за внедрение новшеств в производство. В это же время была свадьба у рабочего, члена бригады тов. М. Коллектив бригады единогласно решил всю премию израсходовать на обстановку квартиры рабочего М. Все эти явления говорят о возросшем коллективизме работников производства.

Существенной проблемой коммунистического строительства, как указывал на XXII съезде КПСС Н. С. Хрущев, является вопрос дальнейшего совершенствования политической организации, государственного устройства и управления. Известно, что государство отомрет при коммунизме. Но его отмирание произойдет постепенно, путем развертывания демократии и привлечения к непосредственному управлению хозяйственным и культурным строительством широких трудящихся масс. «Мы ставим перед собой задачу привлечь всех граждан поголовно к управлению делами общества»⁹, — сказал Н. С. Хрущев.

Ударники коммунистического труда — люди с высоким сознанием своего общественного долга — принимают активное участие в управлении делами общества. Взять хотя бы обеспечение общественного порядка и правил социалистического общежития. В заповедях членов коллективов и ударников коммунистического труда записано: «Никогда не проходить мимо фактов хулиганства, пьянства, бескультурья. Обидели на твоих глазах человека, и ты виноват». Борьба за обеспечение правил социалистического общежития и общественного порядка становится законом их жизни. Именно из ударников коммунистического труда и формируются в основном народные дружины, которые активно выступают против нарушителей общественного порядка. Показательна в этом отноше-

⁸ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 391.

⁹ Н. С. Хрущев, О Программе Коммунистической партии Советского Союза, «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 187—188.

нии работа народной дружины на одном из заводов Перми. Состоит она из 1690 человек (51 отряд). Главное в ее деятельности — предотвратить нарушение общественного порядка. Поэтому разъяснительная работа, воспитание находятся в центре внимания всех дружинников. Ими по объектам патрулирования регулярно проводятся лекции и беседы, работают они в тесном контакте с работниками милиции.

Участники движения за коммунистический труд борются за улучшение быта, в частности за облегчение женского труда в домашнем хозяйстве. Известно, что социализм впервые в истории освободил женщину, создал условия для ее плодотворного труда на пользу общества наравне с мужчиной. Изменился и характер трудовой деятельности женщин. В дореволюционной России из всех женщин, работавших по найму, было 80% домашней прислуги и батрачек, 13% использовались в промышленности и на подсобных работах в строительстве и лишь 4% — в просвещении и здравоохранении¹⁰.

По данным переписи 1959 г. доля женщин среди лиц, занятых в общественном производстве, составила 48%, причем среди лиц, занятых в просвещении, науке и здравоохранении, — 71%.

По мере возрастания доли женщин в общественно-полезном труде все настоятельнее встает задача максимального освобождения женщин от домашнего труда. Достигнуто в этом направлении многое. По данным НИИ труда за последние 35—40 лет затраты на приготовление пищи в домашних условиях сократились примерно в 2 раза. Значительно уменьшены затраты времени на покупку продуктов и других товаров широкого потребления. Этому в значительной степени способствовали мероприятия, проведенные Коммунистической партией и Советским государством по развитию широкой сети торговых организаций и внедрению прогрессивных форм обслуживания населения, а также улучшению коммунально-бытовых условий трудящихся. В городах страны в быт прочно вошли газ, водопроводное снабжение, центральное отопление, внедряется электробытовая техника и т. п.

Тем не менее, как отметил XXII съезд КПСС, вопросы быта нельзя считать окончательно решенными. По данным научно-исследовательских организаций ведение домашнего хозяйства продолжает занимать все еще очень много времени. Например, на покупку продуктов, приготовление пищи, мытье посуды уходит примерно 35—40%, уборку помещения — 8—10%, уход за одеждой — 7—15%, уход за детьми — 20—25% времени домашнего труда. Ведение домашнего хозяйства, отнимая значительную часть времени женщины, снижает производительность их труда, сдерживает рост образования, повышение квалификации. Для решения задач коммунистического строительства необходимо максимальное освобождение женщин от домашнего труда.

Этому важному вопросу особое место отведено в Программе КПСС. «Должны быть полностью устранены остатки неравного положения женщины в быту, созданы все социально-бытовые условия для сочетания счастливого материнства со все более активным и творческим участием женщин в общественном труде и общественной деятельности, в занятиях наукой, искусством, — говорится в Программе КПСС. — Женщинам должны предоставляться относительно более легкие и в то же время достаточно оплачиваемые работы»¹¹. В домашнем хозяйстве должны получить большое распространение усовершенствованные бытовые машины, приспособления, электроприборы. Будет широко развита сеть общественного питания, предприятий бытового обслуживания, открыты новые детские ясли и сады, школы-интернаты с бесплатным содержанием детей и т. д.

Участники движения за коммунистический труд принимают активное участие в осуществлении мероприятий по улучшению быта. Они выступают инициаторами создания общественных домовых кухонь, детских комнат при домоуправлениях и жилищно-коммунальных отделах, кинотеатрах, дворцах культуры.

Хорошая инициатива проявлена общественностью Кировского района Новосибирска, которой создана общественная домовая кухня. Только за полгода ею обслужено свыше 30 тыс. человек. По просьбе населения обеды приготавливаются из продуктов заказчика и доставляются на дом. Как показывают многочисленные факты, неограниченная помощь в этом отношении оказывается пенсионерами.

Опыт коллективов коммунистического труда показывает, что в основу работы по совершенствованию быта должен быть положен принцип развития коллективных, общественных начал. Следует развивать, например, коллективное пользование бытовой техникой — холодильниками, стиральными машинами, пылесосами и т. д., создавать прачечные, общественные домовые кухни. Инициаторами этого должны выступить коллективы коммунистического труда.

Со вступлением в соревнование за звание предприятий коммунистического труда заводов, фабрик и строек вопросы переустройства быта все чаще стали находить отражение как в обязательствах коллективов, так и в их практической деятельности. На Тираспольской швейной фабрике коммунистического труда им. 40 лет ВЛКСМ, например, созданы специальные бытовые комиссии. Члены этих комиссий всегда в курсе всех дел работниц и своевременно оказывают им необходимую помощь. Непосредственно на фабрике создан бытовой цех, который помогает работницам быть всегда опрятно одетыми.

¹⁰ См. «Женщины и дети в СССР. Статистический сборник», М., 1961, стр. 7.

¹¹ «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 393.

Задачу улучшения быта поставил перед собой коллектив 1-го Московского часового завода им. С. М. Кирова, вступая в соревнование за звание коллектива коммунистического труда. В его обязательствах говорится: «В. И. Ленин неустанно заботился о трудящихся женщинах, придавая большое значение их участию в деле коммунистического строительства. Он завещал нам делать все возможное для облегчения их домашнего труда. В целях создания хороших условий работницам-матерям и осуществления решений Коммунистической партии Советского Союза по улучшению коммунистического воспитания детей берем на себя обязательство к имеющимся двум детским яслям на 250 мест и одному детскому саду на 100 мест дополнительно построить к 1 сентября 1960 г. детский сад на 250 мест, в 1961 г. — детские ясли на 150 мест и в 1962 г. — детский сад на 150—180 мест с тем, чтобы в 1962 г. в основном удовлетворить потребность в детских учреждениях».

Движение за коммунистический труд оказало существенное влияние на укрепление связей коллективов коммунистического труда со школой. Эти связи проявились в форме своеобразного соревнования производственных и школьных коллективов. Одной из первых такую инициативу проявила подшефная школа Купавинской тонкосуконной фабрики в сентябре 1959 г. Пионеры вызвали на социалистическое соревнование одну из бригад прядильного цеха, добивающуюся звания коллектива коммунистического труда. «Мы хотим так же, как и вы, помочь выполнению семилетнего плана», — сказали школьники. Вскоре началось соревнование между другим пионерским коллективом и бригадой коммунистического труда М. Рожневой.

Вместе с развитием движения за коммунистический труд стали более многообразными связи коллективов коммунистического труда со школой. Бригада коммунистического труда Ивановского меланжевого комбината осуществляет шефство над пионерским отрядом. Отстающим пионерам помогают комсомольцы. Спортсмены бригады вместе со школьниками организуют походы и соревнования по лыжам и конькам, участвуют в пионерских сборах, ходят на экскурсии, собирают металлолом.

Развитие широких связей коллективов коммунистического труда со школой свидетельствует о возросшей ответственности трудящихся за воспитание подрастающего поколения.

Таким образом, в период развернутого строительства коммунизма создание материально-технической базы сопровождается одновременным развитием новых, более совершенных отношений между людьми как в процессе производства, так и во всей общественной жизни; формируется новый человек коммунистического общества. Великая историческая роль в этом отношении принадлежит движению за коммунистический труд.

А. П. ОКЛАДНИКОВ

НОВОЕ В ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНЕЙШИХ КУЛЬТУР МОНГОЛИИ

(по работам 1960 г.)

Обширная территория Монгольской Народной Республики издавна привлекала внимание исследователей, интересовавшихся древнейшей историей человечества. Именно здесь, в глубине Центральной Азии, по мнению многих выдающихся ученых, в том числе П. П. Сушкина, должен был протекать процесс выделения предков человека из мира животных; здесь же, следовательно, нужно было искать останки наших древнейших предков и вещественные следы их деятельности в виде первых орудий труда.

Очень интересны для освещения древнейших этапов истории Азии памятники каменного века и связанные с ними проблемы. Однако в этой области изучения Монголии имелись наиболее досадные пробелы. Это, в первую очередь, относится к древнейшему этапу каменного века — палеолиту.

Как известно, до сих пор на территории МНР были обнаружены лишь отдельные изолированные находки каменных орудий палеолитического типа. Даже там, где проводились наиболее широко поставленные сборы древних каменных изделий, не было уверенности, что та или иная часть их относится к каменному веку или к его определенному этапу. Так, например, в капитальной монографии И. Марингера «Доистория Монголии», где опубликованы обширные коллекции, собранные между Синьцзяном и Калганом, среди нескольких десятков тысяч каменных изделий не оказалось ни одного предмета, который можно бы уверенно отнести к палеолиту¹.

Сам Марингер оставляет вопрос о палеолите в своих заключительных выводах открытым. Точно так же доподлинно неизвестно, есть ли настоящие палеолитические орудия в огромной коллекции каменных орудий, собранных американской экспедицией под руководством Р. Ч. Эндрюса.

Первые бесспорно палеолитические находки были обнаружены в 1948 г. специальным палеолитическим отрядом Советско-Монгольской историко-этнографической экспедиции АН СССР и Комитетом наук МНР (под общим руководством С. В. Киселева).

Многочисленные палеолитические местонахождения встречены были мною уже в ближайших окрестностях Улан-Батора — у горы Зайсан-Тологой, около бензоколонки и в других местах. Отдельные находки отмечены были затем в Люн-Сомоне. Самые же богатые остатки деятельности палеолитических людей оказались на левом берегу р. Орхона против развалин Каракорума и знаменитого древнего монастыря Эрдени-Дзу, в так называемой Черемуховой пади (Мольтн-ам). Здесь мне посчастливилось обнаружить богатейшее палеолитическое местонахождение, на котором сразу же были собраны десятки обработанных человеком камней: нуклеусов, чопперовидных изделий, скребел, отщепов и пластин. Однако эти материалы не были опубликованы. Не удалось также произвести раскопки палеолитического поселения у монастыря Эрдени-Дзу в 1949 г.

Между тем отсутствие точно документированных научных данных о каменном веке Монголии с большой остротой сказывается на решении принципиальных больших вопросов истории не только МНР, но и соседних с ней областей Азиатского материка. Так, нельзя понять происхождение палеолитических культур Северной Азии, т. е. Сибири и Советского Дальнего Востока, не учитывая связей, которые, должны были осуществляться через территорию Монголии. С другой стороны, новейшие открытия в Северном Китае, в долине реки Фэнь, выдвинули на очередь вопрос о влиянии среднеазиатских культур древнекаменного века на древнейшие культуры Китая. Ключ к решению этого вопроса опять-таки лежит на территории Монгольской Народной Республики, в том числе в пустыне Гоби.

Отсюда ясно, что проблема палеолита Монголии является проблемой всемирно-исторического масштаба. Столь же ясно, что без освещения этой проблемы не может

¹ J. Maringer, Contribution to the Prehistory of Mongolia. Report from the scientific Expedition to the North-Western provinces of China under leadership of dr S. Hedin, VII, «Archaeology», т. 7, Stockholm, 1950.

Рис. 1. Группа советских и монгольских археологов у входа в Гандан-хуре.
Слева направо: В. Е. Ларичев, Дорж, А. П. Окладников, Дорж-Сурэн,
В. В. Волков

быть надлежащим образом изложена начальная часть трехтомной истории МНР, подготовкой которой в данное время занят Институт истории Комитета наук МНР.

Именно этой задаче — поискам палеолитических памятников и детальному изучению палеолитических культур Монголии — были посвящены археологические исследования в 1960 г., организованные Комитетом наук Монгольской Народной Республики по инициативе проф. Ширендыба.

По тематике и научной направленности, а также в значительной мере и по маршруту эти исследования явились продолжением работ палеолитического отряда Советско-Монгольской историко-этнографической экспедиции 1949 г. В них участвовала группа советских и монгольских археологов: В. Е. Ларичев, художник Ю. С. Кузнецов, Сэр-Оджаб, Дорж-Сурэн, В. В. Волков, Дорж. Эпизодическое участие в разведочных поездках вблизи г. Улан-Батора принимал также известный монгольский археолог Х. Пэрлээ. Научное руководство работой экспедиции осуществлял А. П. Окладников. Работы были явчаты разведочными поездками в окрестностях Улан-Батора, в результате которых был открыт ряд новых интересных археологических памятников, в том числе не только палеолитических поселений, но и уникальных древнемонгольских наскальных надписей

Рис. 2. Парк в Далан-Дзадагаде (Гоби). Скульптуры, выполненные местным художником

Рис. 3. Скульптура мальчика на лошади. Улан-Батор

и рисунков, датируемых XIII—XIV вв. Рисунки эти изображают женщину-монголку в costume, соответствующем описаниям средневековых западноевропейских и китайских путешественников, и рядом с ней пятнистую лань и характерно шаманские по стилю антропоморфные фигуры онгонов.

Затем экспедиция выехала в район Эрдени-Дзу, где произвела первые в истории монгольской археологии систематические раскопки палеолитического поселения. После этого были обследованы район Далан-Дзадагада с его знаменитыми неолитическими поселениями — Баиндзак или Шабарак-усу («Шавар-ус» — «колодец с глинистой водой») и местность Отцон-Маньт, где было обнаружено целое гнездо древнепалеолитических, леваллуа-мустьерских и частично более поздних находок. Оттуда экспедиция, осмотрев попутно наскальные рисунки в ряде местностей, вернулась в Улан-Батор и продолжила ознакомление с поселениями каменного века, а также писаницами вблизи города. Была совершена также поездка к известным местонахождениям наскальных рисунков и херексуров в местностях Их-Алык и Дурбельджин на р. Толе, во время которой сделаны были кальки и фотографии с большого числа рисунков.

Среди вновь открытых нами в Монголии памятников каменного века следует прежде всего особо отметить находки каменных орудий на крайнем юге Монгольской Народной Республики, на территории Южнообийского аймака в местности Отцон-

Рис. 4. Гранитные останцы у заставы Отцон-Маньт

Маньт. Здесь, в непосредственном соседстве с пограничной заставой, которая носит то же название, были обнаружены древнейшие, известные сейчас для территории Монголии, каменные орудия, изготовленные первобытным человеком.

Застава Отцон-Маньт расположена в обширной долине, окаймленной с востока и запада цепями невысоких холмов, которые сложены в основном гранитами и кремнистыми сланцами (эффузивами).

По середине долины выступают гранитные останцы причудливых форм. Они тянутся целыми скоплениями один за другим, и около каждого такого скопления рассеяны обработанные человеком камни. Несмотря на ограниченность времени, которым мы располагаем, здесь было выявлено шесть отдельных пунктов концентрации каменных изделий.

Среди последних четко выявляется группа предметов, обнаруживающих черты наибольшей древности. Материалом для них послужила черная кремнистая порода. Поверхности изделий сильно выветрились, грани их шерсты и окатаны песком. Однако формы этих изделий вполне определенные и типологически выразительные. Обращает внимание прежде всего наличие нуклеусов архаических форм, обычных для среднего палеолита Европы, Южной (Передней) Азии и Африки.

Таковы нуклеусы двух типов: а) дисковидные нуклеусы, б) нуклеусы, приближающиеся по характеру фасеток и форме к призматическим.

С этих последних нуклеусов хорошо рассчитанными меткими ударами снимались пластины совершенно определенного типа: удлинненно-треугольные, с правильными четкими гранями на спинке.

Именно эти пластины, в том числе широкие и длинные, с характерно скошенной по отношению к плоскости раскалывания площадью, в большом количестве обнаружены на всех шести пунктах вблизи заставы Отцон-Маньт. Отмеченные нуклеусы и пластины имеют черты, характерные для леваллуаской техники расщепления кремня, которая в Европе и Африке зарождается еще в ашельское время, а затем продолжает существовать и достигает расцвета в мустьерскую эпоху. Со временем эта техника даст начало еще более совершенной верхнепалеолитической технике расщепления камня.

Открытие такого рода изделий в глубине Центральной Азии очень важно уже по той причине, что оно документирует заселение пустынных ныне областей Азиатского материка в очень отдаленные времена человеческой истории — в среднем палеолите, т. е. около 40—50 тыс. лет назад, а может быть, и раньше. С этих находок можно теперь начать первую главу истории Монголии, историю заселения человеком Центральной Азии.

Второй важный вывод, связанный с находками у пограничной заставы Отцон-Маньт относится к общей характеристике культурно-исторического процесса на территории Центральной Азии в эти отдаленные времена. Появление техники леваллуаского типа свидетельствует о важных изменениях в эволюции производственной деятельности человека, об определенном прогрессивном скачке в этой области. Вместе с тем зарождение новых форм нуклеуса и пластин свидетельствует об одновременной прогрессивной эволюции как организма первобытного человека, так и его умственной деятельности, т. е. ума, сознания и психики наших отдаленных предков. Речь идет о переходе от палеоантропа неандертальской стадии к современному человеку.

Значение последнего факта с исторической точки зрения трудно переоценить. Он свидетельствует о том, что глубинная Азия вовсе не была страной извечного покоя и мертвой инерции, как писал, например, крупный исследователь палеолита Анри Брейль о Китае. Напротив, теперь есть основания утверждать, что в глубине Азии, в Гоби, имела место прогрессивная эволюция самого человека и его культуры и что здесь находился один из мировых по значению центров такого развития.

Возможно, далее, что влияние этого центра сказывалось далеко за пределами собственно Монголии. С этой стороны очень важно родство обнаруженной нами в Гоби древнейшей культуры каменного века с одновременными культурами Советской Средней Азии и Северного Китая.

За последнее десятилетие в Средней Азии, в бассейне р. Сыр-Дарьи (Кайрак-Кумы, пещера Ходжикент у г. Ташкента, устье Капчигай в Фергане) обнаружен ряд местонахождений мустьерско-леваллуаской культуры; найденные здесь изделия из камня аналогичны вновь обнаруженным предметам из Гоби. В то же время китайскими учеными выявлены в бассейне р. Фэнь около Динцзуня новые памятники нижнего и среднего палеолита, принципиально отличные от ранее исследованных местонахождений в Чжоукоудяне. Отличие заключается в том, что в Динцзуне представлены не чопперы, как в Чжоукоудяне, а орудия типа ашельских рубил и остроконечников, сближающиеся с западноевропейскими и вообще средиземноморскими формами².

Выражению «западный» облик, на этот раз мустьерский, имеют новые находки китайских археологов в Цзячене, в провинции Шаньси, между реками Сянхьэ и Ваяохэ, где в слое красноватой глины непосредственно под лесом, но выше слоя гравия и песка, найдены различные каменные изделия. Среди них имеются массивные скребла с выпук-

² В. Е. Ларичев, Ашельско-мустьерские памятники и остатки палеолитического человека в Китае (провинция Шаньси, долина р. Феньхэ), «Вопросы антропологии», вып. 1, 1960, стр. 111—115.

Рис. 5. Раскопки в Эрдени-Дзу (Каракорум)

лым рабочим краем, дисковидные нуклеусы классических форм, столь же типичные остроконечники треугольных очертаний, отщепы и пластины мустьерского облика³. При этом следует особо подчеркнуть, что именно инвентарь Цзячена встречает наиболее близкие аналогии в Средней Азии, где пока еще рубила ранних ашельских форм не обнаружены, но зато очень широко представлены изделия мустьерских и в том числе леваллуа-мустьерских форм.

Все эти факты имеют огромное значение для выяснения древнейшей истории населения Центральной Азии. Очевидно, как и следовало ожидать, уже в эти отдаленнейшие времена территория Монголии не разъединяла, а, наоборот, связывала различные группы палеолитического человечества. Через нее сквозь пустынные ныне области Гоби происходил в течение тысячелетий живой обмен этническими группами первобытного человечества, техническими приемами обработки камня и культурными традициями. «Восток» не был отделен незримой стеной от «Запада», а, наоборот, связан с ним разнообразными узлами контактов.

Не менее важные результаты для понимания характера палеолитической культуры Монголии и ее связей с культурами других стран получены нами в другом районе МНР, в долине р. Орхона, около Эрдени-Дзу у стен древней столицы монголов Хара-Хорина (Каракорума).

Уже первое разведочное обследование, осуществленное мною в 1949 г., показало, что палеолитическое поселение, расположенное по левому берегу р. Орхон, напротив развалин древнего Хара-Хорина и монастыря Эрдени-Дзу, замечательно прежде всего обилием материала. На нем рассеяно огромное количество обработанного древним человеком камня. Это объясняется тем, что здесь в течение многих веков добывалось, а также обрабатывалось каменное сырье для орудий труда, выделялись заготовки, особенно нуклеусы. Палеолитическое поселение на р. Орхоне являлось, таким образом, местом, где протекал важнейший для первобытного человека процесс, связанный с основой его жизни: производство орудий труда.

Не менее важно, что раскопки в Эрдени-Дзу не только позволяют раскрыть быт палеолитического человека, но и освещают последовательный ход развития его культуры. Как было установлено раскопками 1960 г., палеолитическое поселение на р. Орхоне имеет характер не однослойного, а многослойного памятника. Отличия в технике изготовления, типах и формах каменных изделий в различных слоях поселения (слоев имеется не менее трех) отражают важные перемены в культуре его древних обитателей.

Первые обитатели поселения, оставившие нам изделия третьего (нижнего) слоя, по общему облику их культуры стояли еще очень близко к людям среднего палеолита. У них господствовали древнейшие приемы обработки камня, мустьерско-леваллуаские в принципе. В слое найдены нуклеусы дисковидные и мустьерско-леваллуаские двухплощадочные и одноплощадочные. В нем также обнаружены скребла, остроконечники, широкие пластины правильных очертаний.

Важное место занимают вместе с тем в инвентаре нижнего слоя гальки, расколотые поперек одним сильным ударом. Иногда расколотый край таких галек бывает

³ Там же, стр. 114.

оформлен дополнительными сколами и превращен в массивное лезвие, как у «чопперов».

Имеются также и остроконечники мустьерского облика треугольных очертаний, с массивными лезвиями, оформленные крутой ступенчатой ретушью. Такие остроконечники близки некоторым остроконечникам из палеолитических поселений Сибири⁴.

В дальнейшем наблюдается существование одних и тех же в принципе приемов обработки камня и обнаруживаются виды изделий, сходные с найденными в нижней части культурной толщи. Но тем более отчетливо обнаруживается резкий сдвиг в культуре, совпадающий с отложением верхнего слоя поселения. Здесь, наряду с массивными изделиями из расколотых поперек галек — чопперами, остроконечниками мустьерского облика, появляются впервые нуклеусы настоящего призматического типа, т. е. такие, у которых отбивная площадь перпендикулярна плоскости скалывания. Распространяются скребочки мелкого размера и такие же небольшие ножевидные пластинки.

Особенно интересно появление оригинальных «нуклеусов-скребков» сибирского типа, один край которых образует острое ребро, обработанное двусторонней ретушью, а другой оформлен длинными продольными фасетками, получившимися в результате отщепления ножевидных пластин⁵. В более глубоких слоях поселения таких нуклеусов-скребков не было.

Культура людей, оставивших этот слой, является, очевидно, переходной от палеолита к неолиту, хотя нами не найдено здесь ни одного чисто неолитического предмета, например наконечников стрел или заготовок топоров. Ее можно назвать в полной мере эпипалеолитической или мезолитической, хотя этот «мезолит», как и сибирский, резко отличен от того мезолита, какой известен к западу от Урала, в Европе, а также в Средней Азии.

Существенное значение имеют в связи с этим условия залегания культурных остатков, т. е. стратиграфия древнего поселения. В то время как нижние горизонты находок связаны с типичным делювием в виде желтого сильно обогащенного известью суглинка или супеси, верхний горизонт представляет собой коричневатого-бурый (каштановый) почвенный слой, резко отличный по своей темной окраске и структуре от залегающего глубже желтого делювиального слоя. Он, следовательно, целиком принадлежит уже не четвертичной, а современной, голоценовой, эпохе⁶.

Аналогичные памятники позднего палеолита, и притом весьма многочисленные, встречены были также в долине р. Толы, в частности у горы Зайсан-Тологой, против Улан-Батора, и в ряде мест ниже этой горы по левому берегу этой реки, вплоть до аэропорта.

Важнейшим памятником следующей неолитической эпохи является замечательное поселение или, вернее, целая серия поселений в районе Далан-Дзадагада, в местности Баиндзак (у колодца Шавар-ус), впервые открытых и обследованных участниками американской Центральноазиатской экспедиции под руководством Р. Ч. Эндрюса.

Поселение расположено в своеобразной естественно-географической обстановке. Оно связано с грядой древних красноцветных дюн на дне огромной котловины и занимает огромную площадь. Культурный слой выступает на поверхности в тех местах, где песок древних дюн развеян ветром. Повсюду на дне дюнных котловин выветривания обнаруживаются остатки очагов, сложенных из гладкоокатанных валунов и галек. На очагах и около них рассеяно множество каменных изделий, материалом для которых послужили разноцветные кремнистые породы, преимущественно яшма красного и шоколадного цвета, а также желтоватый, белый и полупрозрачный халцедон.

Техника обработки камня и форма каменных орудий свидетельствуют о вполне сложившихся традициях неолитической культуры. Люди Баиндзака в совершенстве владели всеми приемами обработки камня, характерными для неолитической эпохи. Они умели шлифовать камень, хотя и пользовались этим приемом очень редко, в совершенстве владели искусством скалывания ножевидных пластин с призматического нуклеуса; умели тонко ретушировать кремневые изделия, в том числе вкладные каменные лезвия для ножей, ножи и наконечники стрел. Основным охотничьим оружием у них были лук и стрелы.

О существовании определенных эстетических представлений можно судить по заготовкам для бус из обломков скорлупы яиц ископаемой птицы четвертичного периода — страуса, а также по обломкам скорлупы яиц страуса, иногда украшенным тончайшим гравированным узором геометрического характера.

Существенной чертой работ 1960 г. в Баиндзаке, в отличие от работ американских исследователей, явилось то обстоятельство, что мы собирали материал с развеянной ветрами площади по отдельным ее небольшим участкам. В результате удалось получить не просто коллекции каменных орудий неолитической эпохи, а зафиксировать нечто гораздо более важное: остатки конкретных поселений людей каменного века, следы деятельности конкретных родовых общин глубокой древности.

⁴ А. П. Окладников, Палеолит Забайкалья. Общий очерк, «Археологический сборник», 1, Улан-Удэ, 1959, стр. 14.

⁵ Там же, стр. 15.

⁶ Б. Б. Полюнов, Исследование почв. Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова, Л., 1925, стр. 47.

Рис. 6. Писаницы Ульдзит-сомона

Эта простая методика позволила сделать и другие не менее важные выводы общетеоретического характера. Удалось в общих чертах расчленить историю неолитических обитателей Гоби на два больших этапа.

К первому, наиболее раннему, историческому этапу относятся те поселения, жители которых имели каменные орудия и глиняные сосуды, очень близкие в основе к каменному инвентарю и керамике прибайкальских племен неолитической эпохи. Наличие таких хрупких предметов, как глиняные горшки, показывает, что в данном случае имели место не простые культурные связи, не только элементарный обмен вещами. Следует полагать, что около 4—5 тыс. лет назад на юг Монголии вплоть до южной Гоби проникали подвижные племена охотников и рыболовов северного происхождения. Эти племена, распространявшиеся из Забайкалья и Прибайкалья, несли с собой с Севера на Юг не только привычный производственный инвентарь — свои наконечники стрел, ножи, вкладные лезвия, но также и свои собственные, особые приемы изготовления глиняных горшков. Их горшки по форме и способу оформления поверхности были такими же, как неолитические сосуды на р. Ангаре, р. Лене и р. Селенге. Они имели полуяйцевидную форму, заостренное днище, а наружная поверхность их была покрыта текстильными отрисками, в том числе типично прибайкальскими отрисками сетки-плетенки, характерными для серовской стадии неолита Прибайкалья.

К более позднему времени относится вторая неолитическая культура, остатки которой залегают в толще древних дюнных отложений выше остатков первой культуры. Ее главное отличие от более древней заключается в том, что появляется керамика нового типа, взамен старой. Наружная поверхность сосудов теперь часто окрашивается красной краской. Иногда применялась и настоящая орнаментальная роспись, выполненная черной краской по красному фону. Для характеристики изменений в хозяйственной жизни этого времени решающее значение имеют каменные зернотерки и песты, употреблявшиеся для растирания зерен и производства муки. Этот новый период в истории древних племен Гоби отмечен, таким образом, зачатками первобытного земледелия и усилением культурных связей с неолитическими земледельцами соседней Маньчжурии.

К такому же выводу о смене двух культур, сначала с северными связями, а затем с южными, т. е. сначала с Сибирью, а потом с Китаем и Маньчжурией, пришел и И. Марингер⁷.

Новые наблюдения 1960 г. в Гоби подкрепляют и усиливают значение этого вывода, впервые сделанного мною в результате работ в Баянцзаке в 1949 г.

Наряду с поселениями каменного века, специальное внимание было уделено также и наскальным рисункам. Как уже отмечалось, были обследованы ранее известные первоклассные наскальные изображения в долине р. Толы в местности Их-Алык и Дурбельджин. Весьма ценные наскальные изображения оказались также в Средней и Южной Гоби. Большой научный интерес имеют вновь открытые мною наскальные изображения в местности Их-Тенгерин-Ам на левом берегу Толы вблизи Улан-Батора.

⁷ John Maringer, *Vorposten chinesischer Kolonisation in der Mongolei der Steinzeit*. Изучение Континентальной Азии. Сб., посвященный д-ру Деин. Отчеты Общества изучения Евразии. Специальный выпуск. Общество изучения Евразии. Токио, 1955, стр. 5—7.

Изучение наскальных рисунков позволяет распределить их по различным стилистическим и хронологическим группам. Наиболее ранние наскальные изображения отмечены в местности, где находился старый Ульдзит-сомон (Центральная Гоби). На отшлифованных песками и покрытых скальным загаром плоскостях сланца здесь выбиты десятки изображений животных и людей, многие из которых покрыты таким же густым «загаром», как и скалы, на которых они выполнены. Самые ранние, судя по наибольшей интенсивности «загара», изображения выбиты глубокими желобами и сразу же обращают внимание архаичностью своего облика. Лучшее из них представляет собою крупную фигуру дикой лошади, жеребца, с подчеркнуто утрированным признаком пола. Как и многие другие такие сюжеты в первобытном искусстве, это изображение, несомненно, отражает древнюю идею плодородия зверей — основного источника существования охотничьих племен далекого прошлого. Лошадь изображена с большой экспрессией и верностью природе. Дрезний художник с удивительной точностью передал в своем рисунке-горельефе характерные черты дикого монгольского коня, лошади Пржевальского с ее коротким грузным туловищем, массивной небольшой головой и короткими мохнатыми ногами. Весь этот комплекс изображений, от которого веет неукротимой охотничьей страстью, явно предшествует скотоводческой культуре эпохи металлов и целиком лежит в пределах каменного века, очевидно неолита.

К эпохе бронзы относятся наскальные рисунки, выполненные красной краской, на которых изображены «дворы», сплошь заполненные овальными пятнами внутри, хищные птицы, парящие с распластанными «дуновидными» крыльями, а также стилизованные фигурки людей-духов и животных⁸. Такие писаницы имеются в пади Их-Тенгерин-Ам и в местности Хачурт на р. Толе. К бронзовому веку можно условно отнести также и некоторые выбитые в скалах у Хобдо-сомона рисунки, изображающие охотничьи и военные сцены, воинов в пышных головных уборах вроде шлемов и с оружием в руках, чаще всего с луком.

Блестящими образцами древнего орнаментального искусства являются, далее, многочисленные изображения, выбитые на глыбах гранита и сланца в Их-Альке и Дурбельджине⁹. Они передают обычно один и тот же традиционный устойчиво повторяющийся во множестве вариантов образ оленя с ветвистыми рогами¹⁰. Этот «скифо-сибирский» стиль создан был, как установил еще Г. И. Боровка, кочевыми племенами Центральной Азии в конце бронзового и в раннем железном веке. Возникнув, вероятно, где-то на рубеже II—I тыс. до н. э., он доживает в степях до конца хуннского времени и исчезает вместе с их степной державой, испытав ее трагическую судьбу.

Далее следуют изображения тюркской эпохи VI—VIII в. н. э. — тамгообразные знаки и фигуры козлов.

За ними следуют примитивные изображения животных, повторяющие писаницы Сибири и Восточной Европы, датируемые поздним тюркским временем X—XI вв. н. э.

Последним звеном в этой длинной цепи наскальных изображений оказались обнаруженные в 1960 г. в пади Их-Тенгерин-Ам уникальные рисунки, изображающие женщину в терлике и в гутулах, с боккой на голове, а также лань (может быть, мифическую прародительницу монголов Олун-Гоа, «прекрасную маралуху» эпических сказаний) и фигурки шаманских онгонов.

Таковы в общих чертах результаты исследований археологических памятников Монголии, осуществленных советскими и монгольскими археологами в 1960 г. Как видно из всего сказанного, они значительно расширяют и углубляют наши представления о начальных периодах истории Центральной Азии и ставят важные исторические проблемы.

⁸ А. П. Окладников, О датировке забайкальских писаниц, Записки Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры, вып. XVI, Улан-Удэ, 1952.

⁹ Г. И. Боровка, Археологическое обследование среднего течения р. Толы, «Северная Монголия — II». Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 г., Л., 1927, стр. 43—54, 79—84.

¹⁰ А. П. Окладников, Олений камень с р. Иволги, «Сов. археология», 1954, XIX, стр. 207—220.

Ф. Б. ФЛОРЕСКУ

ЛЕПНАЯ ЖГУТОВАЯ КЕРАМИКА ИЗ ДОЛИНЫ РЕКИ МУРЕШ

В Румынии почти до наших дней бытовала лепная жгутовая керамика, характерная для очень ранних этапов развития гончарства. Об этом, в частности, сообщают Р. Вуия и Б. Слэтиняну¹.

В августе — сентябре 1955 г. автор настоящей статьи собрал сведения о производстве глиняной посуды жгутовым способом в долине верхнего течения р. Муреш (Трансильвания). На обследованной территории выявлено несколько сел, где еще лет 80 назад сосуды делали старинным жгутовым способом. Эта техника широко использовалась, в частности, гончарами сел Деда, Петриши, Морэрень в верховьях р. Муреш, и с. Билбср, расположенного далеко в горах.

В названных селах автором был проведен опрос потомков местных гончаров и других лиц, знавших или наблюдавших процесс изготовления посуды жгутовым способом². При сборе сведений большое внимание уделялось тому, чтобы информаторы не могли общаться между собой и влиять друг на друга. Одновременно были изучены орудия, применявшиеся при изготовлении лепной жгутовой керамики, а также сами изделия, как еще сохраняющиеся у местного населения, так и находящиеся в коллекции Музея в Тыргу-Муреше.

Последними гончарами, изготавливавшими жгутовую керамику, по словам местных жителей, в с. Деда (д. Валя Кэсинор) были Мэйлэ Оларулуй (род. около 1825 г.), Георге Оларулуй (род. в 1827 г.), Василикэ Оляр, сын Мэйлэ (ум. в 1935 г. в возрасте 80 лет), Савина Оляр, сестра Василикэ (ум. в 1938 г. в возрасте 94 лет).

В с. Петриш жгутовые сосуды изготавливали: Иоанно Оляр, дочь Мэйлэ из с. Деда (умерла в 1942 г. в возрасте 89 лет), обучавшаяся гончарному ремеслу якобы у своего отца, а Василикэ Оляр, — у нее; Георге Некита, свояк Иоанно, обучавшийся ремеслу у нее же.

Имена мастеров из с. Морэрень не были установлены.

Техника изготовления

Приступая к изготовлению сосудов, гончар предварительно заготавливал глиняное тесто. Глину, называемую здесь *agiag* или *agiæ* (от венгерского «*aguar*»), в с. Деда брали возле деревни Валя Кэсинор, на вершине холма, носящего название *cietată* или *cetăția*³, а в с. Петриш — на холме *Virful Mălăieștilor*, близ церкви. Так как в обоих названных пунктах глина залегала всего в 10—25 см от поверхности, добыча ее не составляла особого труда. Глину копали мотыгой или заступом *hârlețul*, а затем в переметной суме переносили к жилищу гончара, где ее складывали на тонкий ковер, скатерть или брезент (*țelt*). Принесенную глину смачивали водой и месили, подсыпая к ней предварительно просеянный песок. Судя по излому сосудов, песок добавлялся в глиняное тесто в значительном количестве. Месили глину очень тщательно, не оставляя комков или чего-нибудь инородного. Однако предварительно глину никогда не очищали. Наши информаторы уверяли, будто используемая гончарами глина не содержит в себе посторонних примесей и поэтому не нуждается в предварительной очистке.

Формовка сосудов велась на специальном приспособлении-подставке (рис. 1), называемой иногда столом (*masă*). Состоит оно из двух дисков (*a*, *a'*) одинаковой величины, соединенных между собой при помощи четырех стерженьков (*b*), и центрального

¹ R. V u i a. Ethnographische Beweise, Siebenburgen, 1943; B. S l ă t i n e a n u, Cera-mica românească, București, 1938.

² Нашими информаторами были: Мария Чонтя, 68 лет; Георге Оляр, 45 лет; Параскива Оляр, 69 лет; Герасим Рыкеш Пушкаш, 69 лет; Герасим Мария Пушкаш, 69 лет; Иосиф Сикоуан, 49 лет, с. Деда, д. Валя Кэсинор; Демьян Некита, 72 лет (сын мастерицы Иоанны из с. Деда), с. Петриш; Настасия Петря Буркош, 72 лет; Адам Аврам, 75 лет, с. Морэрень.

³ В румынской топонимике довольно часто встречается термин «*cetate*», обозначающий «крепость». Иногда так называют и вершины холмов.

стержня (e), который укреплялся в колоде (glaf), а иногда устанавливался на стуле или на табурете, подобно прялке. При работе сосуд находится на этой подставке в неподвижном состоянии, за исключением тех моментов, когда его необходимо переместить, чтобы гончар мог продолжать свою работу, не двигаясь вокруг сосуда. По-видимому, это приспособление появилось не так давно, под влиянием гончарного круга.

Формовка сосуда⁴ начиналась с изготовления дна. Гончар брал ком глины (suc, от siuc, siucire) и разминал его между ладонями до тех пор, пока он не принимал формы плоского дна. Затем дно клали на предварительно посыпанный песком верхний диск подставки и расплющивали края дна нажимом пальцев. Тремя пальцами правой руки гончар поднимал размятые края дна вверх (рис. 2) и превращал их в основание стенок. Сами стенки делались из глиняных жгутов в палец толщиной и около 40 см длиной. Их выделявали на столе, не отрывая от общей массы глины, как бы вытягивая из нее. Раскатывая жгуты, гончар удалял при этом из глины все случайно оставшиеся в ней посторонние включения. Полученные таким образом жгуты — «чучь» (ciuci) или «сучитурь» (sucitari) укладывали по спирали справа налево, одновременно приминая и уплотняя их (рис. 3, а и б). Укладывая жгуты, гончар медленно вращал рабочий диск вправо, легко толкая боковые стерженьки коленями. При этом стенки сосудов никогда не получались ровными, и их приходилось всегда специально заглаживать.

Для придания желаемой формы иногда приходилось частично удалять толщину его стенок. Эта операция заглаживания сосуда, производимая рукой, ляфой или мочалкой, носит название «тиклэзунре» (ticlăzure).

Ляфа (leafa), как называют в с. Деда орудие, применяемое для заглаживания сосудов, была двух видов: в форме ножа, часто слегка трапецевидной формы (lities или sufit) и в виде лопаточки, напоминающей ляфу для резания мамалыги. Кроме ляфы, для заглаживания стенок сосудов и для их увлажнения во время работы употребляли пеньковую или льняную мочалку (spălătorul или gi-ze). Сначала заглаживали жгуты, а затем и весь сосуд, предварительно смочив его. После этого к сосуду приделывали ручки.

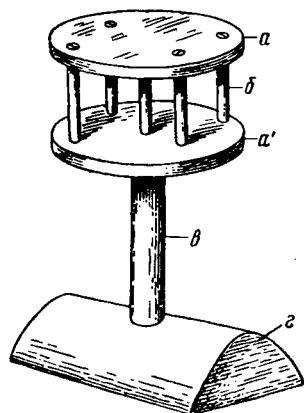

Рис. 1. Стол для формовки сосудов

трапецевидной формы (lities или sufit) и в виде лопаточки, напоминающей ляфу для резания мамалыги. Кроме ляфы, для заглаживания стенок сосудов и для их увлажнения во время работы употребляли пеньковую или льняную мочалку (spălătorul или gi-ze). Сначала заглаживали жгуты, а затем и весь сосуд, предварительно смочив его. После этого к сосуду приделывали ручки.

Рис. 2. Укладка стенок сосуда

Орнаментацию жгутовых сосудов производили по сырой глине, до обжига. Орнамент состоял из более или менее правильных углублений, выдавленных шепкой, веткой (gătes) или углом ляфы на поверхности сосуда, медленно вращавшегося на подставке. Этот орнамент у местного населения носит название «руваш» (ruvase).

Сушка лепных сосудов имеет особенно большое значение. Толстые стенки такой посуды обычно просыхают неравномерно — у поверхности быстрее, а внутри медленнее, поэтому приходится следить за тем, чтобы высыхание шло медленно и постепенно по всей толщине стенок, так как, если стенки внутри останутся сырыми, во время обжига

⁴ Процесс формовки наблюдался автором при изготовлении сосудов Марией Чон-тя, 68 лет, дочерью гончара Василикэ Оларь, и Георге Оларь, 35 лет, внуком Василикэ Оларь.

ды могут потрескаться. Гончары с. Деде достигали равномерной сушки, ставя дущие сосуды в спальне или на чердаке и прикрывая их мокрой тряпкой (gaze). иили сосуды в течение двух недель, после чего их подвергали обжигу, который изводился в особых печах (рис. 4 и 5), по форме весьма напоминающих полусферические куполообразные печи для выпечки хлеба, широко распространенные в Румынии. Строили их из речной гальки, глины и кирпича. На удобном месте ставили

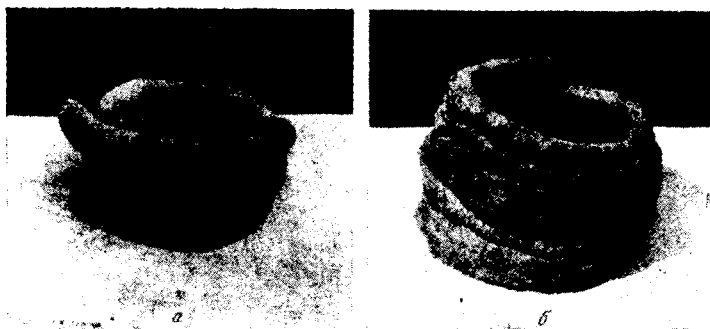

Рис. 3. Уложенные из жгутика стенки сосуда: а — до заглаживания, б — после заглаживания

сначала навес, под ним на деревянных или каменных подставках на высоте около 40 см от земли сооружали платформу. Строительство печи начинали с пода, который делали из кирпичей. Затем возводили стены, причем иногда их строили при помощи каркаса из прутьев и досок. Общая высота печи достигала приблизительно 90 см. В стенке с одной стороны оставляли отверстие, служившее устьем, через которое шла загрузка печи и ее топка. Чтобы края устья не разрушались, в стенку вставляли железный полукруг. Во время обжига устье закрывали доской «влен» (bleu). Печи делали как с дымоходом, так и без него. В последнем случае в задней стенке, против устья, но несколько выше его, оставляли небольшое отверстие, как это делают иногда и сейчас в печах для выпечки хлеба.

Примитивность конструкции печи для обжига лепной жгутовой посуды позволяет заключить, что последняя сохраняла очень древние традиции.

Прежде чем загрузить печь посудой, ее прогревали, сжигая в ней хворост. После этого на под печи клали квадратом четыре бревна, служившие основанием для настила из расколотых и хорошо просушенных дубовых поленьев. На него при помощи длинной палки укладывали в ряд сосуды, а на них — по полену, затем снова ряд сосудов и т. д. От углей, оставшихся в печи после ее прогрева, дрова загорались, после чего устье печи закрывали. Открывали его только тогда, когда было нужно подложить в печь дрова. Во время обжига в каждый из обжигавшихся сосудов при помощи той же длинной палки, которой сосуды ставили в печь, опускали горячие угли. При таком способе обжига процесс

окисления железа, содержащегося в глине, проходил неодинаково и сам обжиг шел неравномерно. В результате цвет обожженных таким образом сосудов варьировался от красного до черно-серого. Этот последний оттенок, видимо, зависел от того, что печь во время обжига закрывали, причем мог иметь место и процесс восстановления окиси железа. Часть сосудов из находившихся ближе к устью оставалась плохо обожженной и ее, как правило, подвергали обжигу вторично. Песок, добавлявшийся в глину в большом количестве, предохранял сосуды от растрескивания во время обжига.

Сосуды из печи вынимали в раскаленном еще состоянии и тут же опускали их в корыто, наполненное жижей из отрубей. При этом поры сосудов заполнялись мучнистым тестом жижи, что после просушки делало стенки сосудов почти водонепроницаемыми.

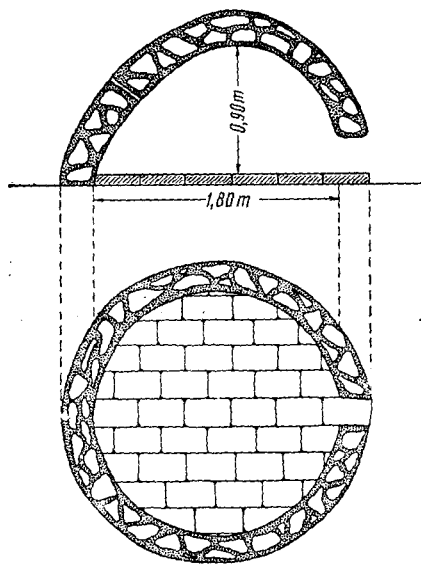

Рис. 4. Печь для обжига жгутовой керамики. План и разрез

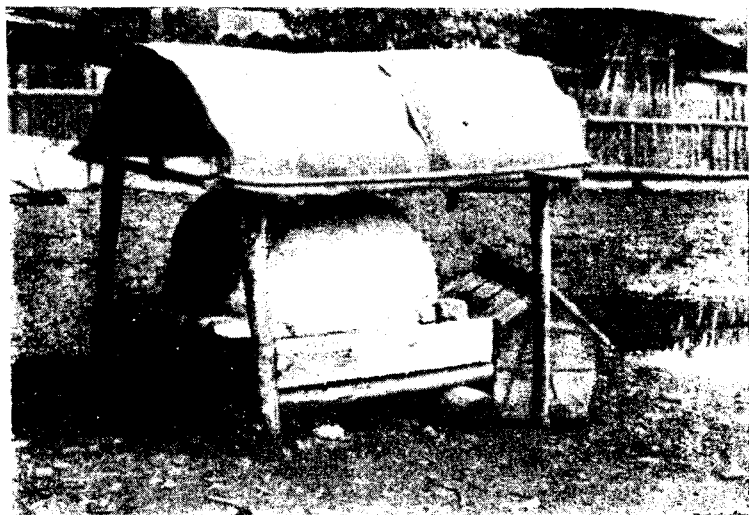

Рис. 5. Печь для обжига жгутовой керамики. Общий вид

В долине р. Муреш жгутовым способом вырабатывали кубки, горшки с одной или двумя ручками, казаны с двумя ручками, низкие сковороды для пирогов. Все эти сосуды были толстостенными и довольно тяжелыми, некоторые из них при небольших размерах достигали 2,5 кг веса.

Район сбыта посуды, изготовлявшейся в селах Деде, Петриш, Мурэрень, ограничивался долиной р. Муреш — вверх до Лунка Брадулуй, вниз — до Регине. Чаще всего гончар продавал свои изделия там же, где он их делал. За посудой к нему, как правило, приходили замужние женщины. Иногда гончары разносили на продажу свою продукцию по селам.

Лепные горшки из долины р. Муреш пользовались большим спросом, так как благодаря их толстым стенкам они после нагревания долгое время не остывали. Такой горшок, как говорили наши информаторы, «кипел сам посреди комнаты».

Проведенное изучение румынской лепной жгутовой керамики позволяет реконструировать один из древних способов изготовления глиняных сосудов, устанавливая применение при изготовлении лепной керамики особого приспособления, по существу представляющего собой вариант ручного круга, выявляет домашний характер производства и участие женщин в изготовлении и сбыте лепной жгутовой посуды.

Х Р О Н И К А

ВЫСТАВКА РАБОТ М. М. ГЕРАСИМОВА

С 23 мая по 30 сентября 1961 года в помещении Биологического музея им. К. А. Тимирязева в Москве была открыта выставка работ антрополога М. М. Герасимова и палеонтолога К. К. Флёрова. Целью выставки было показать человека в процессе его исторического развития от древнейших гоминид до современного человека.

Экспозиция первого зала выставки знакомила посетителей с основными положениями методики восстановления лица по черепу. Исходной позицией этого метода является принцип взаимосвязи и взаимообусловленности формы и рельефа черепа с мягкими тканями лица. Специальные анатомические исследования позволили разработать шкалу стандартов толстот мягких покровов головы по медиальной линии и в ряде горизонтальных сечений. Наглядной иллюстрацией найденных закономерностей служили многочисленные таблицы. На них изображалась форма носа в связи с различными типами строения костных элементов носового отдела: носовых костей, грушевидного отверстия, подносового шипа, различного положения высоты *Crista conchal*; показывалась форма рта, обусловленная тем или иным строением альвеолярного отростка верхней челюсти, постановкой зубов, характером прикуса и т. д. Специальные таблицы иллюстрировали строение верхнего и нижнего века, связанное с различной степенью притупленности верхнего и нижнего края орбиты, ее профилировкой; был показан разрез глаз, зависящий от высоты расположения глазного бугорка. Другие таблицы указывали на связь постановки уха с направлением восходящих ветвей нижней челюсти и т. д. Помимо этого, целый ряд таблиц воспроизводил весь процесс восстановления лица по черепу. Таким образом, скульптурные портреты, выполненные М. М. Герасимовым, созданы на краниологической основе и тем самым являются документальными.

Разработанная М. М. Герасимовым методика создания объективного портрета нашла блестящее подтверждение в контрольных опытах, в основном связанных с криминалистической практикой. Подобных работ выставлено относительно немного; тем не менее они заслуживают особого внимания, так как именно они доказывают обоснованность разработанной методики. Реконструкции сравнивались с прижизненными фотографиями портретируемых, их опознавали родственники или знакомые этих людей. Эти факты доказывают документальность реконструкции, констатируя индивидуальное сходство, которого она достигает.

Успешное завершение контрольных опытов позволило М. М. Герасимову перейти к созданию серии портретов исторических деятелей. На выставке были размещены портреты скифского царя Скилура, основоположника персидско-таджикской поэзии Абульхасана Рудаки, великого князя Киевской Руси Ярослава Мудрого и Владимирского князя Андрея Боголюбского. Здесь можно было видеть портреты тимуридов во главе с родоначальником Тимуром — среднеазиатским полководцем XVI в., и портрет внука Тимура — знаменитого астронома Улуг-бека. Зрители с интересом рассматривали портреты Ф. Ф. Ушакова — адмирала русского флота, первого инженера и первого министра путей сообщения П. П. Мельникова (см. рис. 1), портрет героя гражданской войны А. Я. Пархоменко.

Центральное место на выставке занимали реконструкции ископаемых людей. Этому разделу был отведен второй зал, в котором было выставлено 65 реконструкций, отражающих основные стадии антропогенеза и расогенеза, показаны почти все основные типы древнего населения СССР.

Экспозиция этого зала состояла из трех разделов: нижний палеолит, верхний палеолит и раздел древнего населения СССР, созданный по материалам из могильников мезолита и неолита, бронзового, раннего и позднего железного веков.

Эволюционный ряд гоминид начинался показом реконструкции плезиантропа — ископаемой человекообразной обезьяны, наиболее близкой к непосредственному предку человека.

Обезьянолюди были представлены графической реконструкцией питекантропа и скульптурным портретом синантропа. Их примитивные черты удачно переданы. Низкий убегающий назад лоб, чрезвычайно сильно развитый надглазничный валик, массивное prognathное лицо с сильно усеченным подбородком и глубоко посаженные маленькие глаза — все это создает впечатляющий образ наших отдаленных предков, уже не обезьян, но еще и не людей.

Картину эволюционного развития древнейших ископаемых людей демонстрировала реконструкция неандертальцев. Изучение их костных остатков, найденных на территории Европы, Азии и Африки, показало, что в эпоху нижнего палеолита существовало довольно много локальных групп, заметно отличающихся друг от друга. Однако нужно немного сказать о тех общих чертах, которые объединяют эти разные группы древнейших людей и которые так отчетливо прослеживаются на скульптурах. Это, прежде всего, очень большая голова с очень покатым лбом, который плавно переходит в уплощенный низкий свод черепа; тяжелое массивное лицо с сильно развитыми надглазничными валиками, высокое и широкое с сильно профилированными областями скуловых костей, нос большой и очень широкий, подбородок усеченный, на реконструкциях видна и особая посадка головы, ощущается большая физическая сила этих людей.

Самая древняя группа неандертальцев представлена реконструкцией по женскому черепу из Штейнгейма, в которой М. М. Герасимов отразил свойственное этой форме сочетание очень примитивных и прогрессивных черт. Классические неандертальцы представлены четырьмя бюстами, выполненными по черепам из Ля Шапель-о-Сен, Ле Мустье, Ля Феррасси II и Гибралтар. Все они по-своему очень выразительны. Каждая голова наделена своими, только ей при-

сущими индивидуальными чертами. Обобщающим для них является проявление сильно специализированных особенностей строения черепа и всего скелета, которые исключают их участие в процессе формирования *Homo sapiens*. Внешний облик мальчика из пещеры Тешик-Таш свидетельствует о его принадлежности к группе классических неандертальцев, что соответствует выводам, сделанным при изучении остатков его скелета и черепа.

Группа палестинских неандертальцев, занимающих, как известно, очень важное место в процессе формирования человека современного вида, значительно отличается от других представителей неандертальцев. На выставке она представлена только двумя реконструкциями — это женщина, созданная по черепу Табун I, и мужчина Схул V. Обе реконструкции передают облик древнего человека, в котором еще немало примитивных черт, однако наряду с этим в них много сапиентных признаков, которые сближают эту группу с верхнепалеолитическими людьми европейского материка. Степень выраженности черт современного человека различна, женщина из Табун I представляется более примитивной, чем мужчина из Схул V, черты которого со всей очевидностью говорят о близости его к современным людям.

Реконструкция ребенка из Староселья свидетельствует о наличии довольно сильно выраженных сапиентных особенностей у древнейших людей, которые жили в эпоху позднего мустье на территории современного Крыма. Очень своеобразен облик родезийца, в котором, несмотря на его позднюю датировку, сочетаются чрезвычайно примитивные черты с сапиентными. Нужно отметить, что М. М. Герасимов не обнаружил в нем негроидных черт, которые без основания подчеркивались некоторыми авторами.

Следующий раздел выставки был посвящен эпохе верхнего палеолита. К его началу завершилось формирование человека современного вида, который уже на ранних этапах этого периода приобрел основные черты рас первого порядка. Это очень ярко иллюстрировали реконструкции верхнепалеолитических людей, представленные на выставке. Прежде всего в облике этих людей нет неандерталондных черт. Иными стали пропорции форм головы и лица. Нет у них ни надглазничных валиков, ни усеченного подбородка, нос стал значительно уже, иной стала и посадка головы. Словом, внешний облик людей в принципе мало чем отличается от человека современного вида.

Человек из грота Комб-Капель — наиболее древний представитель этой эпохи. Для него характерны некоторые морфологические особенности, которые отдаленно напоминают о неандертальце. Это более покатый лоб, сильно развитая глабелла и над-

Рис. 1. Скульптурный портрет
П. П. Мельникова

бровь, нижняя челюсть с почти отсутствующим подбородочным выступом и др. М. М. Герасимов рассматривает человека из Комб-Капелль как прототип одного из наиболее примитивных представителей *Homo sapiens*.

Реконструкция по черепу с Маркиной горы передает черты человека экваториального типа: рот довольно широкий с довольно толстыми губами, выступающий нос и т. п. Протоевропеоидный тип, пережитки которого так долго сохранялись у населения с территории Европы, очень ярко выражен в облике кроманьонца. Монголоидные особенности расы уже довольно четко выявились в реконструкции пекинского человека.

Рис. 2. Плезантроп

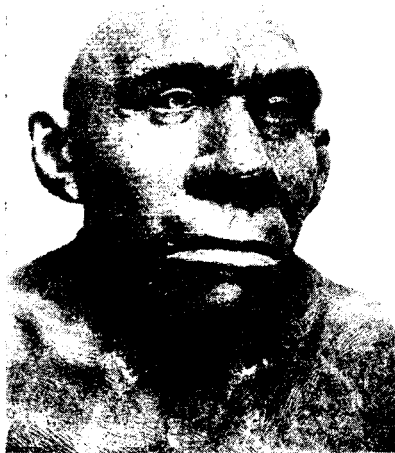

Рис. 3. Реконструкция по черепу из Ля Феррасси II

К сожалению, на выставке оказались не представленными интересные и выразительные реконструкции человека из Оберкасселя, из Пшедмоста и верхнепалеолитических людей, черепа которых обнаружены в Крымских пещерах.

Реконструкции представителей древнего населения с территории СССР демонстрируют все многообразие и сложность антропологического состава уже в эпоху неолита, еще более усложнившегося в последующие эпохи. Кроманьонские (протоевропеоидные) черты долгое время сохранялись на территории СССР. Они прослеживаются в мезолите, о чем свидетельствуют портреты европеоида из Оленеостровского могильника, и у людей с Сурского острова (неолит), и в облике людей древнейшей культуры (бронзовый век).

Смешанное происхождение древнего населения Русского Севера, в формировании которого принимали участие не только европеоидный, но и монголоидный компоненты, со всей очевидностью выявляется в облике людей из Оленеостровского могильника, а также в некоторых группах из могильников культуры ямочно-гребенчатой керамики (реконструкция мужчины из Эстонии, мужчины и женщины из Каравахи и др.).

Довольно широко было представлено на выставке население, создавшее древнейшую и катакомбную культуры (эпоха бронзы). Это целый ряд реконструкций, воспроизведенных по черепам в основном из поволжских могильников. Все они — европеоиды, но в облике одних прослеживаются черты, характерные для современной средиземноморской европеоидной расы, в облике других обнаруживаются пережитки кроманьонских черт, связывающих этих людей с неолитическим населением порожистой части Днепра. Следы искусственной деформации головы переданы в облике молодой женщины катакомбной культуры. Европеоидный тип прослеживается на территории Западной Сибири — это андроновцы, характерные черты которых переданы в портрете андроновца из Орака. Различное происхождение населения фатьяновской и балановской культуры иллюстрируются средиземноморскими расовыми чертами одного из балановцев и североευропейским обликом людей фатьяновской культуры.

Антропологическое многообразие народов, создавших культуры так называемого скифо-сибирского круга, наглядно выявляется при сопоставлении портретов скифа из Причерноморских степей и типичного представителя монголоидной расы, восстановленного по черепу мужчины из плиточной могилы Забайкалья.

Группа скульптур из Грузии представляла население этой страны, начиная с XI в. до н. э. и вплоть до первых веков н. э. В конце выставки посетители видели портреты славян и кривичей, которые еще в XIV в. населяли Подмосквье.

Работы палеонтолога К. К. Флёрова иллюстрировали природу и животный мир, в которой жил человек на разных этапах своего существования.

Географическая среда и животный мир, которые играли такую важную роль в жизни древних людей, в особенности в нижнем и верхнем палеолите, на наш взгляд, прекрасно были переданы К. К. Флёровым: небольшие картины (каждая из которых представляет самостоятельный интерес), воссоздававшие быт древних людей, в сочетании с реконструкциями древних людей и животных того времени создавали большое и цельное впечатление. Кстати сказать, методика реконструкций животных основана на том

Рис. 4. Женщина из «Шигирского торфяника»

Рис. 5. Реконструкция по черепу из могильника Херексуран-Ури (плиточная могила, Забайкалье)

же принципе взаимосвязи и взаимообусловленности строения скелета и тела животного. Здесь, так же как и в работах М. М. Герасимова, внешний облик дан после тщательного изучения скелета в результате очень кропотливого процесса воссоздания мускулатуры всего тела животного. И так же как в основе реконструкции головы человека лежит череп, здесь основой является весь скелет.

На выставке в Биологическом музее были представлены далеко не все реконструкции, созданные М. М. Герасимовым в результате тридцатилетнего упорного труда в этой области. Его работы популярны за пределами специальных антропологических учреждений. Они выставлены во многих центральных и местных краеведческих музеях (достаточно указать, что 76 работ, представленные на этой выставке, были собраны из 26 различных музеев страны). Фотографии и рисунки с реконструкций опубликованы в многочисленных научных и популярных изданиях и даже в школьных учебниках. Однако нет музея, где бы они были сосредоточены полностью. Выставка, явившаяся первой попыткой собрать воедино хотя бы часть реконструкций, вызвала очень большой интерес посетителей, а в многочисленных отзывах красной нитью проходят пожелания о создании постоянной экспозиции работ М. М. Герасимова.

Н. Н. Мамонова, Т. С. Сурнина

СПИСОК ВЫСТАВЛЕННЫХ РАБОТ

№ п/п	Название скульптуры	Датировка	Место находки	Год и автор раскопок	Дата выполнения реконструкции и место хранения
1	Плезантроп		Южная Африка, пещера у Стеркфонтейна, к югу от г. Претории	1936—1938, Р. Брум	1960, Москва, Биологический музей
2	Мужчина—синантроп	ашелль	Сев. Китай, пещера Чжоукоудянь, близ г. Пекина	1929, Пей Веньчжун	1950, Москва, Музей земледелия МГУ
3	Женщина из Штейнгейма	ашелль	ФРГ, в отложениях близ мест Штейнгейм, около г. Вюртемберга	1933, Ф. Беркхэмер	1960, Москва, Биологический музей,
4	Мужчина из Ле Мустье	раннее мустье	Франция, нижний грот пещеры Ле Мустье, деп. Дордонь	1908, О. Гаузер	1949, Москва, Музей земледелия МГУ
5	Мужчина из Ля-Ферраси	позднее мустье	Франция, пещера Ля-Ферраси, близ мест. Бюжу, департ. Дордонь	1909—1921, Д. Пейрони	1961, Москва, Биологический музей
6	Мужчина из Ля-Шапель-о-Сен	среднее мустье	Франция, пещера Буффия, близ дер. Ля-Шапель-о-Сен, деп. Коррэзы	1908, А. Буиссон, Ж. Буиссонни, Л. Бардон	1939, Москва, Музей антропологии МГУ
7	Женщина—Гибралтар I	мустье	Испания, сев. склон Гибралтарской скалы	1848, при взрывных работах	1960, Москва, Биологический музей
8	Мальчик из Тешик-Таша	среднее мустье	Узбекская ССР, Байсунское ущелье, грот Тешик-Таш	1938—1939, А. П. Окладников	1949, Москва, Музей антропологии МГУ
9	Женщина—Табун I	мустье леваллуа	Палестина, гора Кармел, пещера Мугарет-эт-Табун, близ г. Атлит	1931—1932, Д. Гаррод, Мак Коун	1960, Москва, Биологический музей
10	Мужчина—Схул V	мустье	Палестина, гора Кармел, пещера Мугарет-эс-Схул	1931—1932, Д. Гаррод, Мак Коун	1960, Москва, Биологический музей
11	Ребенок из Староселья	мустье	Крым, пещера Староселье близ г. Бахчисарая	1953, А. А. Формозов	1959, собственность автора
12	Родезейский человек из Брокен-Хилл	не датирован	Африка, Сев. Родезия, рудник Брокен-Хилл к северу от р. Замбези	1921, рабочие свинцовых рудников	1954, Москва, Музей земледелия МГУ
13	Мужчина из Комб-Капелль	ориньяк	Франция, грот Комб-Капелль, г. Монферан, деп. Дордонь	1909, О. Гаузер	1954, Москва, Музей земледелия МГУ
14	Мужчина из Кроманьон	ориньяк	Франция, мест. Кроманьон, долина р. Везеры	1868, Э. Лартэ	1952, Москва, Музей земледелия МГУ
15	Мужчина из Костенки XIV (Маркина гора)	ориньяк	Воронежская обл, Костенковско-Боршевский р-н, с. Костенки	1954, А. Н. Рогачев	1954, Москва, Музей антропологии МГУ
16	Пекинский человек	мадлен	Сев. Китай, верхн. грот пещеры Чжоукоудянь близ г. Пекина	Пей Веньчжун	1958, Москва, Музей антропологии МГУ

Приложение 1 (продолжение)

№ п/п	Название скульптуры	Датировка	Место находки	Год и автор раскопок	Дата выполнения реконструкции и место хранения
17	Мужчина из Костенки II (Аносов Лог)	мадлен	Воронежская обл., Костенковско-Боршевский р-н, с. Костенки	1953, П. И. Борисовский	1953, Москва, Музей антропологии МГУ
18	Мужчина из Оленеостровского могильника	мезолит	Онежское озеро, южный Олений о-в, погребение 12	1936—1938, В. И. Равдоникас, Н. Н. Гурина	Собственность автора
19	Мужчина из Оленеостровского могильника	мезолит	Онежское озеро, южный Олений о-в, погребение 44	1936—1938, В. И. Равдоникас, Н. Н. Гурина	Собственность автора
20	Мужчина с Сурского острова	неолит	Днепропетровская обл., Сурской о-в близ с. Волошское, погребение 2, закл. 3	1946—1947, Е. Ф. Лагодовская	1947, Киев, Институт археологии
21	Женщина с Сурского острова	неолит	Днепропетровская обл., Сурской о-в близ с. Волошское, погребение 2, закл. 2	1946—1947, Е. Ф. Лагодовская	1947, Киев, Институт археологии
22	Мужчина из Вальмы	неолит, к-ра ям. греб. керамики	Эстония, Вильяндинский р-н, с. Вальма	1954, Л. Ю. Янитс	1956, Таллин, Институт археологии, языка и литературы
23	Женщина из Красноярска	энеолит	Енисей, близ Красноярска	1955, З. Г. Глуская	1957, Красноярск, Исторический музей
24	Мужчина из Каравахи	неолит, каргопольская культура	Вологодская обл., Чарозерский р-н, д. Караваха, погребение 1	1938—1939, А. Я. Брюсов	1940, Москва, Государственный исторический музей (ГИМ)
25	Женщина из Каравахи	неолит, каргопольская культура	Вологодская обл., Чарозерский р-н, д. Караваха, погребение А	1946, А. Я. Брюсов	1947, Москва, ГИМ
26	Мужчина из Володар	волосовская культура	Горьковская обл., Володарский р-н, с. Володары, могильник 1	1946, И. К. Цветкова	1947, Москва, ГИМ
27	Женщина из Володар	волосовская культура	Горьковская обл., Володарский р-н, с. Володары, могильник 1	1946, И. К. Цветкова	1947, Москва, ГИМ
28	Мужчина из Панфилово	волосовская культура	Владимирская обл., Муромский р-н, с. Панфилово, погребение 2	1946, Е. И. Горюнова	1949, Москва, ГИМ
29	Женщина из Гавриловки	балахнинская культура	Горьковская обл., Дзержинский р-н, д. Гавриловка	1945—1946, И. К. Цветкова	1949, Москва, ГИМ
30	Мужчина из Арду	культура ладьевидных топоров	Эстония, Косекский р-н, д. Арду, погребение 2	1931, Х. А. Мора	1950, Таллин, Ин-т археологии, языка и литературы
31	Мужчина из «Шигирского торфяника»	шигирская культура	Свердловская обл., русло древней реки близ гор. Миасс	Неизвестно	1952, Н. Тагил, Истор. музей
32	Женщина из «Шигирского торфяника»	шигирская культура	Свердловская обл., Верх-Исетский прииск	Неизвестно	1951, Н. Тагил, Истор. музей

Приложение 1 (продолжение)

№ п/п	Название скульптуры	Датировка	Место находки	Год и автор раскопок	Дата выполнения реконструкции и место хранения
33	Мужчина из Бережновки	древнеямная	Волгоградская обл., село Бережновка, курган 5, погребение 20	1961, И. В. Синицын	1953, Саратов, Краеведческий музей
34	Мужчина из Бережновки	древнеямная культура	Волгоградская обл., село Бережновка, курган 5, погребение 22	1951, И. В. Синицын	1953, Саратов, Краеведческий музей
35	Женщина из Бережновки	катакомбная культура	Волгоградская обл., село Бережновка	1951, И. В. Синицын	там же
36	Мужчина из Аккермень I	»	Украина, совхоз Аккермень, курган 9, погребение 6	1951, А. И. Тереножкин	Киев, Ин-т археологии
37	Мужчина из Кузьминского могильника	фатьяновская культура	Московская обл., река Дубна, с. Кузьминки, погребение 1	1930, О. Н. Бадер	1960, Москва, Музей истор. и реконструкции Москвы
38	Мужчина из Баланова	фатьяновская культура	Чувашия, Козловский р-н, дер. Баланово, мог. 25, погребение 23	1937, О. Н. Бадер	1945, Москва, ГИМ
39	Мужчина из Тауш-Косы	абашевская культура	Чувашия, Цивильский р-н, д. Тауш-Косы, курган 5, погребение 1	1948, М. С. Акимов	1949, там же
40	Мужчина из Абашева	абашевская культура	Чувашия, Чебоксарский р-н, д. Абашево, курган 9, мог. 2	1945, О. А. Кривцова-Гракова	1946, там же
41	Мужчина из улуса Орак	андроновская культура	Минусинский край, улус Орак	1928, Г. П. Сосновский	1953, там же
42	Женщина из Мцхеты	XI в. до н. э.	Грузия, пос. Мцхета	1937, А. Н. Калантадзе	1946, Тбилиси, Историч. музей
43	Женщина из Мцхеты	XI в. до н. э.	»	1937, А. Н. Калантадзе	1946, Тбилиси, Историч. музей
44	Мужчина из плиточной могилы	Конец I тысячелетия	Забайкалье, улус Махой, мест. Херексуран-Уры, река Селенга	1947, А. П. Окладников	1947, Кяхта
45	Мужчина из кургана группы «Сирко»	V—VI вв. до н. э.	Украина, Никопольский р-н, с. Сумское, курган 2, погр. 2	1945, Б. Н. Граков	1945, Киев, Историч. музей
46	Женщина «амазонка»	VI—V вв. до н. э.	Грозненская обл., близ станции Нестеровская	1938, Е. И. Крупнов	1940, Нальчик, Краеведческий музей
47	Мужчина из Мцхеты	II—I вв. до н. э.	Грузия, пос. Мцхета	1939, А. Н. Калантадзе	1946, Тбилиси, Исторический музей
48	Мужчина из Мцхеты	II в. н. э.	»	»	там же
49	Женщина из Мцхеты	II в. н. э.	»	»	там же
50	Мужчина из Кенкола	I в. н. э.	Киргизия, Таласский р-н, р. Таласс	1938—1939, А. Н. Барнштам	1945, Фрунзе, Краеведческий музей
51	Мужчина из зороастрийского могильника	V в.	Киргизия, р. Таласс близ Сарыга	1936, А. Н. Барнштам	1945, Фрунзе, Краеведческий музей

Приложение 1 (продолжение)

№ п/п	Название скульптуры	Датировка	Место находки	Год и автор раскопок	Дата выполнения реконструкции и место хранения
52	Мужчина из Саркела (половец)	X—XII вв.	Каменская обл., ст. Цимлянская	1934—1935, М. И. Артамонов	1945, Ленинград, Музей антропологии и этнографии
53	Мужчина из Саркела (славянин)	X—XII вв.	Каменская обл., ст. Цимлянская	1934—1935, А. И. Артамонов	1945, собственность автора
54	Мужчина из Великого Болгара	X—XI вв.	Татарская АССР, Куйбышевский р-н, с. В. Болгары	1947, А. П. Смирнов	1948, Казань, Исторический музей
55	Женщина из вятичских захоронений	X—XI вв.	Московск. обл., Звенигородский р-н, город Звенигород	1929, А. В. Арциховский	1957, Москва, ГИМ
56	Мужчина из кривичских захоронений	X—XI вв.	Московск. обл., пос. Одинцово	1958, А. Г. Векслер	1959, Москва, Музей истории и реконструкции Москвы
57	Женщина из курганных захоронений	X—XI вв.	Карельская АССР, г. Петрозаводск, бассейн р. Ояти	1949—1950, А. М. Ливневский	1951, Петрозаводск, Историч. музей
58	Мужчина из курганных захоронений	X—XI вв.	там же	»	там же
59	Мужчина из курганных захоронений	XI—XII вв.	там же	»	там же
60	Мужчина-армянин из Великого Болгара	XIV в.	Татарская АССР, Куйбышевский р-н, с. В. Болгары	1939, А. П. Смирнов	1946, Казань, Историч. музей
61	Женщина-китайка из Великого Болгара	XIV в.	там же	»	там же
62	Мужчина с Алтая — «Господин Ак-Кюн»	VII в.	Алтай, Курайская степь, курган I	1935, С. В. Киселев	1946, Москва, ГИМ

Приложение 2

Скульптурные портреты исторических деятелей

Название	Дата реконструкции	Место хранения
1. Скилур—царь скифский, II в. до н.э.	1946	Бахчисарайский краеведческий музей
2. Рудаки—таджикский поэт, X в. н.э.	1957	г. Дюшамбе, Исторический музей
3. Ярослав Мудрый — великий князь Киевский, XI в. н. э.	1939	Москва, ГИМ
4. Андрей Боголюбский — князь Владимирский, XII в.	1939	Там же
5. Тимур — среднеазиатский полководец, XIV в.	1941	г. Ташкент, Академия наук Узбекской ССР
6. Шахрух — сын Тимура, XIV в.	1941	Там же
7. Улуг-бек—астроном, внук Тимура, XIV в.	1942	Там же
8. Рогач — вождь крестьянского движения, XVI в.	1951	г. Петрозаводск, Историч. музей
9. Великий Владыка—архиепископ Новгородский	1951	Собственность автора
10. Адмирал Ф. Ф. Ушаков	1945	Ленинград, Военно-морской музей
11. Мария Достоевская — мать писателя	1937	Собственность автора
12. П. П. Мельников—первый министр Николаевской ж. д.	1958	Ленинград, Железнодорожный музей
13. А. Я. Пархоменко—герой гражданской войны	1952	Москва, Музей Советской Армии

МУЗЕЙ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

Музей истории АН УзССР — одно из крупных культурно-просветительных и научно-исследовательских учреждений республики. Он занимает построенное в 1934 г. одноэтажное здание с семью залами, где находится постоянная экспозиция, созданная научным коллективом в 1948—1949 гг. Экспозиция состоит из отделов, посвященных истории и быту первобытного, рабовладельческого, феодального обществ, отдела истории Узбекистана после присоединения его к России и Советского отдела. В экспозициях Музея широко представлены археологические и этнографические материалы, вещественные реликвии и макеты. Кроме экспозиции, Музей имеет фондовые отделы: этнографический, нумизматический, археологический и исторический, располагающие свыше 100 тыс. музейных предметов, отвечающих его профилю.

Музей существует более 85 лет. Мысль о его создании была высказана еще в 1866 г. А. П. Федченко, который писал: «... для успешного развития здешнего края необходимо основательное с ним знакомство, и музей есть лучшее к этому средство». Проект организации музея в Ташкенте выдвинут в 1871 г. на заседании Туркестанского отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Большое участие в организации музея приняли В. Ф. Ошанин, Н. А. Маев, Д. Ю. Южаков и др.

В июле 1876 г. при Туркестанском статистическом комитете был открыт музей, объединявший коллекции химической лаборатории и школы шелководства, где имелся этнографический отдел, руководимый Н. А. Маевым.

Комплектование фондов Музея первоначально носило случайный характер, так как главным источником их пополнения были пожертвования. Экспонаты передавались Музею в дар как учреждениями, так и отдельными лицами. В 1889 г., например, местные жители подарили Музею письменные принадлежности, коллекции инструментов кузнечного и чугунолитейного производства, а в 1898 г. — превосходную коллекцию изделий местного седельного производства, в которой были представлены все стадии выделки одной из частей седла — леника. В комплектование фондов Музея вносились царская администрация края, прямо принуждавшая экспонировать ряд предметов и документов, «нужных», с ее точки зрения, для пропаганды военной мощи царизма.

Наиболее интересные материалы Музея экспонировались на выставках, устраиваемых не только в пределах Туркестанского края и Российской империи, но и за границей (в 1890 г. на Туркестанской сельскохозяйственной выставке, в том же году — на Среднеазиатской выставке в Москве, в 1901 г. — на Парижской выставке, в 1904 г. — на выставке в Сан-Луи (США)).

После Великой Октябрьской социалистической революции коренным образом изменился характер деятельности ташкентского Музея. Была организована научно-исследовательская работа, отпущены средства для приобретения экспонатов. Деятельность Музея стала развиваться в плановом порядке. Резко увеличился приток дарений, что объяснялось растущим интересом к Музею среди населения. Так, в 1923 г. весьма значительная коллекция этнографических предметов была передана Музею Досмухамедовым. Но уже с 1922—1923 гг. в основу сбора материалов легла экспедиционная работа. Эта форма была наилучшим способом пополнения фондов и способствовала активному изучению края.

В 1922—1930 гг. Музей провел около 30 крупных экспедиций, в результате которых собраны огромные коллекции. Особое значение имели этнографические экспедиции, тесно связанные с именем известного ученого-этнографа М. С. Андреева, работавшего в Музее долгие годы в качестве заведующего этнографическим отделом. Экспедиции собирали предметы старого быта, ушедшего в прошлое. Наиболее значительными были поездки М. С. Андреева и Е. М. Пещеревой в Таджикистан, в районы Матчи, Пянджикента, Каратегина, Дарваза, Рушана и Шугнана в 1924—1925 гг. Были собраны предметы домашнего обихода, обувь, деревянные и железные изделия, вышивки и одежда горных таджиков.

В эти же годы под руководством М. С. Андреева и участием Е. М. Пещеревой и фотографа В. О. Вырвинского проводилась экспедиция в Ура-Тюбе для сбора керамических изделий. В результате в Музей поступила коллекция керамических изделий, изготовленных в Риштане, Коканде, Исфаре, Чусте, Канибадаме, Ходженте и Ура-Тюбе в количестве 330 предметов. В коллекции имеются «косы» — чашки различных форм, «ляганы» — плоские блюда, «хурмача» — высокие сосуды в форме срезанного конуса, «гульдан» — вазы для цветов, «обдаста» — рукомойки, «сиёхдон» — чернильницы, «чирокдон» — светильники, «тогара» — большие чаши для замешивания теста и т. д. Участники экспедиции путем опроса стариков впервые установили имена мастеров и даты изготовления указанных предметов.

Интересные материалы дала экспедиция М. С. Андреева и Е. М. Пещеревой в 1927 г. в верховья Зеравшана (Горный Таджикистан), где были собраны предметы быта ягнобцев.

В 1929—1930 гг. М. С. Андреевым и сотрудницей Музея С. П. Русяйкиной собрано большое количество (143 предмета) этнографических материалов, относящихся к узбекско-локайцам Таджикистана: предметы украшения, утварь, музыкальные инструменты, ковровые изделия, части мужской и женской одежды и т. д.

Сотрудник Музея Турды Миргиязов в 1927 г. собрал в районах Шортюбе, Кара-Кундуз Казахской ССР и в городах Фрунзе и Токмак Киргизской ССР ценнейшую кол-

лекцию дунганских вещей (одежда, украшения, постельные принадлежности, домашняя утварь, куклы). Вторая поездка к дунганам Токмака в 1940 г. позволила пополнить коллекцию новыми вещевыми и иллюстративными материалами. В том же году дунганская коллекция демонстрировалась в одном из залов Музея. К сожалению, до сих пор эта весьма интересная коллекция не подверглась научной обработке и ждет своего исследователя.

В Музее хранится большая коллекция ковров и ковровых изделий, собранных как до революции (73 шт.), так и в советское время (263 шт.). Это — ковры из разных районов Средней Азии: Мервского, Пендинского, Ахал-Текинского, Геок-Тепинского, Керкинского, Кызыл-Аякского, Ташаузского, Хивинского, Нуратинского, Булунгурского, Джумабазарского, Ферганского и др. В 1929 г. в Турткульском, Караузякском и Чимбайском районах Кара-Калпакской АССР А. Л. Мелковым были собраны предметы быта и кустарной промышленности каракалпаков: образцы хлопчатобумажных тканей, части мужской и женской одежды, украшения и ковровые изделия.

В 1928 г. Музей организовал этнографическую экспедицию в Хавасский район для сбора материалов о жизни и быте полукочевых узбеков этого района. Участники экспедиции собрали образцы одежды, вышивки, игрушки, женские украшения, предметы утвари, музыкальные инструменты, фотоиллюстрации.

В 1927—1928 гг. сотрудник Музея Амитин-Шапиро собрал этнографические материалы по быту местных евреев-яхудий в Бухаре, Самарканде и Ташкенте; в числе их имеются образцы женской и мужской одежды разных возрастов, предметы утвари, украшения, браслеты, серебряные амулеты.

В Музее хранится огромное количество ювелирных изделий, изготовленных хорезмскими мастерами из серебра с позолотой, бирюзой и сердоликом. В этой коллекции имеется богатая конская сбруя, украшенная серебряными бляшками, и холодное оружие — кинжалы и сабли.

С 1927 г. этнографический отдел Музея проводил стационарный сбор предметов быта узбеков в г. Ташкенте и Ташкентской области.

Фонды Музея росли также за счет отдельных выставок. Так, в 1923 г. была получена часть экспонатов «Постоянной выставки изделий кустарной промышленности Туркестана», в 1925 г. — сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки в Москве: около 500 экспонатов пошли на пополнение отделов Музея — части одежды, обуви, образцы тканей, ковры, вышивки, домашняя утварь, медная и железная посуда, сельскохозяйственные орудия, инструменты кустарного ремесла, ювелирные изделия и многие другие.

В конце 1943 г. Музей истории УзССР был включен в систему Академии наук Узбекской ССР. Это позволило значительно улучшить условия научно-исследовательской работы и облегчить концентрацию в Музее археологических, этнографических и исторических материалов.

Просмотр коллекционных описей этнографических предметов Музея показал все же значительную скудость и неполноту предметов одежды и быта по тем или иным группам узбеков или других народов Средней Азии. Отсутствовали предметы одежды населения Ферганской долины как прошлого, так и настоящего времени. Учитывая этот пробел, в 1955—1956 гг. этнографом Р. Якубовой в Ташлакском районе Ферганской области был организован сбор предметов одежды, сделаны ценные полевые записи и большое число фотографий по быту колхозного крестьянства. В 1957 г. Р. Якубовой была собрана хорошая коллекция предметов одежды узбеков Шахрисябзского района Сурхан-Дарьинской области.

В 1959 г. для пополнения имеющегося пробела в этнографическом фонде была организована экспедиция в составе четырех научных сотрудников Музея по Самаркандской, Бухарской и Ташкентской областям. Участники экспедиции, побывав в Бухаре, Самарканде, Шахрисябзе, Гиждуване, Вабкенте и Пскенте, собрали около ста экземпляров хорошо аннотированных музейных предметов: образцы бухарского золотого шитья, одежды, вышивки, женские украшения, фарфоровые изделия, изготовленные специально для Средней Азии в России и характерные для дореволюционного времени. В том же году в этнографический фонд Музея поступили коллекции одежды ташкентских узбеков, образцы продукции Маргеланского шелкоматального комбината, некоторые части гончарного станка (гончарный круг) и т. д.

В 1960—1961 гг. Музей пополнял образцами ташкентских и пскентских вышивок, одежды дореволюционного и советского периодов, музыкальных инструментов, продукции Ташкентского фарфорового завода и фабрики при Узхудожествпроме, всего более 500 предметов.

В 1961 г. научными сотрудниками Музея собраны в Сары-Ассийском и Денауском районах Сурхан-Дарьинской области образцы вышивок и ювелирных изделий, а также фольклорные материалы кунградов, дурменов, чигатаев и юзов.

Научная обработка ценных коллекций Музея, в частности этнографических, задерживается из-за недостатка в его штатах квалифицированных этнографов и должного внимания республиканских историков и этнографов к Музею.

Т. Файзиев

PERSONALIA

ЮБИЛЕЙ ПРОФЕССОРА В. В. БУНАКА

23 сентября 1961 года исполнилось 70 лет со дня рождения одного из старейших советских антропологов, доктора биологических наук профессора Виктора Валериановича Бунака.

Эта дата совпала с 45-летием его научной и педагогической работы. Многогранность и широта научных интересов, огромная эрудиция, разнообразие выполненных исследований прежде всего бросаются в глаза при ознакомлении с кипучей деятельностью юбиляра. Кажется, нет темы в антропологии, которой не коснулся бы в своих работах Виктор Валерианович.

После окончания в 1912 г. естественного отделения физико-математического факультета Московского университета, Виктор Валерианович — один из ближайших учеников Д. Н. Анучина — был оставлен при существовавшей тогда кафедре географии и антропологии для подготовки к профессорскому званию. Когда в 1919 г. была основана самостоятельная кафедра антропологии, В. В. Бунак стал одним из первых ее преподавателей. Своими курсами лекций он положил начало той системе антропологического образования в Московском университете, которая создала заслуженную славу Московской антропологической школе. После смерти Д. Н. Анучина в 1924 г. Виктор Валерианович стал его преемником по кафедре и по Институту антропологии, основанному в 1922 г.

Деятельности Виктора Валериановича Бунака в Московском университете наша наука обязана созданием ряда новых направлений в антропологических исследованиях, в первую очередь разработкой учения о морфологии человека и широким применением его теоретических положений в практике.

С 1943 г. деятельность В. В. Бунака протекает в Институте этнографии Академии наук СССР. Здесь им был выполнен ряд капитальных работ в различных областях антропологии, работ, вошедших в золотой фонд нашей науки.

Можно смело сказать, что развитие советской антропологии на всех ее этапах неразрывно связано с деятельностью Виктора Валериановича.

В области морфологии человека Виктор Валерианович начал с разработки методических вопросов и фактически перестроил методику антропометрических исследований на широкой биологической базе. Собранные по этой методике материалы легли в основу капитальных трудов В. В. Бунака по конституции, физическому развитию, пропорциям тела, мерологии. Эти исследования, выполненные более двадцати лет тому назад, и сейчас сохраняют свое выдающееся научное значение. Особо следует отметить исследования юбиляра по закономерности роста у человека, которые он ведет до сих пор и которые обогатили науку об изменчивости большим количеством новых представлений и фактов.

Много и плодотворно профессор Бунак работал в области расоведения. Им созданы и теоретические исследования, касающиеся понятия расы у человека, и статьи по систематике рас, и конкретные исследования по антропологии отдельных народов. Виктор Валерианович лично проводил полевые исследования среди мордвы и марийцев, среди русских, украинцев, белорусов, народов Кавказа и других. Его капитальный труд «Сгагіа Арменіса», вышедший в 1926 г., открыл серию его публикаций по краниологии. Помимо большого фактического материала, работы Виктора Валериановича представляют огромный интерес, как образец творческого и вдумчивого подхода к антропологическому материалу, как постоянные поиски новых методов анализа и интерпретации антропологических данных.

Труды профессора Бунака в области антропогенеза так же, как и другие его работы, отражают любовь юбиляра к исследованию конкретного материала, соединенную с замечательной способностью к широкому обобщению. Его статьи по биомеханике черепа у обезьян, описание эндокрана ребенка из пещеры Тешик-Таш, исследование по эволюции стопы у предков человека и многие другие подготовили стройную концепцию антропогенеза, развернутую юбиляром в его фундаментальной монографии

«Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас» и в трудах, посвященных проблемам происхождения мышления и речи.

Ведя интенсивнейшую научную работу, профессор Виктор Валерианович Бунак всегда принимал активное участие в подготовке кадров антропологов в нашей стране. Виктор Валерианович является учителем подавляющего большинства советских антропологов старшего поколения. Более молодые антропологи — ученики его учеников, также находят у него всегда совет и поддержку.

24 октября 1961 г. состоялось совместное заседание Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, Института антропологии МГУ и Московского общества испытателей природы, посвященное чествованию юбиляра. Заседание открыл директор Института этнографии АН СССР член-корреспондент АН СССР С. П. Толстов, кратко охарактеризовавший многогранную деятельность В. В. Бунака.

С докладом «Современное состояние и очередные задачи советской антропологии» выступил юбиляр. На современном этапе развития науки роль и значение антропологических дисциплин, подчеркнул докладчик, особенно возросла. Новые задачи, стоящие перед антропологической наукой, требуют развития ряда новых направлений, ее методического и технического перевооружения. В. В. Бунак остановился на состоянии важнейших проблем в области морфологии человека, антропогенеза и расоведения.

На заседании было оглашено приветствие юбиляру от вице-президента АН СССР академика А. В. Топчиева. С поздравлениями выступили представители многочисленных научных учреждений и обществ Москвы и других научных центров страны. Были оглашены адреса от Института этнографии, Института антропологии, от Общества испытателей природы — секции антропологии, от Кафедры антропологии МГУ, от Всесоюзного и Московского общества анатомов, гистологов и эмбриологов, Сухумского института экспериментальной патологии АМН, от антропологов и врачей, работающих в различных медицинских учреждениях в области возрастной морфологии и физического развития, от сотрудников Института искусств, этнографии, фольклора Академии наук Белорусской ССР, от Ленинградского отделения института этнографии АН СССР, от Крымского общества анатомов, гистологов и эмбриологов, от Кафедры Тимирязевской сельскохозяйственной Академии, от Института физического воспитания и школьной гигиены, от Лаборатории функциональной морфологии, от кафедры анатомов Центрального института физической культуры, от украинских антропологов, Института экспериментальной морфологии им. Натишвили АН Грузинской ССР, Государственного дарвиновского музея.

Юбиларом было получено большое число приветственных писем и телеграмм, которые были оглашены на заседании.

Свое семидесятилетие Виктор Валерианович Бунак встречает в полном расцвете своих сил. Все, кто являются свидетелями его деятельности сейчас, отдают должное его кипучей энергии, его неистощимой инициативе, его постоянным поискам нового в науке. Редакция и авторский коллектив журнала «Советская этнография» поздравляет юбиляра и желает ему здоровья и дальнейших успехов на благо нашей советской науки.

В. М. ЖИРМУНСКИЙ КАК ФОЛЬКЛОРИСТ

(К 70-летию со дня рождения)

Исполнилось 70 лет со дня рождения выдающегося советского ученого-филолога члена-корреспондента Академии наук СССР Виктора Максимовича Жирмунского.

Его научная деятельность отличается исключительной многогранностью и размахом. Теория литературы (общие вопросы, поэтика, теория жанров, стихосложение и др.), история литератур Запада и Востока, русская литература, фольклор, этнография, языкознание — таков круг постоянных и самых глубоких интересов ученого¹.

Одно из самых значительных мест в трудах Виктора Максимовича занимают работы по народному поэтическому творчеству. В. М. Жирмунский внес ценный вклад в изучение наиболее существенных и сложных проблем современной фольклористики. В исследовании народного поэтического творчества он прошел вместе с советской наукой сложный путь методологических исканий, критического пересмотра ранее сделанного. В своих фольклористических работах, основная часть которых падает на последнее двадцатилетие, В. М. Жирмунский исходит из завоеванного советской наукой марксистско-ленинского понимания сущности и природы фольклора. Фольклор для него — это творчество народных масс, «не только исходная ступень в историческом развитии всей мировой литературы, но живой источник художественно-совершенных образов, из которого неизменно черпала литература в периоды своего высшего расцвета и подлинно всенародного звучания»². Такое понимание фольклора определяет направление и характер исследований В. М. Жирмунского, придает им особую методологическую убедительность и исключительную целеустремленность.

Своими трудами В. М. Жирмунский немало способствовал развитию современной фольклористики. Ему принадлежат, в частности, ценные работы, посвященные проблемам марксистской методики сравнительно-исторического изучения фольклора. Представители буржуазной компаративистики сводили свои задачи к формалистическому и эмпирическому сопоставлению фактов фольклора и литературы на основе наличия между ними внешнего, часто случайного, а иногда и вовсе мнимого сходства, объясняли такое сходство механически понимаемыми «влияниями» и «заимствованиями». Факты рассматривались вне их исторической связи и обусловленности.

Советская наука раскрыла методологическую несостоятельность и научную бесперспективность так называемого сравнительного метода в фольклористике. В. М. Жирмунский, сделавший очень много для критики компаративизма, работы последних лет посвятил подробному рассмотрению теоретических основ и принципов сравнительно-исторической методики в современной фольклористике. Он подробно обосновал важность и плодотворность сравнения как методического приема историко-литературного и историко-фольклорного исследования. Основные положения, сформулированные ученым, имеют большую теоретическую и практическую ценность.

«При сравнительно-историческом изучении фольклора, — пишет он, — необходимо выделить следующие различные, хотя и взаимосвязанные задачи, смешение которых нередко приводит к существенным недоразумениям и ошибкам:

а) сравнение историко-генетическое, рассматривающее сходство между явлениями как результат их родства и последующих исторически обусловленных расхождений в их дальнейшем развитии;

¹ Подробная характеристика научной и общественной деятельности В. М. Жирмунского как филолога дана в статьях: П. Берков, Виктор Максимович Жирмунский как литературовед (к 70-летию со дня рождения), «Русская литература», 1961, № 3; Е. М. Мелетинский и В. Н. Ярцева, Виктор Максимович Жирмунский (к 70-летию со дня рождения), «Изв. АН СССР. Отделение литературы и языка», т. XX, 1961, вып. 4.

² В. М. Жирмунский, К вопросу о народном творчестве, «Ученые записки Ленинградского пединститута им. А. И. Герцена», кн. 67, Кафедра русской литературы. Л., 1948, стр. 23.

б) сравнение, устанавливающее международные культурные взаимодействия, «влияния» и «заимствования», или «сотворчество», обусловленное историей, близостью данных народов и предпосылками их общественного развития;

в) сравнение историко-типологическое, объясняющее сходство генетически между собой не связанных явлений сходными условиями общественного развития»³.

В работах последних лет В. М. Жирмунский с блеском применил эти принципы к изучению эпоса ряда народов. В известной степени итоговым является обширное исследование В. М. Жирмунского «Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса» — доклад для IV Международного съезда славистов в Москве (М., 1958). Здесь систематизирован и просмотрен под углом зрения современных принципов сравнительно-исторической методики обширный материал из области славянского фольклора (героический эпос, баллады и другие жанры). Доклад В. М. Жирмунского выдвигает перед современными историками славянской народной поэзии, в том числе русской, немало конкретных задач по глубокому изучению фактов сходства, исторической и генетической общности, взаимодействия в различных видах фольклора славян. Теперь трудно оспорить тот факт, что разрешить целый ряд больших историко-фольклорных проблем, связанных с различными жанрами, возможно лишь на базе марксистско-ленинского сравнительно-исторического изучения.

Труды В. М. Жирмунского показывают, каких плодотворных результатов может добиться исследователь, когда он вооружен передовой методикой такого изучения и умеет применять ее творчески, учитывая всю диалектическую сложность явлений, своеобразие (а то и просто неповторимость) процессов, совершающихся в фольклоре отдельных народов⁴.

Исключительную ценность имеют многочисленные труды В. М. Жирмунского по истории эпического творчества различных народов, в своей совокупности составляющие крупный вклад в современную мировую науку. Следует подчеркнуть методологическую важность и плодотворность общих исходных позиций исследователя в подходе его к сложнейшим проблемам эпоса, который он рассматривает в тесной связи с историей и бытом народа. «Эпос — это живое прошлое народа в масштабах героической идеализации. Отсюда его научная, историческая ценность и в то же время его большое общественное, культурно-воспитательное значение для нашего времени»⁵. «Эпос должен... изучаться прежде всего на той национально-исторической почве, где он сложился. Его идейно-художественное содержание объясняется конкретными условиями многовекового исторического развития народа, его создателя и носителя, особенностями общественных отношений и исторически сложившегося национального характера, народного быта, традиций и верований»⁶. Отсюда, в частности, требование, неоднократно высказываемое В. М. Жирмунским, о необходимости строго объективного, исторического подхода к эпическим памятникам как при их научном изучении, так и при изданиях, переводах, популяризации и т. д. В. М. Жирмунский последовательно выступает против произвола в изданиях памятников эпоса, против попыток ненужной модернизации их содержания, против искусственного и, в сущности, антиисторического придания эпическим героям черт современного народного героя. Вместе с тем В. М. Жирмунский неоднократно выдвигал условие (которому и сам строго следовал) — изучать эпические памятники во всей сложности и противоречивости их идейного содержания, не закрывая глаз ни на историческую ограниченность выраженного в эпосе народного мировоззрения, ни на факты проникновения в эпос взглядов, характерных для господствующих феодальных верхов.

Труды В. М. Жирмунского — пример научного подхода к эпосу с учетом всей сложности его истории, его места и значения в жизни народа на разных исторических этапах, ясного понимания ценности эпического наследия для социалистической культуры.

Чрезвычайно плодотворны и другие методологические принципы, которым следует В. М. Жирмунский в своих работах последнего времени об эпосе. С одной стороны, эпические произведения имеют ярко выраженное национальное своеобразие, отражающее особенности исторической жизни, быта, культуры и идеологии данного народа; с другой стороны, народный эпос характеризуется общими закономерностями исторического развития. Многие эпические произведения получили широкое распространение

³ «Проблемы изучения народно-поэтического творчества (Материалы по изучению проблемы», «Изв. Академии наук СССР, Отделение языка и литературы», т. XVIII, 1959, вып. 6, стр. 485.

⁴ Проблемам сравнительно-исторического изучения посвящены также следующие теоретические работы В. М. Жирмунского: «О сравнительно-историческом изучении фольклора», Автореферат доклада на Всесоюзном совещании фольклористов в Ленинграде в 1958 г. (Сб. «Актуальные проблемы современной фольклористики», Л., 1958); «Проблемы сравнительно-исторического изучения литератур» («Изв. Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», т. XIX, 1960, вып. 3); «Сравнительное изучение героического эпоса народов Средней Азии» (Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов, М., 1960) и др.

⁵ В. М. Жирмунский, Некоторые итоги изучения героического эпоса народов Средней Азии, Сб. «Вопросы изучения эпоса народов СССР», М., 1958, стр. 24.

⁶ Там же, стр. 36.

среди разнородных и разноречивых народов, связанных между собою территориальной близостью, общностью исторических судеб и культурным взаимодействием, и каждый из этих народов наложил на это общее наследие свой особый отпечаток. Поэтому при изучении фольклора необходимо соблюдать один важный методологический принцип: «для восстановления многовековой истории произведения народного эпического творчества,— пишет В. М. Жирмунский,— сохранившегося в... богатой и древней устной поэтической традиции, и для научного анализа отложившихся в нем наслоений народов и веков необходимо сравнительно-историческое изучение всех его вариантов и версий»⁷. Другой столь же важный принцип: «Эпос живой, еще поющий-ся и даже развивающийся в устной народной традиции... может служить ключом к пониманию эпоса античного и западноевропейского, дошедшего до нас только в классических письменных памятниках, в большей или меньшей степени литературно обработанных»⁸. Этим объясняется особо пристальное внимание исследователя к богатейшему эпосу народов нашей страны, в первую очередь — к эпосу народов Средней Азии; изучение его, по словам В. М. Жирмунского, «стало в настоящее время важнейшим ключом для исследования общей исторической проблемы становления и развития героического эпоса»⁹. Само же это изучение должно основываться «на прочном фундаменте проверенных текстов, представляющих каждый сюжет в ряде вариантов»¹⁰.

Трудно переоценить роль В. М. Жирмунского в изучении, истолковании и пропаганде героического эпоса народов советской Средней Азии. Он выступает не только как неутомимый исследователь эпического творчества народов советского Востока, но и как ученый-организатор, неприменный и активный участник научных совещаний по эпосу, консультант и редактор, воспитатель национальных кадров собирателей и исследователей эпоса. Продолжая и углубляя традиции старой русской науки, В. М. Жирмунский своими исследованиями и своей многогранной научно-общественной деятельностью внес большой вклад в культуру советских республик Средней Азии.

Результаты исследований по эпосу народов Средней Азии обобщены В. М. Жирмунским в ряде докладов, статей, книг. Можно назвать здесь написанную совместно с Х. Т. Зарифовым книгу «Узбекский народный героический эпос» (1947), большое исследование о киргизском эпосе «Введение в изучение эпоса „Манас“» в сборнике «Киргизский героический эпос „Манас“» (1961). Особенно значителен труд В. М. Жирмунского «Сказание об Алпамыше и богатырская сказка» (1959) — как по конкретным выводам, относящимся к одному из замечательных образцов эпоса ряда народов, так и по более широким обобщениям, захватывающим коренные вопросы генезиса и исторических закономерностей развития народного героического эпоса вообще. В этой книге В. М. Жирмунский успешно применил методику сравнительно-исторического изучения к материалу, который был известен в разноречивых версиях и нескольких жанровых разновидностях, во множестве вариантов, записанных в различных районах и от разных сказителей и сказительских школ. Строгость в подходе к фактам, полный учет материала и тщательный текстологический анализ обеспечили автору надежность исследования и филологическую убедительность выводов и дали возможность установить этапы формирования и развития эпоса об Алпамыше. Отправляясь от наблюдений над этим сказанием, В. М. Жирмунский пришел к выводам, имеющим важное значение для теории народного эпоса вообще,— о возможности трансформации древней богатырской сказки в героическую эпопею. Исследователи ряда эпических памятников, в том числе и славянских, и западноевропейских, не могут не считаться с этими выводами.

В связи с изучением сказания об Алпамыше В. М. Жирмунский заново рассмотрел международный сюжет «Муж на свадьбе своей жены» в его многочисленных национальных вариациях и в различных жанровых выражениях. Сопоставление разнообразных версий этого сюжета привело В. М. Жирмунского к обнаружению генетической связи «Алпамыша» и «Одиссея» и позволило ему выдвинуть убедительную гипотезу о том, что оба произведения имели, вероятно, своим источником общий «восточный» (героический) вариант древнего сказочного сюжета, существовавший по крайней мере уже к VII в. до н. э., а также высказать соображения относительно возникновения западных версий «возвращения мужа». Эта часть исследования В. М. Жирмунского имеет принципиальное значение для изучения проблем взаимодействия фольклора разных народов.

В своих исследованиях, особенно в работах последнего времени, посвященных генезису и истории эпических сюжетов, мотивов и образов, проблемам их общности и

⁷ В. М. Жирмунский, Эпическое сказание об Алпамыше и «Одиссея» Гомера, «Изв. Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», т. XVI, 1957, вып. 2, стр. 98—99.

⁸ В. М. Жирмунский, Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса, М., 1958, стр. 3.

⁹ В. М. Жирмунский, Эпическое сказание об Алпамыше и «Одиссея» Гомера, стр. 98.

¹⁰ В. М. Жирмунский, Некоторые итоги изучения героического эпоса народов Средней Азии, стр. 35.

взаимосвязей, В. М. Жирмунский стремится к выяснению конкретно-исторической обусловленности процессов, совершающихся в фольклоре. Ему принадлежит подробное, построенное на анализе очень обширного материала обоснование важного тезиса о том, что «черты сходства между героическим эпосом разных народов имеют почти всегда типологический характер»¹¹. В связи с этим В. М. Жирмунский исследует связь эпоса в целом и его различных элементов с исторической действительностью, с социальными и бытовыми институтами определенных эпох, объясняя целый ряд сходных явлений в эпосе при помощи данных этнографии. В свою очередь работы В. М. Жирмунского содержат ценный материал для историков и этнографов, помогая более глубоко проникнуть в особенности развития культуры народов в далеком прошлом и в современности.

Труды В. М. Жирмунского, посвященные эпическому творчеству, составляют вклад советского ученого в мировую науку и открывают новые широкие возможности для дальнейшей разработки проблем генезиса и исторического развития народного эпоса. Исследователя привлекало и изучение германского и карело-финского эпоса. Следует вспомнить статью «„Калевала“ и финская буржуазная фольклористика» в сборнике «Сто лет полного издания „Калевалы“» (1950), в которой дана развернутая и хорошо аргументированная критика ошибок и заблуждений буржуазных исследователей «Калевалы» и поставлены важные проблемы исторического изучения карело-финского эпоса, а также вступительную статью и примечания к переводу книги известного немецкого ученого Андреаса Хойслера «Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах», вышедшему под редакцией В. М. Жирмунского в 1960 г., где история изучения германского эпоса рассмотрена им в свете современных проблем теории и истории эпического творчества.

Являясь крупнейшим специалистом в области германской филологии, В. М. Жирмунский в последнее время дал советскому читателю две образцово подготовленные книги: издание избранных сочинений И. Г. Гердера (1959) с превосходной вводной статьей, впервые в советской науке так глубоко раскрывающей его значение, и издание, посвященное легенде о докторе Фаусте (1958) в серии «Литературные памятники». Последняя работа имеет особое значение для проблемы отношений фольклора и литературы; один из ее аспектов — выяснение того, как «коллективное творчество народных масс на разных ступенях развития предания (о докторе Фаусте.— Б. П.) вступает в сложное взаимодействие с индивидуальным художественным творчеством»¹².

В. М. Жирмунский большое внимание уделяет истории русской дореволюционной и советской фольклористики, а также фольклористики народов СССР. Многие сделали им для уяснения значения трудов А. Н. Веселовского, особенно его «Исторической поэтики», для современного осмысления фольклористических трудов В. В. Радлова, В. В. Бартольда, Ч. Валиханова и др., для определения значения так называемой русской школы в фольклористике. Содержательное введение к книге М. К. Азадовского «История русской фольклористики» (1958) по своему содержанию выходит далеко за пределы биографического очерка об известном советском ученом.

В. М. Жирмунский является выдающимся представителем советской науки, ученым-патриотом, отдающим свои знания и кипучую энергию развитию многонациональной советской культуры.

Б. Н. Путилов

¹¹ В. М. Жирмунский, Эпическое творчество славянских народов..., стр. 144---145.

¹² «Легенда о докторе Фаусте», издание подготовлено В. М. Жирмунским..., серия «Литературные памятники», М.—Л., 1958, стр. 6.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НАРОДЫ СССР

Л. Н. Терентьева. *Колхозное крестьянство Латвии (Историко-этнографическая монография по материалам колхозов Екабпилсского района Латвийской ССР)*. Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, нов. серия, т. LIX, М., 1960, 370 стр.

Монография Л. Н. Терентьевой «Колхозное крестьянство Латвии» посвящена одному из важнейших вопросов современности — изучению процессов, происходящих в сознании и быте колхозного крестьянства Советской Латвии. Исследование этой проблемы особенно актуально для Латвии, не так давно вступившей на путь строительства социализма. Здесь наиболее ярко прослеживаются как черты формирования нового социалистического сознания, изменения быта, материальной и духовной культуры, так и некоторые вредные пережитки прошлого, борьба с которыми является первостепенной задачей в наши дни.

Научная значимость монографии возрастает в связи с тем, что это первый обобщающий труд, посвященный изучению культуры и быта колхозного крестьянства Латвии.

Книга «Колхозное крестьянство Латвии» является результатом большой исследовательской работы Л. Н. Терентьевой. Автор поставил перед собой сложную задачу — показать процесс преобразования культуры и быта крестьянства Латвии под влиянием колхозного строя.

Монография написана на обширном фактическом этнографическом материале, основная часть которого собрана Л. Н. Терентьевой в исследуемом районе и публикуется впервые.

Ею использованы также данные архивов и музеев, литературных источников, в том числе советской периодической печати.

Монография как бы делится на две части: в первой — рассматриваются культура и быт крестьянства Екабпилсского уезда в период царского самодержавия и буржуазной диктатуры в Латвии, вторая — посвящена изучению изменений, происходящих в жизни трудящихся Латвии в период строительства социализма. В первой главе автор ставит перед собой задачу проследить положение различных социальных слоев крестьянства Екабпилсского уезда в период бурного развития капитализма. На основе анализа социально-экономического развития крестьян Екабпилсского уезда во второй половине XIX — начале XX в., изучения их материальной культуры (поселений, жилища, пищи, одежды) и семейного быта Л. Н. Терентьева приходит к выводу, что социальная дифференциация привела к существенным различиям в образе жизни и культурном уровне различных слоев крестьянства.

Во второй главе автор показал борьбу трудящихся за Советскую власть и ее первые мероприятия по улучшению материального и культурного положения трудящихся. Латышской буржуазии при поддержке международной контрреволюции удалось задушить молодую Советскую республику, и в Латвии была установлена буржуазная диктатура. Автор сумел показать, как буржуазное правительство Латвии при проведении земельной реформы создало себе опору в лице усилившейся кулацкой прослойки деревни. Л. Н. Терентьева разоблачила миф о классовом мире и единстве интересов всего крестьянства в буржуазной Латвии, показав, что противоречия между безземельными, составлявшими подавляющее большинство сельского населения, и небольшой кучкой сельской буржуазии в этот период еще больше обострились. На основе анализа конкретного материала по Екабпилсскому уезду автор приходит к выводу, что различия в материальной культуре различных социальных слоев крестьянства, наметившиеся во второй половине XIX и начале XX в., в этот период еще более усилились. Быт сельской буржуазии все более приближается к быту городской буржуазии, что находит свое проявление в устройстве жилища, в пище и одежде, в то время как сельский пролетариат все более и более разоряется. Автор показал, что господство частной собственности разлагающе влияло на семейные отношения и усиливало неравноправное

положение отдельных членов семьи. Определяющим фактором во взаимоотношениях членов крестьянской семьи все более становится расчет, оказывающий решающее влияние на взаимоотношения родственников. Браки все чаще заключались между людьми одной социальной прослойки.

Однако, несмотря на постоянное преследование и террор, передовая часть крестьянства и интеллигенция вела в подполье непрекращающуюся борьбу за восстановление Советской власти. На фоне того исторического экскурса о тяжелом положении крестьян Екабпилсского района в условиях капитализма, который дает автор, особенно наглядными становятся изменения, происшедшие в экономике и быту колхозников этого района в наши дни. После установления Советской власти в Латвии жизнь крестьянства строится на новых, социалистических началах. Коллективизация сельского хозяйства и оснащение колхозов передовой современной техникой открыли широкую дорогу для зажиточной и культурной жизни всех трудящихся села. Из года в год увеличиваются доходы колхозов и растет материальное благосостояние колхозников. Постановления ЦК КПСС и Советского правительства способствуют дальнейшему развитию экономики сельского хозяйства и стиранию граней между бытом трудящихся города и деревни. Колхозный строй в корне изменил сознание и быт крестьянства. Л. Н. Терентьева проследила, как на базе новых экономических и общественных отношений изменился культурный облик латышской деревни. В работе показан сложный процесс социалистического строительства и влияние его на изменение сознания бывшего единоличника-крестьянина. Новые черты в сознании колхозников проявляются в отношении к труду и общественной собственности, а также в быту. Показ автором изменений в сознании крестьянства под влиянием колхозного строя в Латвии имеет большое значение в период постепенного перехода от социализма к коммунизму.

Несмотря на большое значение монографии Л. Н. Терентьевой в целом, необходимо отметить ряд неточностей и недостатков. Для лучшего отражения содержания работы автору следовало бы уточнить название монографии, так как приводимый в монографии материал охватывает только колхозы Екабпилсского района. Вызывает возражение структура работы. Для того чтобы показать достижения в быту и культуре колхозного крестьянства, необходим исторический экскурс, однако материал, относящийся к прошлому, занимает слишком большое место в работе: 200 страниц из 365.

Рассматривая крестьянские хозяйства в период буржуазной Латвии, автор неправильно разграничивает кулацкие и капиталистические хозяйства, так как в период империализма кулацкие хозяйства по существу своему были капиталистическими (стр. 127—128).

При характеристике ухудшения положения сельскохозяйственных рабочих в буржуазной Латвии (стр. 132) было бы желательно дать конкретные цифры снижения зарплат. Говоря о занятиях населения Екабпилсского уезда в прошлом, автору необходимо было бы больше акцентировать внимание на особенностях быта населения прибрежной полосы Даугавы, занимавшегося рыболовством и сплавом леса. В монографии же лишь констатирован факт существования этих промыслов, но отличие быта этих групп населения от быта населения, занимающегося только сельским хозяйством, не показано. Характеризуя обстановку, в которой проходил процесс коллективизации в Латвии, автору следовало бы больше уделить внимания отношению к нему различных социальных слоев крестьянства.

В ряде случаев Л. Н. Терентьева для объяснения выдвигаемых положений о развитии внутрисемейных отношений в буржуазной Латвии и раньше приводит примеры, встречающиеся в крестьянской среде очень редко. Поэтому эти примеры не дают правильного отражения жизни крестьянства в целом. Например, приводимый на стр. 171 факт ухода крупного усадьбовладельца Грекериса в примаки после продажи им собственной усадьбы можно отнести к фактам исключительно редким. К таким же примерам можно отнести и случай с батрачкой, трижды выходившей замуж за престарелых дворохозяев с целью обеспечить свое положение (стр. 308).

К неудачным примерам можно отнести также украшение невесты венком из материи и искусственных цветов в конце XIX в. (стр. 75), захоронение покойника в конце XIX в. без нижнего белья и обуви, а в период буржуазной Латвии в нескольких дорогах платьях (стр. 76, 167), запрещение женщины после родов посещать церковь в течение шести недель (стр. 92) и другие. Если в исследуемом районе встречались такие явления, то их следовало бы оговорить особо, так как в других областях Латвии они исключительно редки. Относительно последнего примера следовало бы указать, что в лютеранских приходах Латвии (а Екабпилсский район преимущественно лютеранский) такого запрета не существовало. Упоминаемый запрет относится к католическим районам. Песня, приводимая для характеристики тяжелого положения батрачества в годы буржуазной Латвии (стр. 173), на наш взгляд, неудачна по содержанию и в художественном отношении.

Автор преувеличивает распространение в крестьянской среде в конце XIX в. браков и наречения имени ребенку без церковного ритуала (стр. 102). Это противоречило бы законодательству царской России, где официальным признавался только церковный брак.

Вызывает возражение оценка, даваемая автором похоронному обряду. У латышей не было принято приглашать на похороны специальных плакальщиц, сам обряд проходил в относительно спокойной обстановке, однако Л. Н. Терентьева слишком подчеркивает значение в нем увеселительных моментов (стр. 95, 358 и др.).

По мнению рецензентов, в монографии при анализе семейных отношений не следовало приводить полных фамилий информаторов.

Несмотря на указанные недостатки, работа Л. Н. Терентьевой «Колхозное крестьянство Латвии» — значительный вклад в советскую этнографическую науку.

Л. Ефремова, М. Слава, Э. Чивкуль

От редакции: Ряд положений данной рецензии вызывает сомнения. Придавая особое значение обобщающим работам, посвященным этнографическому изучению колхозного крестьянства народов СССР, редакция предполагает в дальнейшем вернуться к обсуждению книги Л. Н. Терентьевой.

Mulgi kirikindad ja kirisukad. «Vanavara salvest». Koostanud L. Saks. Toimetanud A. Moora. Eesti Riiklik Kirjastus. Tallinn, 1960, 87 стр.

С 1960 г. Этнографический музей Академии наук Эстонской ССР начал выпуск серии альбомов «Из сокровищниц старины» («Vanavara salvest»), посвященных крестьянскому быту и народному искусству. Первый вышедший в свет альбом «Узорные варежки и носки мульгов» («Mulgi kirikindad ja kirisukad») ¹ составлен Л. Сакс (редактор А. Моора). Альбом содержит большое количество иллюстраций — 186 рисунков в тексте и 47 таблиц. Из них 14 таблиц цветных рисунков, 8 таблиц фотоснимков, а остальные иллюстрации — образцы орнамента, выполненные группой тартуских художников. В альбоме даны историческое введение и объяснительный текст.

Выбор темы для настоящего альбома несомненно можно признать удачным. Прежде всего, он послужит практическим пособием для вязания на спицах, которое имеет и в настоящее время широкое распространение в качестве как женского рукоделия в деревне и в городе, так и одной из отраслей эстонского прикладного искусства. Далеко за пределами республики известны эстонские вязаные свитеры и кофточки, перчатки и шапочки, изготавливаемые мастерскими Государственного художественного фонда и районных комбинатов местной промышленности.

Вязание на спицах известно на территории Эстонии издавна и играло важную роль в домашнем ремесле. Однако первые археологические и литературные данные о вязании на спицах у эстонцев, известные нам, относятся только к XVII в. Есть все основания полагать, на что указывает и автор альбома, что оно было распространено у эстонцев значительно раньше.

Одной из особенностей рассматриваемой этнографической группы эстонцев-мульгов является весьма длительное сохранение в быту архаических форм материальной культуры, в то время как в социально-экономическом отношении район расселения мульгов был в конце XIX в. одним из наиболее развитых. Особенно упорно сохранялись у мульгов старинные формы одежды — туникообразная рубаша, несшитая поясная одежда и пр. В музее хранятся экземпляры варежек из этих районов, связанных иглой (старинная техника, предшествовавшая вязанию на спицах и в других местах Эстонии).

Связанные на спицах варежки и чулки мульгов также отличаются своеобразием, что проявляется прежде всего в их форме и расцветке, а также в орнаменте. Территория расселения мульгов в XIX в. распадалась на восточную и западную часть. Восточную часть составляли приходы Паисту, Тарвасту, часть Хельме и Вильянди, в которых проявлялось больше новшеств и сильнее сказывалось влияние соседних районов, чем в западной части, охватывавшей приходы Халлисте и Каркси.

Составитель альбома расположил вещественный материал музея по данной теме с первой половины XIX в. (наиболее старые экземпляры варежек). Со второй половины XIX в. появляются и перчатки, которые считались принадлежностью праздничного костюма.

И женские, и мужские варежки мульгов выполнялись, как правило, узорной вязкой. В первой половине XIX в. узор выполнялся обычно двумя цветами — черной и белой шерстью или синей и белой. В западной части Мульгимаа такая расцветка сохранялась еще и во второй половине века. Для этого района характерно также вязание варежек (как и чулок) из очень тонкой шерсти. В восточной части Мульгимаа для вязки употребляли грубого прядения шерсть и, кроме двухцветных варежек, вязали также белые с разноцветной узорной запястной частью. Шерсть для этого, как и для других элементов

¹ Мульгами называются представители своеобразной этнографической группы эстонцев, населяющие по современному административному делению Абьский, частично Вильяндский и Валгаский районы. Иногда эту группу называют южно-сакалаской, так как она совпадает с южной частью древней эстонской «земли» Сакала. Мульги имеют особый диалект и ряд отличий в быту и материальной культуре.

народного костюма (чулок, поясов, а также вышивок), первоначально обрабатывали естественными красителями. В более позднее время получили распространение анилиновые красители. В восточной Мульгимаа запястную часть, ладонь, тыльную сторону, пальцы перчаток вязали особым узором. Рисунок на этих перчатках образован чаще всего последовательным повторением одного и того же мотива, реже — повторением двух (или больше) различных мотивов. Иногда рисунок располагается продольными полосками или поперечными рядами.

Составитель альбома снабдил почти каждый приведенный узор и мотив терминами. употребляемыми местными мастерами. Богатство конкретного терминологического материала вообще является достоинством этого издания.

Весьма интересен для этнографа подробный анализ орнамента по отдельным мотивам. Многие мотивы получили свое наименование в зависимости от их сходства с различными предметами: «колесо», «крест», «снежинка», «сахарная голова», «яблоки», «божья коровка», «олений рог», «кошачья лапка» и др. Некоторые мотивы («змейка», «петельный узор») восходят к очень древним временам, что подтверждается и соответствующими археологическими находками; тогда им приписывали магическую силу. Мотив «змейка», помещаемый на запястной части варежек, можно видеть на предметах, созданных около шести тысяч лет назад. На предметах XII в. встречаются все варианты петельного орнамента (пяти-, семи-, одиннадцати- и тринадцатипетельный «рогатый» узор). Варежки с орнаментом, в который включен мотив так называемого «пытского столба», по народному верованию, сложившемуся в средневековье, охраняли надевшего их человека от телесного наказания.

На территории Мульгимаа женщины носили узорные чулки, доходящие до колен, а мужчины — простые одноцветные чулки. В конце XIX в. здесь, так же как и в других районах Эстонии, стали носить полосатые и с простыми рисунками чулки и носки. В западной части Мульгимаа чулки в старину носили белые, с узким многоцветным узором на икрах. В восточной части Мульгимаа чулки имели очень большую ширину в икрах; их надевали обычно поверх папки или обмоток, обернутых вокруг икр. Искусственно утолщенные ноги считались здесь признаком женской красоты. В середине XIX в. такие чулки надевали невесты, в costume которых значительно дольше сохранялись традиционные элементы. Многоцветный узор этих оригинальных белых чулок из восточной части Мульгимаа (в виде одной узкой и второй широкой полосы орнамента на икрах), как и вообще узор чулок в этой области, состоит из одного ряда мотивов. По сравнению с орнаментом варежек и перчаток узоры чулок значительно менее разнообразны. Многие мотивы орнамента варежек и чулок и их термины совпадают. К сожалению, в альбоме не раскрыта связь орнамента и вязаных изделий с орнаментом других частей женского народного костюма (вышивка головного убора, так называемого «платка мульгов», передника, а также орнамента пояса).

Вязать варежки и чулки умели все женщины. Обучение вязанию начиналось примерно с десятилетнего возраста. Техника вязания этих вещей была весьма разнообразна. Одни приемы и способы вязания отдельных частей варежек и чулок (особенно при спуске петель и вывязывании пятки) — более старые, другие — более новые (начиная со второй половины XIX в.). В альбоме это наглядно показано на таблицах XXII—XXIV.

Варежки и чулки вязали не только для своей семьи; вязаные изделия было принято еще в прошлом веке раздавать во время разных обрядов: при сватовстве, на свадьбе и похоронах. В тексте альбома приведено несколько примеров такого рода. Во время свадебной церемонии дарили множество варежек, а также чулок родне жениха, а при обходе молодой своего нового дома она оставляла в закромах и конюшне варежки, а в хлеву чулки домовому. В более зажиточных семьях изготавливали для таких случаев целые сундуки подарков.

Издание серии альбомов «Из сокровищницы старины» — весьма ценный почин со стороны Этнографического музея Академии наук Эстонской ССР. Судя по содержательному и полиграфически отлично оформленному первому альбому, издание подобной серии оправдывает себя полностью, так как представляет как научный, так и большой практический интерес. О необходимости такого альбома свидетельствует его популярность среди народа — весь тираж альбома (правда, к сожалению, слишком маленький — всего 3000 экземпляров) был распродан в книжных магазинах республики в течение нескольких дней. Ждем появления в свет следующих альбомов этой серии.

Л. Феоктистова

Шихберды Аннаклычев. *Быт рабочих-нефтяников Небит-Дага и Кум-Дага (историко-этнографический очерк)*. Ашхабад, 1961, 165 стр.

Исследование Ш. Аннаклычева «Быт рабочих-нефтяников Небит-Дага и Кум-Дага» — первая попытка изучения молодого рабочего класса Туркмении, национальные кадры которого формировались уже в советскую эпоху. Основная задача, которую поставил перед собой автор, — показать изменения в культуре и быте туркменских рабочих, недавних полукочевников — скотоводов и земледельцев. Нефтепромыслы Небит-Дага и Кум-Дага — это выросший уже в советское время и сейчас быстро развивающийся промышленный район Туркмении, процесс становления национальных кадров которого из среды сельского населения продолжается и в настоящее время. Удачно выбранный объект наблюдения дал исследователю богатейший материал для изучения процессов преобразования быта.

Небит-Даг и Кум-Даг интересны и тем, что сосредоточивают в себе рабочих разных национальностей, из которых, кроме туркмен, наиболее многочисленны группы русских рабочих, казахов и азербайджанцев; проблема национальных взаимоотношений, их роль в процессе складывания новых форм быта может быть прослежена здесь особенно глубоко и плодотворно.

Собственно этнографическому исследованию в книге предпослана глава, характеризующая историю формирования национальных рабочих кадров Туркмении (стр. 29—46). Автор методологически обосновывает необходимость этнографического исследования этой темы, правильно считая, что уяснение этнических и социальных корней рабочего коллектива дает возможность исторически верно интерпретировать исследуемые в его быту и культуре явления.

Привлекая материалы официальной статистики нефтяных предприятий Небит-Дага и Кум-Дага, касающиеся национального состава рабочих, их численного роста, производственной квалификации, автор выделяет три основных этапа в формировании рабочих кадров нефтяной промышленности Туркмении: 1) с 1927 по 1941 г., 2) период Великой Отечественной войны и 3) послевоенный период.

Помимо статистических данных, процесс формирования национальных рабочих кадров Туркмении, их не только количественный, но и качественный рост убедительно раскрываются Ш. Аннаклычевым на примере изученных им семейных генеалогий, восходящих к 4—5-му поколениям. Среди рабочих первого поколения люди старших возрастов до овладения ими рабочих профессий были скотоводами и земледельцами. Они начали свою работу на нефтепромыслах, не имея специальной подготовки, и стали нефтяниками в процессе долголетней практической работы. Большую роль сыграли здесь организованные на промыслах курсовые, бригадные и индивидуальные учебные занятия. Начиная с третьей пятилетки, кадры нефтяников, в том числе и национальные, растут в основном за счет молодежи, прошедшей уже советскую школу производства (ФЗУ, ремесленные училища, техникумы и т. д.). В освоении туркменскими рабочими высококвалифицированных профессий, особенно на первых порах, большую помощь оказали также кадровые нефтяники других национальностей. Это хорошо показано автором на отдельных биографиях рабочих. Так, например, украинец по национальности И. Н. Алифан обучил и подготовил десятки высококвалифицированных рабочих-туркмен, среди которых был и известный ныне не только в Туркмении, но и за ее пределами нефтяник Удаев Сатлык, в свою очередь обучивший 25 нефтяников — туркмен, татар, казахов, русских и др. Установление дружественных связей между представителями разных национальностей имеет большое значение. Совместный труд, более чем что-либо другое, способствует межнациональным сближениям. Как отмечает Ш. Аннаклычев, за последнее время среди туркменских рабочих участились смешанные браки, оказывающие значительное воздействие на перестройку быта. К сожалению, эта интересно намеченная автором тема слабо развита им на конкретном этнографическом материале.

Интересен и даже в какой-то степени увлекателен раздел, посвященный истории возникновения и развития города Небит-Дага и рабочего поселка Кум-Дага (стр. 46—57).

В пустыне, на еще недавно совершенно безводном месте, в 1933 г. возник новый, социалистического типа город — красавец Небит-Даг, электрифицированный, хорошо озелененный, с дворцом культуры и кинотеатром, с благоустроенными жилыми домами. В этом городе с его 34-тысячным населением живут представители пятидесяти национальностей, поэтому жители и называют его городом дружбы и молодости (стр. 53). Того же типа возникший позже (1949 г.) рабочий поселок Кум-Даг, по своей величине и благоустроенности стоящий на первом месте среди поселков, административно подчиненных Небитдагскому горсовету.

Наряду с этим на окраинах Небит-Дага и Кум-Дага с момента их возникновения стихийно выросли поселки, называемые «Казах-аул» и «Туркмен-аул», в характере заселения которых и типе строительства сказались многие старые традиции. При заселении этих поселков проявились еще не вполне изжитые среди приехавшего на нефтепромыслы населения родоплеменные представления: почти все рабочие семьи из туркмен-текинцев заселяли юго-западную часть небитдагского пригорода Казах-аула, а казахские семьи — его юго-восточную окраину. Большинство рабочих семей из бывших племенных групп иомудов — джафарбайцев и атабайцев — живут в Казах- и Туркмен-аулах компактно, т. е. родовыми группами, в то время как в черте города они расселились и живут в коммунальных и индивидуальных домах разрозненно, по соседству с представителями не

только разных родоплеменных групп, но и различных национальностей. К сожалению, об этих интереснейших подробностях мы узнаем не из рецензируемой книги, а из ранее опубликованной автором статьи¹. Нам представляется неоправданным, что в книге опущены эти характернейшие детали, ибо лишь при их учете может получить объяснение отмеченная автором большая стойкость некоторых черт отсталости в культуре и быте населения именно этих аулов.

Социалистическая перестройка быта — процесс длительный. При относительно коротких сроках формирования кадров рабочих-нефтяников в их среде еще сохраняются не только национальные особенности культуры и быта (что в ряде случаев хорошо выявлено автором), но и некоторые черты бытового уклада, свойственного бывшим племенным группам. Выяснение сложного процесса преобразования быта и является задачей исследования. Чрезвычайно важна при этом датировка явлений: когда, в каких группах населения и под влиянием каких факторов начинают исчезать старые формы, возникают и укрепляются новые. Ш. Аннаклычев упростил свою задачу: вместо того, чтобы объяснить причину живучести ряда устаревших форм, он попросту их опускает. Поэтому картина современного быта, в значительной мере еще противоречивая, остается затуманенной, не получает достаточного освещения и анализа. Например, из ранее опубликованного материала мы узнаем, что еще в 30-х годах в рабочих семьях существовало деление дома на мужскую и женскую половины². Этот момент, теснейшим образом связанный со всем комплексом семейных отношений, надо было подробно исследовать. Интересно было бы показать, как шла в рабочей среде ломка старого быта, старых понятий и воззрений, связанных с принижением положением женщины. В своей же книге Ш. Аннаклычев опускает эту подробность, интерпретируя ее как явление исключительно дореволюционного времени (стр. 62), что противоречит его собственным ранее высказанным соображениям. И такие примеры можно умножить.

Для более яркого выявления черт слагающейся новой культуры Ш. Аннаклычев непосредственно противопоставляет современный быт старому, дореволюционному. Я думаю, этого недостаточно. Автору следовало бы, помимо этих непосредственных сопоставлений с прошлым, провести параллели с современной сельской средой, из которой рекрутируются в основном кадры рабочих; тогда специфика рабочего быта выявилась бы более отчетливо. В этом отношении полезно было бы при изучении выборочно взятых семейств привлечь материалы по боковой линии родственников. Это не только расширило бы представление о связях рабочего и крестьянского населения, но и глубже раскрыло характер родственных отношений.

Интересны материалы, привлеченные автором в разделах о семейном и общественном быте (стр. 103—158). Здесь Ш. Аннаклычев выдвигает ответственное положение, что преобладающей формой туркменской семьи уже на рубеже XIX—XX вв. являлась семья малая, однако приводимых им фактов еще недостаточно для суждений о характере семейного строя туркмен в этот период (стр. 104). Нечетко выявлен и внутренний строй современной рабочей семьи — ее структура, численность, характер семейных взаимоотношений. По некоторым приведенным автором данным можно судить, что в настоящее время встречаются и недельные семьи (стр. 106), однако остается неясным, насколько это явление характерно сейчас.

Интересны приведенные Ш. Аннаклычевым материалы по дореволюционному и современному положению женщины. Они ярко свидетельствуют о тех коренных сдвигах, которые произошли в жизни восточной женщины в результате декретов и специальных мероприятий Советского государства.

Однако в туркменской рабочей среде мы сталкиваемся с одним весьма острым моментом, который отчетливо вскрыт проведенным Ш. Аннаклычевым анкетным обследованием: даже молодые, не обремененные детьми женщины, и те, у кого, в семье есть матери или свекрови, не работают, занимаются домашним хозяйством. Факт этот заслуживает серьезного внимания; к сожалению, в книге он несколько завуалирован общими рассуждениями автора о женщинах-производственницах, вышедших из туркменской среды. На самом же деле, как свидетельствуют факты, женщина-туркменка из рабочей семьи по своей производственной активности неизмеримо уступает туркменке-колхознице³. Вместе с тем экономическая самостоятельность женщины не может, конечно, не влиять на ее положение в семье — это один из главных факторов ее фактического укрепления. Вот почему вопрос этот требует самого широкого освещения; в нем, быть может, коренится один из главных источников консервативности быта, которую еще можно подметить в рабочей среде, устойчивости в ней различных бытовых и религиозных пережитков.

¹ Ш. Аннаклычев, Некоторые стороны быта рабочих-нефтяников Небит-Дага, «Сов. этнография», 1959, № 1, стр. 60; более подробно см.: его же, Быт рабочих-нефтяников Небит-Дага и Кум-Дага, канд. дис., стр. 152 (арх. Ин-та этнографии АН СССР).

² Ш. Аннаклычев, Некоторые стороны быта..., стр. 59.

³ С этой точки зрения большой интерес представляют материалы, приведенные Я. Р. Винниковым о производственной активности женщин в изученных им туркменских колхозах Марыйской области; в одном из колхозов уже в 1948 г. 85% женщин имело свыше 400 трудодней (Я. Р. Винников, Социалистическое переустройство хозяйства и быта дайхан Марыйской области Туркменской ССР, «Среднеазиатский этнографический сборник», I, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. сер., т. XXI, М., 1954, стр. 68).

Общественному быту рабочих и роли в их жизни старых обычаев посвящены два последних раздела исследования (стр. 148—158). Они являются результатом непосредственных наблюдений автора и в высшей степени интересны. Автор тщательно отмечает все ростки нового быта: проведение новых общественных празднеств, появление ранее не известных семейных торжеств, в чем сказалось прогрессивное воздействие русской культуры. Вместе с тем удерживаются еще старые религиозные обряды и обычаи. К сожалению, автор не всегда достаточно подробно раскрывает их современное содержание. Так, изложив подробно весь комплекс обычаев, связанных с рождением и воспитанием детей, каким он был в дореволюционное время, автор ограничивается лишь замечанием, что некоторые из этих обрядов в отдельных семьях соблюдаются и в настоящее время (стр. 109).

Интересен приведенный в книге материал по свадебному обряду. Мне представляется, однако, что в отношении обрядовой жизни нельзя ограничиться только одним суммарным описанием обряда. Более верную картину может дать сравнительное изучение нескольких хронологически разновременных вариантов одного и того же обряда, зафиксированных в различных социальных и возрастных группах. Такое изучение, несомненно, помогло бы автору глубже вскрыть сущность происходящих в религиозно-обрядовой жизни процессов, характер и направление происходящих в ней изменений. Вот почему при всей подробности описания ряд моментов, связанных с браком и свадебной обрядностью, остался в исследовании Ш. Аннаклычева недостаточно выясненным. Таково, например, описание обычаев «кайтармы» (возвращение невестки на определенное время в родительский дом) и «гневлемек» (посещение зятем дома тещи). Неясным остается, в какой степени и в каких формах эти обычаи, являющиеся еще пережитками первобытно-общинного строя, соблюдаются в настоящее время (стр. 137, 138).

Несмотря на ряд отмеченных мной существенных недостатков, которые сводятся главным образом к отсутствию достаточного анализа материалов, в целом книга Ш. Аннаклычева заслуживает серьезного внимания. Это — одна из первых больших работ по изучению культуры и быта рабочих-нефтянников. В основной своей части она базируется на оригинальном полевом историко-этнографическом материале. Изучение поставлено широко и перспективно. Уже сейчас выявляются контуры возможных новых работ, непосредственно вытекающих из сделанного автором исследования.

В. Крупянская

Т. А. Трофимова. *Древнее население Хорезма по данным палеоантропологии*. Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 2. Изд. Академии наук СССР, М., 1959. 176 стр.

Книга Т. А. Трофимовой является продолжением и отчасти обобщением ее работ по палеоантропологии Хорезма¹. Ведущие свыше 20 лет под руководством С. П. Толстова раскопки дают, особенно в последние годы, все больше костных остатков людей, обитавших здесь в разное время — от эпохи бронзы до позднего средневековья. Еще не по всем эпохам имеется достаточный антропологический материал, еще имеются значительные лакуны, которые продолжают пополняться. Однако то, что уже собрано, изучено и опубликовано, — свидетельствует о том, что, по существу, новая глава в палеоантропологии Средней Азии — палеоантропология Хорезма — уже строится на основательном фундаменте.

Вводная глава «Основные проблемы палеоантропологии Хорезма» подводит краткий итог всем изученным до настоящего времени материалам и ставит задачи дальнейшего исследования.

Следующая глава — о черепах из могильника тазабагъябской культуры Кокча 3, раскопанного в 1954 году. Здесь дана характеристика краниологических материалов с индивидуальными описаниями черепов, таблицей их измерений, а также сравнительные таблицы. Эта глава существенно развивается и дополняется другой работой Т. А. Трофимовой о черепах из могильника Кокча 3, включающей и материалы из раскопок 1955 года, опубликованной в 1961 г. (См. «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 5).

В главе о черепах из оссуарного некрополя крепости Калалы-Гыр 1, раскопанного в 1953 году, приведены индивидуальные описательные характеристики и измерения черепов, а также сравнительные материалы. Так как почти все черепа этой серии прижизненно подверглись затылочн-теменной деформации, то произведен анализ влияния этой деформации на размеры и соотношения мозговой коробки и лицевой части черепа.

К этой работе приложены сделанные Ю. А. Дурново измерения длинных костей скелетов из этого могильника.

¹ См. работы Т. А. Трофимовой: Палеоантропологические материалы с территории Древнего Хорезма, «Сов. этнография», 1957, № 3; Краниологические материалы из античных крепостей Калалы-Гыр 1 и 2, «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. II, 1958; Материалы по палеоантропологии Хорезма и сопредельных областей, там же.

Далее следует глава о черепах позднекушанского времени (III—IV вв. н. э.) из Канга-Калы. Здесь также даны индивидуальные и сравнительная характеристики черепов и проводится анализ их деформации.

Наконец, следуют две небольшие заметки о черепах VI—VIII вв. н. э. из погребального сооружения в Куба-Тау и черепах IX—X вв. с территории замка № 50 в Беркут-Калинском оазисе.

Все разделы написаны в этногенетическом аспекте, с применением четкой методики расового анализа, при которой последовательно сочетается внутригрупповой анализ, междугрупповой и исторический, для чего привлекается обширный сравнительный материал.

В качестве приложения в порядке привлечения данных из соседних областей в конце книги дана работа о материалах из оссуарного некрополя IV—VI вв. н. э. возле Байра-Али в Южной Туркмении, откуда изучено 132 черепа. Здесь также дан анализ морфологических изменений черепа под влиянием деформации. К работе приложена таблица индивидуальных измерений всех черепов, проанализировано влияние искусственной деформации на строение черепа и даны сравнительные таблицы.

Т. А. Трофимова поднимает вопрос — почему более деформированные черепа окрываются и несколько более крупными (стр. 143). Нам кажется, причиной этого может быть рахит, который тормозит нормальное развитие черепных костей, что ведет к их истончению и разной степени гидроцефалии. Такие черепа, более крупные, чем в среднем, гораздо легче и сильнее деформируются при преднамеренных или непреднамеренных (например, лежание в бешике) воздействиях.

Книга снабжена рисунками-обводами черепов и фотографиями реконструкций лица по черепу, сделанными в лаборатории М. М. Герасимова.

Основные положения рецензируемой книги, которая, как пишет автор, является обобщающей сводкой по палеоантропологии Хорезма, сводятся к следующему.

В эпоху бронзы антропологический состав населения восточной части Хорезма — смешанный; в него входят европеоидные типы северной степной полосы эпохи бронзы андроновской и срубный и, в меньшем количестве, южный тип, в котором автор усматривает дравидоидные элементы. При этом отмечается, что характерный для юга Средней Азии срезидеоморфский тип в это время в более северных ее районах не обнаружен. Изученные нами находки в районе Актюбинска, которые еще не были известны Т. А. Трофимовой, показали наличие такого типа в эпоху бронзы.

Смешанность населения тазабгянской культуры убедительно показана М. А. Итиной (см. 5 выпуск «Материалов Хорезмской экспедиции») также по археологическим данным. Второй тип, выделенный Т. А. Трофимовой, дравидоидный, безусловно связан с древними прогнатными элементами Северной Индии, которые примешивались к населению Хорезма.

Во всяком случае, теперь уже и антропологические материалы, наряду с археологическими, говорят о том, что в эпоху бронзы на территории Хорезма был стук культур и племен, обитающих к северу, западу и югу от нее. Благоприятные для пастушеского земледелия условия в низовьях Среднеазиатского междуречья создали здесь зону контакта разных племен и культур, аналогично тому, что отмечено в верховьях Среднеазиатского междуречья — в Фергане.

К сожалению, антропологические материалы эпохи раннего железа — сакского времени — еще не были обнаружены, когда писалась рецензируемая книга. Находки последних двух лет теперь восполняют этот пробел, но они еще не опубликованы.

Наиболее древние черепа с левобережья Аму-Дарьи из захоронений в городищах Калалы-Гыр 1 и 2, относятся к античному времени (II—III вв. н. э.). Отсюда изучено три серии черепов: из оссуарных захоронений возле стен крепости Калалы-Гыр 1, из угловой башни (дахмы) и из оссуариев дворцового здания.

На основании изученных материалов Т. А. Трофимова отмечает большую смешанность населения левобережья Аму-Дарьи в это время и выделяет здесь следующие типы:

Основной тип — европеоидный с высоким и узким лицом — встречается в двух вариантах: долихокранном и мезо-брахиокранном.

Небольшую примесь составляют европеоидные черепа с низким и широким лицом (северные варианты). Несколько черепов из дахмы характеризуются дравидондными чертами. Наконец, на некоторых черепах отмечается монголоидная примесь североазиатского типа.

На некоторых черепах европеоидного типа отмечается кольцевая деформация, характерная для среднеазиатских «гуннов». Эти материалы дают Т. А. Трофимовой возможность говорить о смешанном происхождении и широких связях населения территории Хорезма и левобережья Аму-Дарьи.

К позднекушанскому времени (IV в. н. э.) относятся изученные черепа из оссуариев античных крепостей Канга-Кала и Куна-Уза. Большая часть черепов подверглась кольцевой деформации. Антропологический тип характеризуется смещением европеоидных черт срезидеоморфского типа с монголоидными североазиатскими и несколько отличается от черепов из Кенкольского могильника, в котором узколицый же монголоидный тип смешан с брахи-мезокранным европеоидным типом Среднеазиатского междуречья. Это дает возможность Т. А. Трофимовой, учитывая и археологический материал, присоединиться к С. П. Толстову и отнести население этих крепостей к гуннам-хионитам — предкам позднейших гуннов-эфталитов.

В разных местах рецензируемой книги Т. А. Трофимова (как и мы) на основании антропологических данных поддерживает мнение А. Н. Бернштама о том, что «гунны» Средней Азии представляли собой пришельцев с востока, смешавшихся с местными аборигенами.

В эпоху поздней античности основные компоненты позднейшего узбекского и туркменского населения уже сформировались (стр. 11). В качестве предков хорезмских узбеков Т. А. Трофимова рассматривает захороненных в Калалы-гырских крепостях, а в качестве предков хорезмийских туркмен — погребенных в оссуариях Куны-Уаза и Канга-Калы.

К несколько более позднему времени (VI—VIII вв. н. э.) относятся черепа из Куба-Тау. Некоторая часть их из раскопок 1936 года была изучена В. Я. Зезенковой: материалы из раскопок 1955 года изучила Т. А. Трофимова. Большая часть черепов из Куба-Тау деформирована. Антропологический тип их, европеоидный в основе, различен. Отмечен череп, близкий к андроновским формам, другой — к средиземноморскому типу. Т. А. Трофимова отмечает и монголоидную примесь, но иную, чем в предыдущих сериях.

К еще более позднему времени (VIII—X вв. н. э.) относятся две серии черепов из Беркут-Калинского оазиса на правобережье Аму-Дарьи. Материалы из замка № 36 были получены в 1937 году и изучены Н. Г. Залкинд; материалы из замка № 50, раскопанные в 1953 году изучила Т. А. Трофимова. Вторая серия несколько более поздняя, чем первая. На этих черепах можно проследить элементы древнего андроновского типа. В целом здесь, по-видимому, преобладает тип Среднеазиатского междуречья, в основе которого и лежит андроновский тип, как это мы показали на разных сериях черепов из Тянь-Шаня и др.

Наконец, Т. А. Трофимова дает характеристику двум небольшим, еще более поздним сериям черепов из развалин Куны-Ургенча и из окрестностей Узбоя, датируемых XIV веком. Первые — мезо-брахикранные, вторые — брахикранные варианты типа Среднеазиатского междуречья с легкой примесью монголоидных черт, более ясной на серии из Узбоя.

Хотя не все эпохи хорошо представлены антропологическими материалами, уже можно проследить пути становления и развития населения территории Хорезма с древних времен. Уже в эпоху бронзы, да и раньше, здесь соприкасались разные культуры и их носители — племена, относившиеся к разным антропологическим типам европеоидной расы — северному и южному. В дальнейшем южные группы, по-видимому, преобладают, но те и другие преобразуются в тип Среднеазиатского междуречья при возрастающем участии монголоидных элементов.

Т. А. Трофимова показала наличие в древнем южноевропейском расовом типе экваториальной примеси, которая иногда отмечается и в современном населении Средней Азии, о чем писал Л. В. Ошанин. Мы имели случаи отметить такую примесь у горных таджиков.

Рецензируемая книга, как и другие, относящиеся к палеоантропологии Хорезма и сопредельных областей работы Т. А. Трофимовой, написанная с привлечением широкого материала, способствует изучению этногенеза населения Средней Азии и представляет несомненный интерес не только для антропологов, но и для представителей других смежных дисциплин, в первую очередь археологов, историков и этнографов.

Нужно пожелать Хорезмской экспедиции дальнейших успешных находок антропологических материалов, чтобы заполнить лакуны и тем скорее завершить построение схемы этногенеза населения этой части обширной территории Средней Азии.

В. Гинзбург

А. И. Робакидзе. *К истории пчеловодства*. Издательство Академии наук Грузинской ССР, Тбилиси, 1960, 256 стр. + 12 стр. рис. (на груз. яз.).

Рецензируемая работа состоит из введения, пяти глав и заключения, резюме на русском и немецком языках, списка использованной литературы, указателей и иллюстраций.

Во введении автор определяет задачи исследования, дает критический обзор литературы по пчеловодству, подробно останавливается на методике полевой этнографической работы. Обосновывая постановку вопроса, А. И. Робакидзе справедливо связывает пчеловодство с одной из важных культурно-исторических проблем общей этнографии — проблемой одомашнивания животных.

В первой главе монографии рассматривается вопрос о возникновении пчеловодства с точки зрения общей этнографии, три следующие посвящены истории пчеловодства у некоторых народов Древнего Востока (гл. 2), Руси (гл. 3) и Грузии (гл. 4). В пятой главе дана характеристика ряда пчеловодческих обычаев и обрядов в связи с критикой «религиозных теорий» происхождения домашнего пчеловодства.

Пчеловодство — занятие очень древнее, подчеркивает А. И. Робакидзе. Оно всегда составляло определенную отрасль хозяйственной деятельности человека. Известно, что

добыча меда и воска входила еще в сферу собирательского хозяйства. Человек верхнего палеолита (наскальное изображение в Испании, Валенсия) пользовался медом в качестве не только пищи, но и хмельного напитка.

Автор подвергает резкой критике взгляды буржуазно-националистических этнографов — проповедников пресловутой нордической теории, пытающихся доказать, что пчеловодство первоначально возникло в быту «северных народов» и лишь с их миграцией проникло в Южную Европу и на Древний Восток.

По мнению К. Сайферта, например, появление домашнего пчеловодства было обусловлено интересами культа у индогерманцев, с прародины которых оно распространилось по всему свету. На протяжении всей работы автор подвергает всестороннему критическому анализу приведенное положение К. Сайферта и доказывает его несостоятельность.

«...В основе домашнего пчеловодства, так же как и в основе более ранних форм добычи меда и воска, — пишет А. И. Робакидзе, — лежали интересы производства материальных благ, а не религиозные представления или возникший на этой почве культ». Кроме того, «значение продуктов пчеловодства среди различных видов средств существования и его сравнительно несложные формы составляли достаточные условия для его самостоятельного возникновения всюду, где естественная среда благоприятствовала этому. Данные этнографии совершенно очевидно говорят в пользу филогенетического происхождения этой отрасли хозяйственной деятельности человека» (стр. 200). Современная этнография не знает ни одного народа, который при соответствующих естественных условиях не занимался бы добычей меда и воска в той или иной форме. заявляет автор и приводит обильный фактический материал по различным частям света, подтверждающий это положение.

На наличие домашнего пчеловодства у некоторых народов Древнего Востока указывают отдельные параграфы хеттского судебного XIV—XIII вв. до н. э., которые предусматривают определенное наказание за кражу пчелиного улья. Анализ соответствующих мест мифа об умирающем и воскресающем божестве, в котором пчеле отведена значительная роль, дает автору основание высказать предположение о том, что домашнее пчеловодство народам Древнего Востока было известно задолго до появления указанного выше хеттского судебного.

О древности «правильного пчеловодства» в Египте свидетельствуют изображения на египетских саркофагах, а также данные о том, что еще в династический период мед и воск использовались при мумификации, для изготовления лекарств, различных магических фигур, в кораблестроении и т. д. В III тысячелетии удельный вес пчеловодства в хозяйстве египтян значительно возрос. В законах Тутмоса III среди товаров, облагаемых пошлиной — золота, серебра, крупного рогатого скота, назван и мед.

Интересные данные приводятся о древних формах пчеловодства у славян, о том большом месте, которое оно занимало в их экономической жизни. Автор ссылается на ряд параграфов Русской Правды, которые стоят на страже бортных угодий. («Бортное дерево... беречь, не сечь и не поджигать и пчел не выдирать, чтобы государев бортный лес не запустел», и т. д.). Бортные деревья снабжались обычно знаками, указывающими на принадлежность определенному лицу. В древнерусских источниках А. И. Робакидзе находит наименования этих знаков: «калита с поясом», «четыре рубежи», «вилы», «заячьи уши», «теса», «черты», «мотовило» и др.

Использование восковых моделей при отливке металлических предметов также говорит о значении пчеловодства в хозяйственном быту славян, а различные медовые напитки — «меды сладкие», «меды пресные», «меды пряные» — о широком распространении продуктов пчеловодства в повседневной жизни. Кроме того, у восточных славян мед и воск в VIII в., наряду с пушinou, являлись своеобразным предметом экспорта. А это обстоятельство еще раз указывает на древность пчеловодства на Руси.

Особенно интересна часть монографии, касающаяся Грузии.

Большой этнографический материал, собранный самим автором, широкое использование письменных источников и данных археологии позволили ему нарисовать широкую картину развития пчеловодства в Грузии.

Одно из наиболее ранних свидетельств о домашнем пчеловодстве А. И. Робакидзе находит в «Никорцминдской грамоте», датированной началом XI в., в которой улей, наряду с важнейшими предметами сельского хозяйства, упоминается в качестве эквивалента стоимости.

В отношении дофеодальной Грузии в книге приведены многочисленные свидетельства античных авторов, указывающих на значительное место продуктов пчеловодства в хозяйственном быту грузинских племен, в частности сванов, колхов, чанов. Для того чтобы иметь возможность судить о конкретных формах пчеловодства того периода, автор ссылается на известное место из «Анабазиса» Ксенофонта, согласно которому у колхов «не было ничего необыкновенного, кроме большого числа ульев». Свидетельство Ксенофонта дает основание утверждать, что у колхов в V в. до н. э. было широко развито пчеловодство, основанное на искусственном улье и организованных пасеках. Это положение подкрепляется еще тем, что в античную эпоху «понтский воск» считался наиболее качественным и вывозился в другие страны Черноморья.

С древних времен грузинские племена применяли мед и воск в народной медицине. И по сей день жало пчелы считается радикальным средством лечения начинающих ревматических заболеваний. В Грузии распространена так называемая грузинская пче-

ла с длинным хоботком, которая не только в древние времена, но и сейчас является предметом экспорта.

Для более раннего периода автор приводит победную надпись правителя одной из областей, расположенных к югу от современного Закавказья, который в VIII в. до н. э. привел «не известных его отцу» пчел в свою страну из страны Хабха. Страна эта локализуется также к югу от современного Закавказья и была населена хурри-урартскими племенами. Анализируя данные археологии, в частности технику отливки металлических предметов по «восковой модели», А. И. Робакидзе приходит к выводу, что уже к III тысячелетию до н. э. были созданы условия для возникновения домашнего пчеловодства, так как развитие местной металлургической промышленности, которая нуждалась в систематическом поступлении воска, могло быть обеспечено лишь организованной формой пчеловодства.

Грузинский историко-этнографический материал показывает, что пчеловодство как отрасль хозяйственной деятельности грузин возникло в древнейшую эпоху и прочно вошло в быт грузинского народа. Свидетельством этого, наряду с другими данными, является пережиточно сохранившийся в быту грузин обычай выделения жертвенного улья. Способ получения меда и воска из этого улья — самый примитивный, относящийся еще к периоду первобытно-общинного строя. На древность пчеловодства указывает и связь некоторых архаических черт добычи меда и воска с древнейшими элементами скотоводства и земледелия грузин, а также ряд таких древнегрузинских культов, как культ земли, воды и дерева.

Для этнографа особый интерес представляет материал, на котором рассматриваются формы использования продуктов пчеловодства как в семейном быту, так и в различных отраслях ремесленного производства.

Считая, что монография А. И. Робакидзе «К истории пчеловодства» является ценным вкладом в нашу этнографическую литературу, мы не можем не отметить некоторые вопросы, нуждающиеся, на нашему мнению, в более подробном освещении.

Так, автором не приводятся материалы С. И. Макалатия по этнографии Грузии, интересные с точки зрения вопросов, затрагиваемых в рецензируемой работе.

Следовало шире использовать хорошо известный А. И. Робакидзе аджарский этнографический материал, который подкрепляет его положение о большом разнообразии форм пчеловодства в Грузии.

Привлечение данных ономастики дало бы автору возможность ввести в круг исследований новые исторические источники для подтверждения своих выводов.

Т. Чиковани

Вопросы этнической истории мордовского народа. Труды Мордовской этнографической экспедиции, вып. I. Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. LXIII, 1960, 255 стр.

Настоящим выпуском Трудов, судя по заявлению его редакции, начинается публикация основных материалов, собранных в течение ряда лет Мордовской этнографической экспедицией. Всего намечено четыре выпуска, в которых предполагается всесторонне осветить основные вопросы этнической истории мордовского народа. Такая публикация представляет большой интерес уже потому, что восполняет существенный пробел, имеющийся в характеристике историко-этнографической области Среднего Поволжья. Прикамья и Приуралья. Культура коренных народов этой области создавалась в условиях их длительной совместной жизни и тесного соприкосновения с русским населением, появившимся здесь много веков назад. В последние десятилетия написаны солидные труды по этнографии татар, башкир, чувашей, коми, частично удмуртов и мари, включающие материалы о происхождении народов, их хозяйстве и материальной культуре. Отсутствие подобных работ по мордве и русскому населению края (имеются лишь отдельные статьи) делает публикацию трудов Мордовской этнографической экспедиции вполне обоснованной и своевременной.

В рецензируемый первый выпуск вошли работы более общего характера: о расселении мордовского народа, его происхождении, языках, антропологических типах, а также статьи об отдельных этнографических группах мордвы — каратаях и теньгушевской мордве-эрзи в связи с их происхождением.

Первая статья — «Расселение мордвы» (автор В. И. Козлов) содержит весьма солидное исследование о расселении мордвы в различные исторические периоды; где возможно — приведены демографические сведения. Автор тщательно собрал все данные о расселении мордвы до середины XVI в. Вкратце изложив теории о происхождении мордовского народа, он подробно остановился на взаимоотношениях мордвы с русскими, а после монголо-татарского нашествия и с татарами, показывая, как повлияли эти отношения не только на быт и экономику мордвы, но и на ее расселение.

Совершенно правильно оценив стремление золотоордынского правительства поселить своих феодалов на мордовских, преимущественно мокшанских, землях, бывший северной границей собственно ордынских владений и русских княжеств, автор несколько преувеличил роль Казанского ханства в расселении татар. Ведь к моменту создания

Казанского ханства (середина XV в.) ордынские мурзы уже сидели на мордовских землях. После падения Золотой Орды они перешли на службу к Московскому государству, которое охотно расселяло их на своих границах с Казанским ханством (возьмем хотя бы прием, оказанный царевичу Касиму). Именно в этот период к имеющимся группам темниковских, наровчатских, кадомских и других татар прибавились вновь возникшие арзамасская и курмышская группы. Конечно, связи между Казанским ханством и осевшими на мордовских землях ордынскими мурзами были, но последние все же в массе служили Москве, а не Казани. Характерно, что во время похода 1552 г., окончившегося взятием Казани, значительная часть кавалерии Ивана IV состояла из татар (получивших позднее название мишарей), ими командовал касимовский хан Шах-Али (Шнгаей), служивший интересам Москвы. Таким образом, начиная с периода падения Золотой Орды, в заселении мордовских земель ордынскими (ногайскими) татарами большую роль играла Москва, а не Казань.

Интересен раздел о миграциях мордвы в период с середины XVI в. (после ее полного вхождения в состав России) до середины XIX в. и приведенные статистические данные. Автор справедливо называет помещичью колонизацию старых мордовских земель одной из главных причин переселения мордвы дальше на восток и отчасти на юг, сначала на правобережье Волги, а затем и в Заволжье, вплоть до башкирских земель Приуралья. Он приводит интересные данные о численности и расселении мордвы перед отменой крепостного права.

Специальный раздел статьи посвящен миграциям мордвы в период развития капитализма, когда проникновение в мордовскую деревню товарно-денежных отношений, расслоение крестьянства вызывали переселения мордвы еще далее на восток, в том числе в Сибирь.

Автор подробно останавливается и на миграциях мордвы в первые годы Советской власти, отмечает внимание, уделяемое переселенческому вопросу Советским правительством.

Постановлением Совета Труда и Оборона от 17 октября 1924 г. было установлено общегосударственное значение переселений, направленных на «вовлечение в хозяйственный оборот необжитых земель с целью увеличения сельскохозяйственной и промышленной продукции страны...». После выхода в свет этого постановления, — пишет В. И. Козлов, — переселения в Советском Союзе стали коренным образом отличаться от дореволюционных. Государство значительно увеличило помощь переселенцам, всячески облегчая их устройство на новом месте. Индивидуальные переселения сменились коллективными. Значительные изменения, происшедшие в результате миграции в расселении мордовского народа, автор показал на анализе данных переписи 1926 г. Заканчивается статья рассмотрением некоторых вопросов национального строительства в мордовской автономии.

Работа В. И. Козлова снабжена многочисленными, весьма убедительными таблицами, а также картами, отражающими расселение мордвы с древнейших времен до настоящего времени.

О несомненно интересной статье А. П. Феоктистова «Мордовские языки и их диалекты» мне, как не языковеду, судить трудно. Остановлюсь лишь на вопросе о заимствованиях мордовскими языками слов тюркского происхождения. Автор отмечает, что тюркских заимствований больше в языке мокши, и объясняет это тем, что «мокшане более продолжительное время находились в непосредственном соседстве и контакте с татарами» (стр. 69). Эти выводы лингвиста еще раз подкрепляют наши замечания по предыдущей статье о том, что не Казанское ханство посадило татарское население на мордовских землях; это было сделано еще Золотой Ордой и позднее поддержано московским правительством.

Обе антропологические статьи «Краниологическая характеристика мордвы-эрзи» (автор М. С. Акимова) и «Этническая антропология мордвы» (автор К. Ю. Марк), особенно последняя, опирающиеся на значительный и тщательно собранный материал, содержат выводы о смешанном антропологическом типе мордвы, с некоторым преобладанием светлого европеоидного у эрзи и темного понтийского типа у мокши, несомненно более тесно общавшейся с населением территории Причерноморья и Северного Кавказа. Отмечается также наличие некоторой монголоидности, пришедшей к населению Европы двумя путями — северным, что мы видим у финно-угорских, и южным — у тюркских племен и народов. Обе статьи вносят известную ясность в вопрос о физическом типе мордовского народа.

Значительный интерес представляет статья Б. А. Васильева «Проблема буртасов и мордвы», особенно ее вторая часть, касающаяся этногенеза мишарей. В первом разделе статьи автор дает большую историографическую сводку, посвященную мордовско-буртасской проблеме. Рассмотрев взгляды многочисленных авторов по данному вопросу, Б. А. Васильев решительно утверждает, что буртасы никак не могли быть предками той или иной группы мордвы. Он приводит веские доказательства того, что буртасы не являются предками мордвы-мокши. Однако отрицать полностью какую-то примесь буртасов в составе мордвы весьма трудно. Более убедительно звучат аргументы автора, опирающегося на многочисленные достоверные источники, о том, что буртасы были степняками-кочевниками с одним из языков тюркской системы. Обосновав это положение, Б. А. Васильев приходит к выводу, что буртасы, по крайней мере часть их, продвинувшаяся под давлением хазар, печенегов, затем половцев к северу в лесостеп-

ную и даже лесную зону так называемой Мещерской низменности, приняли участие, наравне с тюркизированными маджарами (мажары), в формировании тюркоязычной народности мишарей.

Вопрос о происхождении второй группы поволжских татар — татар-мишарей, — а не подразделения казанских татар, как подчеркивает автор (стр. 207), разработан слабо. Б. А. Васильев выделяет в истории мишарей два периода: первый — с завоевания их кипчаками, второй период — XIV—XVII вв. Второй в основном ясен. В XIV—XVI вв. идет формирование обеих групп татар Среднего Поволжья — казанских (на базе древних болгар и ассимилированных ими соседей с той или иной, возможно весьма значительной, примесью кипчаков, которые стали основным населением Золотой Орды и получили наименование «татары») и татар-мишарей (из поселяемых на старых мордовских и мещерских землях ордынских мурз с их вооруженными силами, тесно сблизившихся с более древним тюркоязычным населением этих мест и принявших его имя мещеряков, или мишарей).

Б. А. Васильев во второй части своей статьи несколько проясняет (но не решает) вопрос о древнем этническом слое современных татар-мишарей, которые сформировались на указанной территории, а позднее расселились гораздо шире, вплоть до западных районов Приуралья. Карта расселения современных татар-мишарей на древней мещерской земле с указанием мещерских городов, впоследствии центров татар-мишарей, очень интересна, хотя и требует ряда дополнений в южной, преимущественно за-волжской, части.

В целом статья Б. А. Васильева дает ценные материалы для решения давнишнего и весьма запутанного спора о бургасах, мажарах, татарах-мишарах.

Статьей о бургаско-мордовско-мишарской проблеме заканчиваются в сборнике работы, касающиеся мордвы в целом. Две последние статьи рассматривают происхождение и бытовые особенности небольших этнографических групп мордвы.

Статья В. П. Ежовой посвящена оригинальной локальной группе мордвы Теньгушевского района — мордвы-эрзи, подвергшейся значительному влиянию мордвы-мошки. Автор довольно подробно характеризует исторические условия, в которых произошли отрыв группы мордвы-эрзи от основного массива эрзи и передвижение ее в районы обитания мордвы-мошки. Далее автор, в плане сравнительного анализа эрзянских и мокшанских черт, рассматривает быт мордвы-эрзи, дает подробное описание одежды, головных уборов, украшений, жилища, старинной техники сельского хозяйства, а также некоторых обычаев свадебного цикла. Отмечается в статье тесная связь теньгушевской мордвы с русским населением, в среде которого она оказалась, и большое культурное влияние русских. В целом статья весьма интересна как хорошо и на большом материале составленный очерк быта данной группы мордвы.

Статья В. Н. Белицера является первым глубоким исследованием этнографической группы мордвы-каратаев. До сих пор авторы, писавшие о каратаях, уделяли внимание главным образом проблеме их происхождения. В работе В. Н. Белицера мы находим подробное описание старого и современного быта каратаев, их материальной и духовной культуры.

Касаясь проблемы этногенеза, автор приводит высказывания ряда исследователей, начиная с И. И. Лепехина, рассматривавших каратаев то как отатаренную мордву, то как крещеных татар, подвергшихся влиянию мордвы. Большинство авторов признавало мордовское происхождение каратаев.

К этому можно добавить, что и само население, например крещеные татары д. Ташкирмень, расположенной на левобережье Волги в месте ее слияния с Камой, считают себя по происхождению мордвой — родственниками каратаев. При раскопках могильника XVII в. около д. Ташкирмень обнаружена могила с мордовским ритуальным погребением. Подобные же следы мордовских захоронений найдены и севернее — в могильнике у с. Карташихи и в Казани около памятника павшим воинам¹. Таким образом, мордовское население, родственное каратаям, прослеживается на левобережье Волги от устья Камы до Казани. Переселилась ли мордва на правый берег с левобережья, как считает Н. Ф. Калинин, или наоборот, сказать невозможно, но наличие отатаренной мордвы установлено на обоих берегах. Интересные сведения о мордво-каратаях сообщил мне известный мордовский ученый М. Е. Евсеев. В конце прошлого века, когда он посещал их, они, наравне с татарским, знали мордовский язык и объясняли это так: «мы дома мордва», т. е. говорим по-мордовски, а «на улице татары». В 1927 г., когда я приехал в Мордовские Каратаи, жители уже и дома говорили по-татарски, но рассказали мне, что девушка перед свадьбой причитает «на неизвестном ей языке» — по-мордовски. Себя они называли мухша и прибавляли, что у них имеются родственники в Ташкирмене. Таким образом, каратаи — это локальная группа мордовского народа, значительно отатарившаяся, так что некоторая часть ее стала называть себя татарами, а поскольку они были христианами, то крещеными.

Статья В. Н. Белицера снабжена многочисленными, в том числе и цветными, рисунками.

Сборник написан на высоком научном уровне и намного увеличивает наши знания о мордовском народе, а также соседнем населении Волго-Камья.

Н. Воробьев

¹ Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков, Итоги археологических работ за 1945—1952 гг., Труды Казанского филиала АН СССР, серия исторических наук, Казань, 1954, стр. 62.

С. С. Черников, *Восточный Казахстан в эпоху бронзы*. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 88, Изд-во Академии наук СССР, М.—Л., 1960, 272 стр.

Рецензируемая книга представляет собой монографическое исследование по археологии восточных областей Казахской ССР, основанное на результатах многолетних полевых работ автора в качестве начальника Восточноказахстанской археологической экспедиции ИА АН СССР и ИИАЭ АН Казахской ССР, и является частью задуманных им «Очерков древней истории Восточного Казахстана» от древнекаменного века до тюркского времени. Выпуск в свет этой части предполагаемого большого труда раньше других обусловлен, как пишет автор, важным значением эпохи бронзы в истории Восточного Казахстана, а также тем, что памятники этого времени в настоящий момент наиболее разработаны.

Эпоха бронзы в Казахстане (в частности, в его восточных областях) в основном представлена археологическими памятниками так называемой андроновской культуры. Последняя занимает важное место среди культур древнего населения СССР, и ее пристальное изучение составляет насущную задачу советской исторической науки. Этим определяется значение рецензируемой книги. Автор построил ее как публикацию памятников андроновской культуры в Восточном Казахстане, добытых главным образом его собственными раскопками и еще не освещенных в достаточной мере в печати, и на их основе попытался датировать и выяснить особенности андроновской культуры в пределах исследованной им территории. Не останавливаясь на этом, он предлагает читателю свой очерк происхождения и основных линий исторического развития племен андроновской культуры в целом, выходя, таким образом, за пределы, определяемые заглавием его книги. Само собой разумеется, что в своих исследованиях он был ограничен современным состоянием источников, и это необходимо иметь в виду при оценке как положительных, так и отрицательных сторон рецензируемой работы. В качестве особой части дана глава 6 — «Некоторые вопросы древнего горного дела и металлургии», представляющая собой переработанное и значительно сокращенное повторение старой работы автора «Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая» (Алма-Ата, 1949), дополненное новыми данными. Эта глава, несомненно, представляет специальный интерес.

Большую часть рецензируемой работы (примерно три четверти общего объема) занимает публикация материалов и справочная часть, что, разумеется, составляет ее положительную сторону, но нельзя не признать, что здесь в книге допущены некоторые излишества. Так, учитывая ее тему, мы совершенно не можем оправдать публикацию археологической карты Семипалатинской и Восточно-Казахстанской областей с пространством (17 страниц) перечислением памятников всех эпох, от палеолита до средневековья, тем более что имеется и специальная карта размещения памятников андроновской культуры (рис. 1).

Остальные разделы книги, содержащие публикацию материала и справочные сведения, без сомнения, необходимы и полезны. Сюда относятся: описание исследованных автором поселений и могильников, а также случайных находок, хранящихся в центральных и местных музеях (глава 1); краткое описание результатов раскопок Восточноказахстанской археологической экспедиции с перечислением и характеристикой основных добытых материалов; определение образов фауны и флоры (глава 2); список поселений и могильников андроновской культуры; список бронзовых андроновских орудий и оружия; определение и подсчет костей животных, найденных при раскопках; результаты споро-пыльцевого анализа проб грунта; анализ бронз, произведенный А. Г. Тимофеевым; опыт подсчета количества олова, добытого в древности из Калбинского и Нарымского рудных месторождений; многочисленные таблицы с изображениями древних изделий, фотографии и чертежи.

К сожалению, публикационно-справочная часть выполнена недостаточно тщательно и изобилует пропусками и ошибками. В книге нет, например, плана раскопок близ аула Канай, не даны результаты анализа материала, из которого изготовлены наконецник копья из канайского селища и наконецник стрелы, найденный в могиле 9 соседнего могильника, что является весьма серьезным упущением, учитывая уникальность этих предметов и их значение в качестве образцов материальной культуры древнейших периодов. В списке поселений и могильников андроновской культуры (приложение 2) пропущены крупные андроновские памятники Западного Казахстана — могильник в поселение в урочище Тасты-бутах, отсутствующие и на карте; исследователем могильника на оз. Сарыколь (№ 31) назван один С. С. Черников, но до него там велась раскопки Л. К. Нифонтова; в числе исследователей могильника Боровое пропущен П. И. Преображенский (№ 44). В тексте книги (глава 4) и на таблицах Б и LXXVII даны различные даты абсолютной хронологии второго и третьего периодов андроновской культуры Восточного Казахстана. Много неточностей в ссылочном аппарате и в подписях под рисунками (например, на изображениях одних и тех же ножей — табл. XXXVI. I и XLVII, 2, 4 — автор ссылается дважды, один раз относя их к ножам «с обособленной рукояткой», стр. 82, а другой — к ножам «с пластинчатым уступом», стр. 83).

Несмотря, однако, на многочисленные упущения и неточности, публикационно-справочная часть рецензируемой работы, без сомнения, полезна для интересующихся археологией эпохи бронзы. Значительно меньший интерес представляет собственно иссле-

довательская часть книги, и это очень жаль, так как научный анализ восточноказахстанских археологических материалов, несомненно, пролил бы новый свет на проблемы, связанные с андроновской культурой, и на проблемы истории эпохи бронзы в СССР в целом. К сожалению, именно в этой части работа С. С. Черникова наиболее неблагоприятна, что и побуждает нас внимательно заняться ею.

Наиболее важной частью оригинальных исследований автора является попытка установления хронологических этапов развития андроновской культуры на территории Восточного Казахстана (глава 4). Распределение археологических памятников по отдельным сменяющим друг друга этапам в археологическом исследовании преследует цель выяснить подлинную историю развития древних обществ, установить реальные этапы их жизни. Поэтому в основе такого исследования должно лежать определение тех групп памятников, которые бытовали совместно, образуя компактную группу, комплекс, отличный по характеризующим его признакам от других групп памятников, бытовавших совместно с ним. Только установив такие комплексы памятников и определив их относительную и абсолютную хронологию, можно придать им значение этапов, отражающих действительные периоды развития общества. Таково основное методологическое требование, к сожалению, не учтенное С. С. Черниковым, что привело его к ряду ошибок весьма серьезного характера.

Приняв за основу предложенные С. В. Киселевым общие рамки андроновской культуры — от XVII—XVI и до XIII—XII вв. до н. э. — и прибавив время карасукской культуры, С. С. Черников датирует андроновскую культуру XVIII—VIII вв. до н. э. и в этих хронологических пределах размещает выделенные им четыре этапа андроновской культуры Восточного Казахстана, приписав каждому из них примерно одинаковую продолжительность.

Первому этапу — Усть-Буконовскому — он отводит XVIII—XVI вв. до н. э. К этому этапу, по его мнению, относятся немногочисленные находки орудий примитивного облика, изготовленных, как он считает на основании впечатлений от их внешнего вида, «не из меди, а, по-видимому, уже из бронзы» (стр. 95), хотя анализ их не производился, а литой и поэтому признаваемый им «несколько более поздним» наконечник стрелы с рудника Джеламбет изготовлен из почти чистой меди (стр. 95, прим. 2 и 3). Типологически эти орудия не андроновские, и по крайней мере часть их, несомненно, очень ранняя, что с оговоркой признает и автор рецензируемой работы (стр. 96). Поэтому отнесение их к Усть-Буконовскому этапу андроновской культуры произвольно. Далее, к Усть-Буконовскому этапу С. С. Черников относит два сосуда из могильника Усть-Буков. Оба они найдены в обломках в заполнении могил V—IV вв. до н. э. и, возможно, попали сюда из полностью уничтоженных андроновских погребений. По форме оба сосуда андроновские (табл. VII, 1 и 2), но их орнамент, как полагает С. С. Черников, также характерный для андроновской культуры, но покрывающий всю поверхность сосудов, сближает их с керамикой афанасьевской культуры и окуневскими сосудами. На этом основании автор относит эти сосуды к своему Усть-Буконовскому этапу, хотя их форма и орнамент находят себе полные аналоги в сосудах из поселения и могильника близ аула Канай (см. табл. XIX, 2, 5 и табл. LXXVII), а следовательно, они датируются канайским временем. Наконец, к Усть-Буконовскому этапу С. С. Черников относит могилу 9 могильника Канай, заключенную в квадратную оградку из вертикально поставленных гранитных плит. Здесь, на краю могильной ямы, найдены черепки верхней части сосуда, украшенного беспорядочными вдавлениями конца палочки, астрагал и обломок трубчатой кости козы. В могиле оказалось непотребованное парное погребение мужчины и женщины, лежавших рядом на спине, с поднятыми коленями, головами на восток. Погребенные, как говорит автор, принадлежат к андроновскому типу (стр. 34 и 94)¹. Скелеты были частично окрашены охрой; поверх человеческих костей оказались кости конечностей козы, а около мужского скелета находился наконечник стрелы, по словам автора, бронзовый (стр. 32, 34)², очень своеобразной и, без сомнения, архаической формы (табл. XXa, 2).

По обряду (положение скелетов, краска, кости козы) это погребение не андроновское. О сосуде же С. С. Черников пишет: «Орнамент найденного здесь сосуда — вдавления палочки, разбросанные в беспорядке по всему тулову, — не является ни андроновским, ни афанасьевским, а занимает как бы промежуточное положение; форма же сосуда — плоскодонная, андроновская» (стр. 94). Однако считать этот сосуд андроновским на том основании, что он плоскодонный, никак невозможно, так как его донная часть не сохранилась (см. табл. XXa, 4). Да и сама связь его с погребением 9 (ведь найдено всего несколько черепков «на краю могильной ямы») весьма сомнительна.

Таким образом, андроновскими в указанном погребении остаются только оградка вокруг могилы и антропологический тип одного из погребенных. Но оградки характерны и для афанасьевской культуры, а антропологический тип непосредственно показан

¹ В. В. Гинзбург, изучавший скелеты из раскопок С. С. Черникова, любезно сообщил нам, что череп мужчины из могилы 9 Канайского могильника определен им как европеоидный, андроновский (с некоторой долей сомнения ввиду плохой сохранности), а череп второго скелета определению не поддается. С. С. Черников на стр. 34 дает неправильную ссылку на статью В. В. Гинзбурга.

² Утрачен и соответствующему анализу не подвергался.

телем археологической культуры служить не может. Мы видим, следовательно, что оснований для выделения Усть-Буконовского этапа в качестве начального этапа андроновской культуры не имеется, и эту попытку С. С. Черникова дополнить и уточнить периодизацию этой культуры следует считать несостоятельной.

Поместив описанное погребение и некоторые архаичные по своему облику металлические предметы в заранее им принятые хронологические рамки андроновской культуры, С. С. Черников тем самым отнес их к этой культуре и поставил в прямую связь с последующим ее этапом. Но для этого, как мы видели, у него не было никаких оснований. Указанные погребения и предметы, несомненно, древнее андроновской культуры и по своему облику не имеют с ней ничего общего. Здесь сказалось неправильное понимание автором определения термина «археологическая культура», некритически заимствованного им у А. Я. Брюсова (стр. 11).

Как известно, А. Я. Брюсов под археологической культурой понимает «единство археологических памятников на сплошной и ограниченной территории, относящихся к определенному промежутку времени», и связывает понятие археологической культуры с конкретным периодом в истории какой-либо этнической группы³. Однако «единство памятников на сплошной и ограниченной территории» может быть только территориальным единством, что отнюдь не предполагает единства культурного, а носителями одной и той же по своему облику культуры могут быть представители различных этнических образований. Очевидно, С. С. Черникова определение археологической культуры, данное А. Я. Брюсовым, привлекло именно возможностью связать культуру с этносом (андроновский антропологический тип одного из погребенных в Канае).

В основу дальнейшей периодизации С. С. Черников кладет керамику — наиболее многочисленный на всех четырех раскопанных им поселениях археологический материал, — разделяя ее по характеру орнаментации, форме сосудов и технике изготовления на три группы, которым он придает датирующее значение (стр. 75).

К первой, наиболее ранней группе С. С. Черников относит баночные и горшковидные сосуды, изготовленные техникой налепа и украшенные геометрическим орнаментом («елочка», заштрихованные треугольники и меандровидные фигуры, выполненные оттисками гладкого или зубчатого штампа), а также отпечатками конца палочки. К этой же группе принадлежат сосуды с так называемыми «жемчужинами» — круглыми выпуклостями на внешней стороне сосудов. Вторая, более поздняя группа состоит из горшковидных сосудов той же техники изготовления, украшенных налепными валиками обычно с нанесенными на них наклонно расположенными оттисками гладкого или гребенчатого штампа. Наконец, третья, наиболее поздняя группа «с грубым орнаментом», отличающаяся от предыдущих и по форме, и по орнаментации, и по технике изготовления сосудов (они выдавливались из целого куска глины). Орнаментация сосудов этой группы грубее, проще, но вместе с тем и разнообразнее предыдущих. Преобладает один ряд «елочки», косая сетка, беспорядочные вдавления, насечки, «жемчужины» и нарезки по венчику. Часто сосуды совсем не орнаментированы или орнаментированы очень скупо. Новой формой являются сосуды с раздутыми боками и прямой шейкой.

На хронологическом соотношении описанных групп керамики необходимо сосредоточить особенное внимание, так как от решения этого вопроса зависит оценка правильности датировки С. С. Черниковым исследованных им поселений, предложенной им периодизации андроновских памятников Восточного Казахстана, а следовательно и некоторые его исторические выводы.

Керамика первой группы встречается на всех четырех поселениях, а керамика второй и третьей групп — в Усть-Нарыме, Мало-Красноярке и Трушникове, но отсутствует в Канае. Последнее с несомненностью выделяет поселение Канай из числа других как наиболее древнее, так как вторая и третья группы керамики бесспорно моложе первой, что подтверждается и другими находками в Канае, например металлическим наконечником копья примитивной формы или костяными ножами. Однако с датировкой Мало-Красноярки, Трушниковой и жилища 2 Усть-Нарыма дело обстоит значительно сложнее и зависит в первую очередь от правильности датировки керамики второй и третьей групп.

Правильно считая, что керамика второй группы вошла в употребление позднее керамики первой группы, С. С. Черников настойчиво подчеркивает их относительную хронологическую близость, отрывая тем самым вторую группу керамики от третьей. Так он, графически показывая распределение керамики различных групп на раскопанных площадях своих поселений, всегда обозначает места находок черепков керамики первой и второй групп одним и тем же значком, а для керамики третьей группы употребляет другой значок (рис. 7, 11 и табл. XXII). Этим он, отступая от объективности, сознательно навязывает читателю представление о значительной древности керамики второй группы сравнительно с керамикой третьей группы.

Рассматривая этот вопрос, С. С. Черников присоединяется к мнению О. А. Кривцовой-Граковой, которая считает, что керамика с налепными валиками (у С. С. Черникова — керамика второй группы) появляется очень рано, еще на первом, федоров-

³ А. Я. Брюсов, *Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху*, М., 1952, стр. 20.

ском этапе андроновской культуры (стр. 100). При этом С. С. Черников указывает на наличие валиков на сосудах, несомненно, раннего (федоровского) могильника Орак, канайского могильника и на керамику с валиками в Ново-Буринском селище, где найдены и федоровские черепки (стр. 99). Он считает непонятым исключением отсутствие керамики с валиками на Кипельском селище, где К. В. Сальникову удалось расчленить материал на два этапа — федоровский и алакульский.

Мнение С. С. Черникова и доказательства, им приводимые, от начала до конца ошибочны. В могильнике Орак нет сосудов с налепными валиками. Там есть один сосуд с утолщением в виде валика, но этот валик не налепной⁴. То же самое приходится сказать и относительно канайского могильника, который, конечно, известен С. С. Черникову лучше, чем нам. Здесь в могиле I найден сосуд с валиком у венчика, о котором сам С. С. Черников пишет, что он (валик) «не налепной, а образован защипом сырой глины» (стр. 32, табл. XIX, 1, верхний черепок). Ново-Буринское же селище — памятник двуслойный, что хорошо выясняется стратиграфически, и керамика с валиками там связывается с верхним поздним слоем, а не с нижним, федоровским⁵. Что же касается Кипельского селища, то оно в настоящее время уже не является единственным андроновским селищем с федоровским или алакульским керамическим комплексом без сосудов с налепными валиками. Налепных валиков нет и на андроновском селище Тастыбутах алакульского времени (Актюбинская обл.).

Из сказанного с несомненностью вытекает, что керамика с налепными валиками появляется довольно поздно, не на федоровском этапе и даже не в начале алакульского, а скорее всего к концу последнего. Но в таком случае отпадают и основания для выделения по этому признаку в Восточном Казахстане особого Мало-Красноярского этапа андроновской культуры (третьего по схеме С. С. Черникова), синхронного алакульскому этапу на западе.

Ошибочно мнение С. С. Черникова и относительно значительного хронологического разрыва между временем появления керамики второй и третьей групп, что он действительно подчеркивает (стр. 101). На Мало-Красноярском и Трушниковском поселениях керамика третьей группы («с грубым орнаментом») встречена совместно с керамикой второй группы, в чем легко убедиться по соответствующим рисункам⁶. Аналогичная картина наблюдается и на западе, например в поздних поселениях Алексеевском и Садчиковском, хотя керамики с грубым орнаментом там, как пишет С. С. Черников, «немного». Уже одно это говорит о принадлежности Мало-Красноярского и Трушниковского поселений к одному хронологическому этапу и об искусственности выделения в каждом из них разноэтапных комплексов. Да иначе и быть не может, так как если первая, наиболее ранняя группа керамики, характерная для Канайского этапа, продолжает существовать совместно с керамикой второй группы и на следующем Мало-Красноярском этапе, то совершенно невероятно полное исчезновение этих групп с переходом к завершающему Трушниковскому этапу. Сам С. С. Черников энергично отвергает возможность предположения появления на Трушниковском этапе в Западном Казахстане новой культуры, сменившей андроновскую, и убедительно доказывает непрерывность культурной традиции эпохи бронзы на этой территории; нет никаких указаний и на смену населения (стр. 103—104).

Из изложенного вытекает, что выделение на поселениях Мало-Красноярка и Трушниково по одному жилищу в качестве памятников Мало-Красноярского этапа совершенно неправомерно, и эти поселения, как и жилище 2 в Усть-Нарыме, следует датировать целиком временем заключительного этапа андроновской культуры.

Ко второму, Канайскому этапу (XV—XIII вв. до н. э.) С. С. Черников относит поселение у аула Канай, жилище 1 в Усть-Нарыме, поселение Барашки 1, 2 и 3, выделяемую им первую группу керамики и большую часть бронзовых орудий, имеющих распространение на всей территории андроновской культуры (орудия общеказахстанских форм). Сопоставление Канайского этапа в Восточном Казахстане с федоровским в других районах андроновской культуры, главным образом по керамике, вообще не вызывает сомнений, однако его абсолютные хронологические рамки и характеристика отличающих его признаков материальной культуры, в особенности при сопоставлении со следующим, Мало-Красноярским этапом, требует существенных оговорок.

Прежде всего С. С. Черников незаконно помещает керамику могильников Сарыколь 1 и 2 и Малый Койтас в 3-й, Мало-Красноярский этап своей схемы, соответствующий алакульскому этапу андроновской культуры на западе. Эта керамика и по форме и по орнаментации сосудов типично федоровская (табл. IV, 3; V, 1; LXXVIIб, 17), и следовательно, ее место во 2-м, Канайском этапе. Могильники Сарыколь 1 и 2 датируются федоровским этапом. Мнение же С. С. Черникова, что они синхронизируются с алакульскими могильниками по значительности размеров погребальных сооружений и величине камней, употребленных на сооружение оградок (стр. 99), по меньшей мере наивно, так как раскопанные и нераскопанные в Сарыколе курганы, кроме одного, весьма

⁴ Архив Института археологии АН СССР, ф. № 42, д. 97, л. 18.

⁵ К. В. Сальников, Раскопки у села Ново-Бурино, «Сов. археология», XXIX—XXX, М., 1959, стр. 176—185.

⁶ Рис. 7 и 11. Поселение Усть-Нарым в этой связи можно не учитывать, так как там найдено всего восемь черепков второй группы (два от венчиков и шесть от стенок сосудов, стр. 39).

скромных размеров (стр. 15—16, табл. IV, 1, 4, 5 и V, 3), да вообще величина надмогильных сооружений андроновской культуры не является показателем их древности.

Что же касается могильника Малый Койтас, в погребальном инвентаре которого (кроме керамики, безусловно, федоровской) имеются некоторые карасукские и алакульские черты, то он, если в его составе не было более поздних погребений, скорее всего относится к концу федоровского этапа, даже в том случае, если по абсолютной хронологии и принадлежит к началу следующего этапа (по С. С. Черникову).

При выделении второго (Канайский), третьего (Мало-Красноярский) и четвертого (Трушниковский) этапов своей схемы С. С. Черников применил методологически неправильный принцип: произвольно намеченными хронологическими границами он попытался разделить имеющийся в его распоряжении материал, в то время как следовало поступить наоборот — сгруппировать материал по определенным совместно встречающимся признакам, отвечающим относительной хронологии, а затем полученные таким способом комплексы датировать в пределах возможного.

В результате применения такого ошибочного методологического приема у С. С. Черникова часть материала разнесена по этапам развития андроновской культуры неправильно, а другая переходит из одного этапа в другой, лишая их четкой разграниченности, которая только и могла послужить основанием к их выделению. Мы уже видели, что федоровская керамика с богатой орнаментацией отнесена автором рецензируемой работы к Мало-Красноярскому (алакульскому) этапу без реальных оснований и должна помещаться в рамках Канайского (федоровского) этапа. Другая часть материала — бронзовые орудия и оружие общекзахстанских типов, по мнению автора, появившись в канайское время, существует и в мало-красноярское (см. табл. LXXVII, на которой переход отдельных предметов из одного этапа в другой обозначен стрелками).

При анализе материала из канайского поселения нельзя не обратить внимания на следующее обстоятельство. Найденный здесь бронзовый (?) наконечник копья безусловно синхронен культурному слою (стр. 30). Ни по своим размерам, ни по форме он не имеет ничего общего с наконечниками копий сейминско-турбинского типа, которые датируются примерно тем же временем, что и Канайский этап С. С. Черникова (XV—XIII вв. до н. э.). Последним, как известно, синхронны найденные в довольно значительном количестве в Восточном Казахстане и на Алтае кельты (см. табл. рис. 17), считающиеся С. С. Черниковым местным казахстанским орудием (стр. 81), но которые тем не менее бесспорно входят в круг изделий подобного рода, широко распространенных в лесной зоне Сибири и Урала. Отрывать этот тип кельтов от втульчатых наконечников копий сейминско-турбинского типа невозможно, тем более что в ближайшем к Восточному Казахстану крупном центре производства под Томском (поселение Самусь 4) найдены литейные формы как того, так и другого вида изделий.

Странным в этой связи выглядит тот комплекс бронзовых изделий, которым С. С. Черников характеризует свой Канайский этап. Он приписывает ему одновременное существование как указанных кельтов, так и наконечников копий типа, найденного в Канае, ничего общего с наконечниками сейминско-турбинского типа не имеющего. Если согласиться с С. С. Черниковым, то придется считать, что население Восточного Казахстана на Канайском этапе одновременно производило как кельты, имеющие прямые аналоги на других территориях, так и наконечники копий, совершенно оригинальные и несравненно более примитивные по сравнению с наконечниками, уже известными их ближайшим соседям. Примитивность и оригинальность канайского наконечника копья может указывать либо на то, что он древнее сейминско-турбинских наконечников копий, а следовательно и кельтов, либо, если считать их одновременными, что население Восточного Казахстана, по крайней мере в начале канайского этапа, не имело связей со своими северными соседями. Но в последнем случае следует и кельты считать изделиями, появившимися в Восточном Казахстане несколько позднее.

Кинжалы с выемкой у основания (ножи срубного типа) — оружие или орудие, общее для андроновской и срубной культур — действительно появляются довольно рано, но почти все их находки на территории Казахстана относятся к алакульскому этапу (Мало-Красноярскому, по С. С. Черникову), и, следовательно, отнесение их к федоровскому (Канайскому) незаконно. Правда, С. С. Черников считает, что, «судя по аналогиям со срубной культурой, они, несомненно, бытовали и раньше» (стр. 79), но это утверждение голословно и находится в явном противоречии с его же совершенно справедливым замечанием, что в Средней Азии и Казахстане подобные ножи или кинжалы имеют даже карасукские черты и что «проследившая распространение этих кинжалов с запада на восток, можно хорошо заметить развитие их формы» (стр. 78).

Слабо изогнутые бронзовые серпы с одним или двумя отверстиями для прикрепления рукоятки, кроме случайных находок, найдены в относительно поздних памятниках (Мало-Красноярка, Алексеевка, Степняк, Тулайкин аул), и поэтому мнение С. С. Черникова, что «появились они в связи с развитием земледелия, скорее всего на федоровском этапе» (стр. 79), также голословно.

Вислобушные бронзовые топоры — форма по происхождению, возможно, ранняя, но они существовали долго. То же самое приходится сказать и относительно втульчатых двуперых наконечников стрел с узкой конической втулкой, так что ни тот, ни другой вид орудия не характеризует только федоровского (Канайского) этапа.

Таким образом, большая часть бронзовых орудий и предметов вооружения (ножи срубного типа, вислобушные топоры, серпы и кельты) для Канайского этапа Восточ-

ного Казахстана, если этот этап датировать XV—XIII вв. до н. э., не характерна, и эти изделия следует отнести к более позднему времени. С другой стороны, в Канайский этап из последующего Мало-Красноярского следует перенести типично федоровские горшки со сложным орнаментом.

Но наиболее неблагоприятно у С. С. Черникова обстоит дело с третьим, Мало-Красноярским этапом. Керамика федоровского типа, как мы видели, из него выпадает, а керамика второй группы (по С. С. Черникову), т. е. сосуды с наклепными валиками, датируется не древнее самого конца алакульского времени и не может быть оторвана от керамики третьей группы, самой поздней, Трушниковского этапа. Следовательно, Мало-Красноярский этап остается без керамики. Но если учесть, что отнесенные С. С. Черниковым к его третьему этапу бронзовые кинжалы и ножи «с обособленной рукояткой», втульчатые долота, тесла и наконечники копий (или ножи) с утолщением у черешка, а вместе с ними даже и предметы из второго (Канайского) этапа, такие, как серпы и двуперые наконечники стрел с узкой втулкой, не могут быть оторваны от бронзовых предметов заключительного Трушниковского этапа, то Мало-Красноярский этап С. С. Черникова лишается содержания, исчезает.

В настоящее время в Восточном Казахстане отсутствуют памятники, которые могли бы поместиться между Канайским (федоровским) и Трушниковским (замараевским, дындыбаевским) этапом, т. е. памятники, соответствующие алакульскому этапу на западе, и поэтому следует считать, что либо со временем такие памятники появятся, либо окажется, что и здесь, как на Енисее, федоровский этап непосредственно сменился «карасукским» (если и на Енисее отсутствие промежуточного звена не является следствием недостаточности наших знаний). Но во всяком случае Мало-Красноярский этап С. С. Черникова является фикцией.

Что же мы получаем в итоге? Из четырех этапов андроновской культуры Восточного Казахстана, предложенных С. С. Черниковым, первый (Усть-Буковский) к этой культуре не принадлежит и по недостатку материала не может быть обрисован с достаточной полнотой; третий (Мало-Красноярский) не существует; второй (Канайский) и четвертый (Трушниковский) представлены по содержанию не полно и датированы не точно. Таким образом, предложенное С. С. Черниковым членение андроновской культуры Восточного Казахстана на четыре этапа не имеет объективного обоснования и не способствует уточнению наших знаний по хронологии бронзовой эпохи.

Говоря об особенностях восточноказахстанского варианта андроновской культуры (глава 3), С. С. Черников прежде всего называет высокий уровень развития горного дела и металлургии, что, по его словам, «не могло не отразиться на уровне жизни и темпах общественного развития» (стр. 67). Последний тезис имеет, однако, скорее декларативный характер: насколько сказался уровень развития металлургии на темпах общественного развития населения Восточного Казахстана проследить по наличному археологическому материалу не удастся.

Различия в некоторых деталях формы и орнаментации глиняных сосудов в общем намечены С. С. Черниковым правильно. Так, действительно для восточных областей андроновской культуры характерны так называемые «жемчужины», не известные на сосудах в центральных и западных областях. Уступки на плечиках сосудов, возможно, правильно представлен в качестве не только хронологической, но и локальной особенности керамики. Однако следовало бы при этом учесть и возможность пробелов в наших знаниях. Это же следует иметь в виду и в отношении такого признака, как несрассеченная полоса на шейке сосудов, характерная на западе для алакульского этапа. В целом, вполне соглашаясь с возможностью очертить особенности орнаментации андроновской керамики по районам, следует сказать, что С. С. Черников несколько увлекается, не учитывая степень полноты наших современных знаний, и ошибочно, как мы видели, полагает, что в его распоряжении имеются в Восточном Казахстане памятники всех этапов.

Не вызывает возражений указываемое С. С. Черниковым своеобразие восточноказахстанских бронзовых изделий, отражающее значительное влияние карасукской культуры, что уже давно показал М. П. Грязнов.

Что же касается особенностей производства и быта (стр. 87—91), то они, по материалам С. С. Черникова, для Восточного Казахстана по сути дела не прослеживаются. Здесь, как и в других местах, наблюдается сочетание скотоводства и примитивного земледелия при очень малом хозяйственном значении охоты, домашнее производство бронзовых украшений и глиняной посуды. Неясность остатков жилищ в раскопках С. С. Черникова не позволяет говорить о каких-либо локальных особенностях в домостроительстве. В обряде погребения в Восточном Казахстане, как и в других областях, кроме Зауралья и Северного Казахстана, действительно, трупосожжение не отмечается исключительно на федоровском этапе.

Установление локальных различий андроновской культуры — дело очень нужное, но в настоящее время вряд ли можно пойти дальше различия в некоторых деталях.

Значительное место уделяет С. С. Черников вопросу происхождения андроновской культуры (глава 5). Этот вопрос еще не выяснен, и поэтому точка зрения автора рецензируемой работы, претендующего на его разрешение, заслуживает рассмотрения.

Культурно-этнической основой андроновской культуры С. С. Черников считает казахстанский неолит, справедливо указывая, что характерные черты этой культуры зарождались «на широкой территории, а не только в каком-либо одном районе» (стр. 108).

Однако, переходя к конкретному рассмотрению вопроса, С. С. Черников резко сужает территорию, на которой, по его мнению, складывалась андроновская культура.

На первой из четырех карт, где он показывает распространение андроновской культуры по своим четырем этапам (рис. 20), он отводит первому, Усть-Буконьскому этапу только три небольших и расположенных изолированно территории — верховья Иртыша, правобережья верхнего Ишима — одним погребением в Чаглинке, материал которого известен только по воспоминаниям А. В. Шмидта, а для Енисея — предположением о переселении сюда в усть-буконьское время части населения из Восточного Казахстана, подкрепленным гипотезой Г. Ф. Дебеца о возможном казахстанском происхождении андроновского антропологического типа и своим собственным мнением о невозможности сложения андроновской культуры Енисея на местной афанасьевской основе⁷.

Нет нужды говорить, что указанное переселение никакими материалами не доказывается. Кроме того, известно, что М. Н. Комарова в свое время убедительно обосновала возникновение культуры окуневского этапа на Енисее именно на местной афанасьевской основе⁸.

Точка зрения С. С. Черникова по вопросу о территории, где складывалась андроновская культура, находится в остром противоречии с его же собственным утверждением, что единообразие андроновских форм материальной культуры сложилось на основе широко распространенного единообразия культуры казахстанского неолита. Несомненно, что в будущем будут открыты памятники переходного типа на гораздо более широкой территории, чем очерченная С. С. Черниковым. Совершенно ясно и то, что ограниченность наших знаний не может служить основанием для исторических выводов (что отмечает и редактор рецензируемой книги М. П. Грязнов), и поэтому решение С. С. Черниковым вопроса о территории возникновения андроновской культуры не может быть принято даже в качестве гипотезы.

Дальнейшая история расселения андроновских племен по картам, составленным С. С. Черниковым, отражает, как и в первом случае, скорее состояние наших знаний в сочетании с некоторыми произвольными толкованиями известных фактов, чем историческую реальность. Так, на карте расселения федоровской группы племен территории Киргизии представлена белым пятном, что, без сомнения, объясняется лишь степенью изученности этого района. С другой стороны, вероятные направления передвижения андроновских племен, обозначенные стрелками, ту же Киргизию не захватывают, и непонятно, откуда же здесь на следующем этапе появляется обширный район, занятый алакульскими племенами.

Поэтому и таблица В, на стр. 111, показывающая порайонное распределение андроновских памятников, не может дать нам объективного представления о ходе расселения андроновцев. Когда лакуны в наших знаниях будут заполнены, картина существенно изменится.

«Контуры исторического развития андроновских племен», предлагаемые С. С. Черниковым в той же главе, представляют собой реферативное изложение имеющихся в специальной литературе сведений относительно общественного, хозяйственного и культурного облика андроновских племен и их исторических судеб и не являясь оригинальным исследованием.

Подводя итоги, можно сказать, что как публикация материалов многолетних раскопок Восточноказахстанской археологической экспедиции и как свод сведений по археологическому изучению Восточного Казахстана работа С. С. Черникова заслуживает, несмотря на имеющиеся в ней неточности и ошибки, положительной оценки, но исследовательская ее часть слаба, а оригинальные выводы автора не только не обогащают науку, но подчас дают неправильную ориентировку, о чем читатель должен быть предупрежден.

В. Сорокин

⁷ Малое количество материалов своего первого этапа С. С. Черников предположительно объясняет его возможной кратковременностью (стр. 96). Но этому этапу он же отводит три столетия — столько же, и даже больше, чем каждому из последующих этапов (стр. 94 и табл. LXXVII).

⁸ Н. М. Комаров, Погребения Окунева улуса, «Сов. археология», IX. М. — Л. 1947.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

М. Попов (в сътрудничество с Г. Г. Марков). *Антропология на българския народ*, т. 1. *Физически облик на българите*, София, 1959.

Первый том монографии М. Попова содержит подробную и тщательную публикацию материала по антропологии болгар, собранного им с 1937 по 1943 г. Всего было исследовано около 9000 человек, из которых около 6000 составили мужчины. Данные охватывают все районы Болгарии и для этой территории не имеют себе равных в отношении полноты. Кроме болгар-христиан были изучены болгары-мусульмане и македонцы. Ценность всех этих данных увеличивается единообразием методики. Основная работа была осуществлена самим М. Поповым; когда же материал собирали его сотрудники, они проводили постоянный контроль над техникой измерений, в том числе повторное измерение одних и тех же лиц различными работниками. Программа исследования включала значительное количество измерительных и описательных признаков, хотя число последних могло быть с пользой увеличено (в частности, приходится высказывать сожаление об отсутствии данных, детально характеризующих профиль носа, строение и форму ноздрей).

Все материалы, представленные в монографии М. Попова, собраны в городе (единственное исключение — область Родоп, которую автор специально посетил для исследования сельского населения). Это определило необходимость очень обобщенной разбивки материала только по крупным территориальным областям. Половину исследованного контингента составили студенты и студентки высших учебных заведений Софии, другую половину — военнослужащие и допризывники. Поэтому возраст приблизительно трех четвертей исследованных составляет 20—25 лет. Это обстоятельство следует иметь в виду при сопоставлении данных М. Попова с данными по другим славянским народам и, в частности, с теми, которые собраны советскими исследователями и характеризуются иным возрастным распределением.

Среди измерительных признаков наиболее закономерное распределение на территории Болгарии обнаруживают продольный и поперечный диаметры головы, головной указатель, наименьшая ширина лба, скуловой диаметр и высотно-широтные указатели лица. По описательным признакам население отдельных районов дифференцируется значительно менее закономерно. Вариации цвета волос и глаз часто идут в противоположных направлениях. Все же картографирование процента индивидуумов с темным цветом волос и глаз показывает, что для населения восточных и южных районов Болгарии характерна некоторая тенденция к усилению пигментации.

Для выделения типов автор прибегает к схематичному, но простому и дающему известные результаты приему. Он попарно скомбинировал основные признаки и подсчитал число сочетаний в различных районах Болгарии. Затем было подсчитано число основных сочетаний по шести признакам и прослежено их географическое распределение. Для этого были выбраны признаки, обнаруживающие закономерное географическое распределение на территории Болгарии и в то же время дифференцирующие в большинстве как современных, так и старых расовых классификаций различные типы европеоидной расы — высота тела, головной, лицевой и носовой указатели, цвет волос и глаз. Сходные комбинации признаков объединяются в типы.

Принятый автором прием анализа вызывает ряд методических возражений. При разбивке вариаций каждого признака на классы не учитывается степень изменчивости признака, и, следовательно, открытым остается вопрос о равноценности классовых интервалов и правомерности их сопоставления. При объединении выделенных комбинаций в типы автор невольно вносит свои априорные представления о классификации рас. Но тем не менее при условии правильного подбора комбинируемых признаков и при наличии массовых данных этот прием дает возможность ориентироваться в материале и свести многообразие индивидуальных и групповых вариаций к определенным территориальным комплексам. Так его оценивает и сам автор: «...анализ комбинаций шести признаков, несмотря на значительную схематичность и условность полученных результатов, дает нам ценные указания как на соотношение антропологических типов, вошедших в состав болгарского народа, так и на территориальное распространение их в различных районах страны» (стр. 258).

Автор выделяет в составе болгарского народа три антропологических типа. Наиболее широкое распространение имеет комбинация признаков, которую В. В. Бунак предложил называть понтийским типом. Население, относящееся к этому типу, занимает северные, центральные и южные районы Болгарии. По направлению к северу на юг уменьшаются черепной указатель и размеры лица и, как уже отмечалось, усиливается интенсивность пигментации. Таким образом, в южных районах Болгарии мы имеем концентрацию типов средиземноморской ветви. Фиксируется среди болгар и резко брахекефальный тип, распространенный преимущественно в северо-западных и западных районах Болгарии. М. Попов делает попытку выделить в его составе два варианта, сопоставленные им с альпийским и динарским типами. Однако в реальности первого из них возникают серьезные сомнения. Слишком обобщенная территориальная разбивка материала не дает возможности проследить локальные вариации важных для разграничения альпийского и динарского типов признаков на территории северо-западной Болгарии. Без этого попытка отделить представителей альпийского типа от «динар-

цев» основывается только на рассмотрении индивидуальных комбинаций признаков и представляется малоубедительной.

Примененный М. Поповым прием попарного комбинирования признаков и затем объединения полученных комбинаций в сочетании шести признаков хотя и погрешивал, по-видимому, от автора большой и трудоемкой работы, мало помог ему в обосновании реальности выделенных типов. Основным критерием их реальности остается закономерное географическое распределение, явствующее из простого сопоставления картограмм отдельных признаков. Таким образом, применение географического метода в данном случае, как и во многих других, могло бы привести к тем же результатам, что и более сложные приемы анализа материала, в частности и те, которые использовал М. Попов; это лишний раз доказывает преимущество географического метода перед всеми другими способами сопоставления. Что же касается определенного количества индивидуумов, которых можно было бы считать представителями альпийского типа, следует иметь в виду, что наличие их в любой популяции, относящейся к динарскому типу, всегда имеет место просто как результат нормальной изменчивости.

Каких-либо следов монголоидной примеси в составе болгар материалы М. Попова не обнаруживают.

Решение вопросов этногенеза болгарского народа осложнено почти полным отсутствием палеоантропологического материала с территории Болгарии. Это обусловило и известную субъективность высказываний автора о происхождении светлопигментированных вариантов. М. Попов считает, что они могут быть связаны либо с древним фракийским, либо с древним славянским населением. Однако светлая пигментация у фракийцев не доказывается какими-либо прямыми данными. В лучшем случае речь может идти о какой-то тенденции по сравнению с соседними народами, что еще недостаточно для признания существенной роли светлопигментированного типа в процессах расообразования на Балканах. Существование самой этой тенденции, повторяю, еще не обнаруживают.

Также не является достаточно убедительной попытка увязать эти варианты с типом древнего славянского населения, которое М. Попов относит к северной расе. Однако краниологические серии из славянских средневековых могильников обнаруживают вполне определенные отличия от черепов из погребений эпохи викингов на территории Скандинавии и северной Германии. Более того, южные группы славянства характеризуются как раз довольно темной пигментацией. Преувеличенное внимание к индивидуальным комбинациям признаков и здесь отрицательно сказалось на убедительности позиции автора, как и в оценке роли альпийского типа. По-видимому, сыграла свою роль и известная дань существующей в западноевропейской литературе традиции фиксировать северную расу везде, где есть даже небольшая тенденция к депигментации. На самом деле количество лиц со светлыми волосами и глазами на севере Болгарии в общем не больше, чем в любой группе представителей понтийского типа. Кроме того, по отношению к территории Родоп заслуживает внимания и гипотеза направленного изменения признаков пигментации в результате изоляции, на что указывает сам автор, рассматривая тип болгар-мусульман этой области. Кстати говоря, болгары-мусульмане, исследованные в разных районах, не обнаруживают определенных отличий от болгар-христиан тех же районов.

М. Попов совершенно справедливо делает из этого факта вывод о том, что принятие мусульманства не сопровождалось увеличением числа браков с турецким населением. На основании антропологических данных также может быть сделан имеющий более широкое этногенетическое значение вывод о тесных генетических связях болгар и македонцев.

В кратком приложении публикуется процентное распределение четырех групп крови у населения разных районов, основанное на определении группы крови почти у 2000 человек.

В общем книга М. Попова содержит обширный материал, значение которого далеко выходит за рамки изучения антропологии Болгарии. Выводы, сделанные на основании изучения этого материала, хотя и, как мы пытались показать, дискуссионны, но интересны и заслуживают всяческого внимания. Будем надеяться, что не заставит себя ждать второй том монографии, содержащий дальнейшее обоснование выводов и результаты сопоставления антропологических данных с этноисторическими.

В. Алексеев

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

«*Social structure in Southeast Asia*». Чикаго, 1960, 182 стр.

Рецензируемая книга представляет собой сборник докладов, прочитанных на симпозиуме по социальной структуре в Юго-Восточной Азии на IX Тихоокеанском научном конгрессе, состоявшемся в Бангкоке (Таиланд) с 18 по 30 ноября 1957 г.

Сборник состоит из предисловия, написанного редактором Джорджем Питером Мардоком, и 10 статей — «Формы социальной организации родственников» Дж. Мардока, Мнонги-гар центрального Вьетнама» Ж. Кондомина, «Игороты Сагада (сев. Лусон)» Фр. Эггана, «Восточные субанун о-ва Минданао» Ч. Фрэйка, «Ибан западного Борнео» Д. Фримэна, «Яванцы южной и центральной Явы» Р. Кунчаранинграта, «Сингалы засушливой зоны северного Цейлона» Е. Лича, «Аборигены Формозы» Т. Мабути, «Дополнительные заметки об аборигенах Формозы» Вэй Хуэй-линя, «Сорочьи мяо южной Сычуани» Жуй И-фу. К сборнику приложены библиография и указатели, что облегчает пользование книгой.

Сборник открывается статьей редактора Дж. П. Мардока, призванной, по-видимому, определить все направление данного издания. Поскольку эта статья носит, как можно считать, установочный характер и в ней в конспективной форме охвачен очень большой материал и широкий круг проблем, необходимо изложить ее содержание подробнее.

Значительная часть статьи посвящена установлению и уточнению терминологии и дефиниций.

Терминология автора имеет специфически англо-саксонский оттенок и трудно поддается переводу. Так, все потомство предполагаемого общего предка («максимальная линейная родственная группа») автор обозначает термином «sib». Если все общество разделено на два очень крупных «sib», то их называют «moieties» (стр. 1). Термин «клан» автор резервирует для «локальной группы»; ядро ее составляют взрослые только одного пола, к которым добавляются их супруги и от которых отделяются их взрослые родичи другого пола, уходящие к своим супругам в другие локальные группы» (стр. 1). Мардок различает по линейности поселения и наследования «матрикланы», «патрикланы» и «авункукланы» (в последнем случае с матрилинейным членением и авункулокальным поселением).

Однако основное внимание автора направлено не на эти однолинейные группы потомков одного предка, на которые общество может быть четко разделено, а на такие группы, для которых центром построения является не предок, а «я», «эго». Автор обозначает их термином «cognatic group», что условно можно перевести как «родственная группа».

Под «родственными группами» автор понимает всю совокупность родственников и свойственников данного индивида. Разные члены такой группы, в отличие от однолинейной группы, могут быть и не родственны между собой, и ясно, что в любом обществе «родственные группы» разных индивидов бесконечно перекрываются, и ни одно общество не может быть четко разграничено на подобные группы.

Все группы родственников, как однолинейные, так и неодлинейные, Мардок делит на три категории по проявленности и тесноте связей между родственниками:

- а) корпоративные группы — семьи, «кланы» (по терминологии автора), патронимии (lineage), т. е. группы с экономической связью;
- б) окказиональные группы (например, современный шотландский клан), которые действуют сообща только в определенных случаях;
- в) описательные группы, которые даже в особых случаях не имеют организационного значения, а служат лишь системой, определяющей права и обязанности индивида к другим. Таков, по автору, обычно «sib» (стр. 5). Принадлежность к нему определяет лишь экзогамные обязанности, право на гостеприимство при путешествиях и т. д.

«Родственные группы», по этой шкале, везде оказываются «окказиональными»: они имеют организационное значение в случаях кровной мести, похорон, крестин, свадеб, инициаций и т. д.

В небольшой рецензии можно коснуться лишь главнейших дефиниционных постулатов Мардока; в статье сформулировано множество более мелких дефиниций и терминов. Например, «lineage», по Мардоку, может быть «unilineal», «nonunilineal», «multilineal», «ambilineal», «bilateral», «uterine» и т. д.; поселение может быть «matrilocal», «patrilocal», «avunculocal», «neolocal», «dislocal», «uxorilocal», «virilocal» и т. д.

Работа по установлению подобных дефиниций в принципе полезна, и никто не станет отрицать важности точной и унифицированной терминологии. Однако, как мы увидим ниже, в погоне за дефинициями кроется опасность впасть в метафизический схематизм, забыть о диалектическом переходе одних категорий в другие, об отсутствии непреходимых граней и универсально пригодных схем.

Особое внимание Мардок уделяет обществам с группировкой родственников «эскимосского типа», для которого он выделяет такие признаки:

- 1) выдающееся значение малых семейных единиц и отсутствие любых форм «большой семьи»;
- 2) преобладающая моногамия при ограниченной и частичной полигамии;

3) амбилокальное или неолокальное поселение, т. е. отсутствие строгих установлений на этот счет;

4) отсутствие экономических, бытовых, религиозных функций у групп с общим предком;

5) наличие обоюдосторонних «родственных групп» или, по крайней мере, отсутствие сведений об их отсутствии (!);

6) отсутствие различий в допусшении к браку кузенов разных подразделений;

7) кузенная терминология эскимосского типа;

8) авункулярная терминология линейного или бифуркатно-коллатерального типа, т. е. не распространение на дядей и теток родительских терминов (стр. 6).

Оставим в стороне правомочность тех или иных пунктов этой анкеты. Однако надо задать вопрос, имеет ли она ценность вообще, если по указанным восьми признакам автор объединяет в один тип столь разные по условиям формирования и уровню социального развития народы, как калинга, андаманцы, кхмеры, французы, аргентинцы, чехи, русские, саамы, ямайцы, японцы, айны, чукчи, коряки?

Какое может иметь значение для нас тот факт, что сюда же должны быть отнесены из всей Океании лишь ассимилированные чаморро Сайпана, а «из почти исключительно однолинейной Африки лишь койсанские охотники» (стр. 6)?

Кстати сказать, здесь автор, вопреки своей высокой требовательности к терминологической точности, сам допускает смешение в одном определении разных понятий — лингвистического и хозяйственного.

Нет надобности доказывать, что отсутствие большой семьи у русских и у эскимосов есть явление, имеющее разный возраст и разные исторические причины, и не может служить критерием для отнесения тех и других к одному типу. То же можно сказать и про многие другие из восьми признаков Мардока.

Всего в своей статье Мардок выделяет три типа «родственной социальной организации», которые характеризуются признаками, сведенными в следующую таблицу:

Категории признаков	Билатеральный тип (эскимосский)	Квазиднолинейный тип (карибский)	Обоюдлинейный тип (полинезийский)
Малая семья	Неизменно играет выдающуюся роль	Редко выделяется	Редко выделяется
Большая семья	Неизменно отсутствует	Почти всегда наличествует	Обычно наличествует
Билатеральный (обоюдосторонний) счет родства	Обычно наличествует	Почти всегда отсутствует	Иногда имеется
Обоюдлинейное ветвление	Обычно отсутствует	Неизменно отсутствует	Почти всегда присутствует
Поселение	Всегда неолокальное или амбилокальное	Обычно монолокальное	Почти всегда амбилокальное
Брак с двоюродными братьями	Часто разрешается	Разрешается с кросскузенами	Неизменно запрещается
Брак с троюродными братьями	Обычно разрешается	Обычно разрешается	Обычно запрещается
Кузенная терминология	Почти всегда эскимосская	Почти всегда ирокезская	Почти всегда гавайская
Авункулярная терминология	Обычно линейная	Обычно бифуркатная	Обычно по поколениям

Хотя в статье Мардока имеются отдельные ценные замечания и наблюдения, основное содержание его статьи — попытка классификации отношений между родственниками — вызывает серьезные возражения. Предложенные схемы представляются надуманными и схоластическими, сам принцип их составления лишен историзма, а выбор признаков, как можно видеть из приведенных таблиц, лишен четкости, необходимой для нахождения подлинно научных критериев.

Материал остальных статей сборника в той или иной степени анализирован Мардоком в духе общих его концепций и призван, очевидно, иллюстрировать эти концепции.

Статьи в сборнике очень различны как по объему, так и по подходу к тематике, хотя, конечно, отношения между родственниками везде находятся в центре внимания.

Авторы не ставили своей задачей построить изложение в соответствии с концепциями первой по порядку статьи, но это пошло не во вред, а скорее на пользу дела.

Работа Ж. Кондомина (Университет Сорбонны) «Мнонги-гар Центрального Вьетнама» посвящена крупному племени горных кхмеров, занимающемуся подсечно-

переложным земледелием на нагорьях Центрального плато. Этот очень короткий очерк (стр. 15—23, включая приложения) касается в основном внутриродовой терминологии, системы и терминов родства. Кондомина отмечает, что несмотря на наличие «длинного дома», основной ячейкой не только хозяйственной, но и обрядово-религиозной деятельности является малая семья, занимающая одну секцию этого дома. Расположение этих семей в доме обуславливается не только родством, но и взаимными симпатиями и подвержено изменениям.

Статья Ф. Эггана (Чикагский университет) «Игороты Сагада (сев. Лусон)» описывает одну из локальных групп этого народа Филиппин, где автор проводил полезные исследования в 1949—1950 гг.

Ф. Эгган подробно останавливается на географическом положении района Сагада и этнографических особенностях его населения, а затем переходит к описанию родственных и семейных отношений. Большое место автор уделяет терминологии родства у игоротов Сагада, а далее описывает обряды, связанные с жизненным циклом. Следует отметить как достоинство работы, что Эгган не отрывает социальную организацию игоротов от хозяйства, экономики.

Как отмечает автор, «у игоротов в Сагада в двустороннюю потомственную группу (bilateral descent group) входят все потомки некоего выдающегося предка, отца-основателя, или выдающегося живущего ныне индивида, независимо от линии родства» (стр. 29). Эта группа, не играя решающей роли в заключении брака, отправляет некоторые связанные с ним церемонии. Члены этих групп имеют право обрабатывать склоны гор, впервые расчищенные и обрабатывавшиеся их предком.

Интересные сведения приводит Эгган о родственных отношениях вне потомственных групп. «Личный круг родственников—это билатеральная группа родственников, окружающая каждого индивида или потомственную группу. Его надо четко отличать от последней, ибо если «это» является фактическим или потенциальным основателем потомственной группы и членом рода потомственных групп, то круг его родственников охватывает всех потомков его пра-прадедов или даже более далеких предков» (стр. 30). «Распространение родственных отношений вплоть до четвероюродных братьев, наверное, обусловлено тем, что «это» обычно получает сведения о родственниках от своего деда, которого, в свою очередь, учил его дед» (там же).

Автор отмечает важность того, что ни рисовые поля, ни источники орошения никогда не связываются с потомственными двусторонними группами (стр. 29). «Это наводит на мысль,—пишет Ф. Эгган далее,—что эти группы могли быть более важными в ранний период переложной культивации корнеплодов» (стр. 29—30).

Затем Ф. Эгган останавливается на классовом расслоении у игоротов в Сагада, терминологии родства, приводя обширные таблицы этой терминологии. Автор сообщает о правилах поведения в обществе у игоротов этой группы, о браке, вытекающих из него взаимных отношениях и связанных с ними терминах родства. Представляет интерес описание Ф. Эгганом жизненного цикла у игоротов и относящихся к нему обрядов.

В заключение статьи автор отмечает значительную сложность социальной системы у игоротов. Как указывает автор, «эта система организована на основе поколений со взаимными отношениями между более далекими родственниками и с выделением основной семьи и ее членов» (стр. 45). Кровное родство имеет первостепенное значение, и брак у игоротов, с точки зрения общины, обычно союз между родственниками (стр. 45). Кооперация между кровными родственниками есть нечто само собой разумеющееся; с другими она факультативна и добровольна.

В Горной провинции на Филиппинах существует также не родственная, а территориальная квартальная организация, охватывающая одну или несколько деревушек. Посредством ее стремятся сохранить постоянство, неизменность и структуру общества вне зависимости от родственных отношений (стр. 46). Эти квартальные организации могут расширяться или даже дать начало новой стпчковавшейся организации. Если же число ее членов уменьшается, такая организация может вобрать новых членов из других дсмов.

Нигде в Горной провинции, отмечает автор, террасовые рисовые поля или ирригационные системы не стали общей собственностью более крупных, чем семья, единиц, хотя близкие родственники имеют некоторые притязания на наследование рисовых полей в разных районах (стр. 47). В случае конфликтов с чужаками родственные группы у этих игоротов выступают заодно. Все члены этого объединения равны между собой, но внутренняя солидарность подрывается раздельным наследованием и множеством усвоений: «...дуальное разделение Сагада на противостоящие территориальные половины, двусторонние потомственные группы с их общими функциями, квартальная организация и личное родство могут рассматриваться в свете перспективы все возрастающего перенаселения и все большего взаимодействия» (стр. 48). «Система родства, имеющая широкий охват, но позволяющая устанавливать детальные дефиниции, служит задачам как связи с более широким коллективом, так и выделения основной семьи» (стр. 49). Заканчивая статью, автор подчеркивает необходимость лучшего изучения билатеральных институтов.

Чарльз Фрэйк (Стэнфордский университет) в статье «Восточные субанун о-ва Минданао» останавливается на социальной организации 70-тысячного населения п-ва Замбоанга, соединенного с центральными Минданао узкой полоской земли. Субанун занимаются земледелием, они культивируют рис и другие зерновые культуры. Автор отме-

чает, что языки субанун составляют подгруппу языков центральных Филиппин и подразделяются на два тесно родственных языка — восточной и западной субанун (стр. 52). В своей статье Ч. Фрэйк говорит подробно только о восточных субанун (численность их равна 55 тыс. чел.), среди которых он проводил полевую работу в 1953—1954 и 1957—1958 гг.

Автор с различных сторон разбирает в своей работе семейную организацию и семейные отношения, считая семью низшей социальной ячейкой общества субанун.

Работа Дж. Фримэна (Австралийский Национальный университет) посвящена ибан, или так называемым «приморским даякам», прото-малайскому населению западного Калимантана (Борнео). Большинство их в настоящее время живет в Сараваке, численность их на 1947 г. составляла 190 326 чел., или 34,8% всего населения Саравака (стр. 65). Это горный народ, основным занятием ибан является земледелие (возделывание суходольного риса). Автор проводил полевые исследования у ибан дважды: в феврале 1949 — январе 1951 и с декабря 1957 по март 1958 гг. Основное внимание Фримэн уделяет социальной структуре ибан и их системе родства и свойства. Автор детально разбирает организацию общины «длинного дома» ибан, состоящей из нескольких семей, насчитывающих обычно не более трех поколений. Фримэн останавливается также на брачных отношениях у ибан и на их малой семье. В отличие от некоторых других работ сборника, в этой статье в большей мере уделено внимание именно социальной организации и ее связи с отношениями родства у ибан.

Статья Р. М. Кунчаранинграта (Университет Индонезии, Джакарта) посвящена яванцам южных районов центральной Явы. Яванцы заселяют центральную и восточную части о-ва Ява. Они земледельцы, основной культурой является рис. В горных районах население выращивает на неорошаемых полях главным образом маниок.

В статье Р. М. Кунчаранинграта содержится интересный и во многом новый этнографический материал о яванцах. Автор останавливается на социальных слоях яванского общества, разбирает структуру яванской общины. Особенно интересны данные автора об обрядности всего жизненного цикла у яванцев и связанных с ним обычаях. Особый раздел в статье посвящен собственности и праву ее наследования. Кунчаранинграт разбирает также терминологию родства яванцев. Очень конкретная, эта работа оставляет ясное представление о некоторых сторонах жизни яванской общины.

Статья Е. Р. Лича (Кембриджский университет) «Сингалы засушливой зоны Северного Цейлона», несмотря на свой небольшой размер, также представляется очень ценной. Автор стоит на верном методологическом пути, рассматривая семейно-родственные отношения в самой тесной связи с экономической спецификой данного общества. «Не совсем верно будет сказать, что сингалы регулируют свою экономическую жизнь в соответствии с отношениями родства; вернее, их отношения родства являюся выражением того обычая, которым они регулируют свою экономическую жизнь» (стр. 123).

Можно только приветствовать проводимую автором борьбу против схематизма в английской этнографии. Лич прав, когда отмечает, что однолинейное наследование никогда не является только наличествующим или только отсутствующим: оно может присутствовать в разной степени.

Правоту Лича признает и Мардок в своей статье (стр. 9): он соглашается с тем, что «социальную структуру иногда лучше рассматривать как статистический итог многочисленных индивидуальных действий, чем как прямое отражение юридических правил; вывод самих юридических правил из этой «суммы индивидуальных действий» гораздо вернее, чем перенос английскими структуралистами центра тяжести на структурные принципы как на оказывающие давление на действия индивида, хотя и это имеет место как вторичное явление.

В засушливой зоне Цейлона, по Личу, земледелие целиком зависит от водохранилищ, которые определяют площадь орошаемых полей, а следовательно, и величину деревень. Хотя участки орошаемой земли находятся в частном владении и могут продаваться и передаваться по наследству, необходимость коллективного пользования водохранилищем играет гораздо более существенную роль. Группа семей, пользующаяся одним водохранилищем, обычно строго эндогамна. Заключение брака, его матрилокальность или патрилокальность (по принятой в сборнике терминологии — соответственно укзорилокальность и вирилокальность) тесно связаны с землевладением, со стремлением объединить земельные участки; так, «право» человека на кросс-кузенный укзорилокальный брак, т. е. на поселение с дочерью брата своей матери, объясняется тем, что он может быть наследником земли своей матери в ее родной деревне, т. е. в той же деревне, где его жена наследует землю своего отца.

Статья Т. Мабути (Токийский университет) «Аборигены Формозы» содержит ценные сведения о численности, группировке и расселении всех племён гаошань на Тайване. Автор сообщает также данные о размерах дворов и поселений, описывает характер поселения, собственности, наследования, родственных отношений и терминологии родства отдельных племён — атайял, бунун, пуюма, пайван и ами.

Статья Вэй Хуэй-линя (Тайваньский университет) на ту же тему опубликована в книге не полностью, так как опущен материал, дублирующий Мабути.

Работа его коллеги по университету Жуй И-фу посвящена одному из подразделений мяо, а именно «сорочым» мяо южной Сычуани. Они живут в горах у границы Гуйчжоу и Юньнани. Численность, в оценке автора, около 100 тыс. чел. Жуй И-фу работал среди этой группы мяо в 1943 г.

Жуй И-фу дает краткий обзор занятий, хозяйства, материальной культуры и обычаев этой группы мяо. Следует лишь иметь в виду, что приводимые автором сведения относятся к 1943 г. и что за истекшее время мяо Китая сделали громадный скачок буквально во всех областях жизни. Особо детально автор останавливается на терминологии родства у «сорочьих» мяо, что составляет основу его небольшого сообщения. Вызывает возражение замечание автора о том, что «мяо сегодня не имеют какого-либо чувства политического единства» (стр. 144). По-видимому, в этом случае над взглядами автора довлеет та исключительно реакционная политическая обстановка, в которой он работает.

Как видно из изложенного, представленные в сборнике статьи имеют разную ценность, но почти в каждой приводится новый фактический материал, а часто дается и не лишенная интереса его интерпретация. Вообще говоря, эти статьи не потеряли бы ничего в своей ценности, будь они опубликованы и порознь. Сведение же их воедино и снабжение общей редакторской преамбулой не создало из этих разнородных статей книги, связанной какой-то единой линией изложения. Содержание сборника не оправдывает его очень обязывающего названия. Он остался механической совокупностью разнородных статей, имеющих лишь некоторое тематическое сходство. Анализ терминологии родства далеко не исчерпывает всего содержания, вкладываемого в понятие «социальная структура». Тем не менее, читатели, интересующиеся затронутыми в них конкретными проблемами, связанными с этнографией некоторых народов Юго-Восточной и отчасти Восточной Азии, смогут найти в этих статьях полезные для себя данные и интересные соображения; для тех же, кто специально интересуется материалами по терминологии родства и родственным отношениям, издание этих статей одной книгой представляет значительное удобство. Следует только еще раз предупредить читателя, что общего представления о социальной структуре Юго-Восточной Азии он из этих статей не получит (за исключением отрывочных конкретных данных по некоторым народам), зато попутно он сможет найти много ценных сведений, не связанных по своему характеру с заглавием сборника.

С. Арутюнов, Ю. Журавлев

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Ю. П. Аверкиева. *Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки*. Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, н. с., т. LXX, М., 1961, 271 стр.

Среди теоретических вопросов, разрабатываемых марксистской историко-этнографической наукой, видное место всегда занимала проблема распада первобытно-общинного строя и становления классовых отношений. Общий механизм этого процесса был блестящим образом вскрыт еще в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. Однако задача детализированного анализа его конкретно-исторических вариантов продолжает стоять перед исследователями и сейчас. Одному из таких вариантов — формированию раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки и посвящена рецензируемая работа.

Книга Ю. П. Аверкиевой представляет собой капитальное исследование, в котором впервые в истории науки на обширном фактическом материале и с большой полнотой освещены особенности социально-экономического развития индейцев Северо-Запада в XVIII—XIX вв. Автор привлек наблюдения большого числа русских и зарубежных путешественников, посетивших северо-западное побережье Америки в этот период, фольклорные материалы, специальные работы американских этнографов, а также результаты собственных полевых исследований. Даже простая свodka и систематизация приводимых в книге сведений явились бы большим научным трудом, чрезвычайно полезным для этнографов и историков. Но автор пошел несравненно дальше. Хорошо владея марксистско-ленинской методологией, Ю. П. Аверкиева глубоко проанализировала собранный ею фактический материал и правильно сформулировала вытекающие из него общие тенденции и закономерности развития. Едва ли будет преувеличением сказать, что рецензируемая книга, подытоживающая труд Ю. П. Аверкиевой, начатый еще в довоенные годы и нашедший частичное отражение в ряде предварительных публикаций¹, является самым значительным вкладом, когда-либо сделанным советскими уче-

¹ Ю. П. Аверкиева, Рабство у индейцев Северной Америки, М., 1941; е е же, Пережитки материнского рода у квакиутлей, Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, н. с., т. II, М.—Л., 1947; е е же, К вопросу о тотемизме у индейцев северо-западного побережья Северной Америки, сб. «Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований», Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, н. с., т. LI, М., 1959; е е же, К истории общественного строя у индейцев северо-западного побережья Северной Америки (Род и потлач у тлинкитов, хайда и цимшиян), «Американский этнографический сборник», М., 1960.

ными в этнографическое исследование североамериканского континента.

Книга состоит из введения, содержащего общие сведения по этногенезу и социально-экономическому строю индейцев Северо-Запада, пяти глав, посвященных процессу классообразования у разных племен этой области (тлинкиты, хайда, цимшияне, квакиютли, нутка, береговые селиши, белла-кула), и заключения, в котором автор суммирует полученные результаты и, привлекая сравнительно-этнографические данные, убедительно показывает, что «материалы об общественной жизни племен северо-западного побережья Северной Америки дают новую неопровержимую аргументацию в пользу марксистско-ленинского учения о классах, об их исторической обусловленности и преходящем характере» (стр. 264). В каждой главе, в свою очередь, даются сведения об источниках исследования, этнической истории племени, производственной деятельности и формах собственности, имущественной и социальной дифференциации, особенностях и степени сохранности родовой организации, семейно-брачных отношениях, развитии соседских связей, потлаче, тотемизме и т. д. Правда, придирчивый критик мог бы заметить, что различные стороны базиса и надстройки общества северо-западных индейцев не всегда характеризуются в общепринятой логической последовательности. Так, во введении разделы о производстве и рабстве прерываются разделом об этногенезе; в главах, посвященных северной группе племен и нутка, разделы о рабстве преступают разделам о формах собственности; в одних главах характеристика родоплеменной организации предваряет, в других же — сопровождает характеристику экономических отношений. Аргюи такая композиция представляется недостаточно систематичной, но при внимательном ознакомлении с текстом оказывается, что она нередко облегчает раскрытие темы и углубленный анализ материала.

Теоретическое значение монографии Ю. П. Аверкиевой определяется, на наш взгляд, тремя главными обстоятельствами.

Во-первых, в книге исследуется не просто один из путей перехода от родового строя к классовому, но своеобразный вариант этого пути — вызревание классов у высоко специализированных рыболовов, не знавших земледельческого и скотоводческого хозяйства. Как известно, в буржуазной этнографической науке есть немало сторонников так называемой теории факторов, приписывающих какому-либо одному, отдельно взятому явлению, например развитию земледелия, исключительное и самодовлеющее воздействие на ход общественного развития. Тем более ценен собранный и проанализированный Ю. П. Аверкиевой материал, еще раз подтверждающий положение марксизма о том, что развитие общества определяется в первую очередь не направлением, а уровнем развития производительных сил.

Во-вторых, работа Ю. П. Аверкиевой наносит еще один серьезный удар широко распространенной в современной буржуазной, и прежде всего американской, социологии реакционной теории плурализма. Многие этнографы США стремились «обнаружить» у индейских племен северо-западного побережья Северной Америки принципиально различные пути исторического развития: у береговых селишей — исконный патриархат, у тлинкитов, хайда и цимшия — материнско-родовую организацию, а у белла-кула и квакиютли — состояние перехода от патриархата к матриархату. Приведенные Ю. П. Аверкиевой многочисленные фактические данные (в том числе и сведения, взятые из работ тех же американских этнографов) убедительно показывают, что все племена северо-западного побережья Америки прошли универсальную стадию материнско-родового строя и что, таким образом, «...никакое конкретно-историческое своеобразие не снимает основного положения исторического материализма о принципиальном единстве и закономерной поступательности исторического процесса» (стр. 258). Значение рецензируемой работы для разоблачения плуралистских концепций американских этнографов трудно переоценить, хотя оно, несомненно, несколько снижается из-за отсутствия особой историографической главы.

Наконец, в-третьих, книга много дает для выяснения механики вызревания частной собственности и раннеклассовых отношений. Привлекая тщательно подобранный, обширный и яркий материал, автор показывает на примере северо-западных индейцев, как постепенно, в повседневной борьбе с привычными отношениями родового коллективизма возникают частная собственность, расслоение в среде свободных общинников и патриархальное рабовладение. Особенно большое внимание уделено при этом потлачу, который Ю. П. Аверкиев совершенно правильно интерпретирует как «закономерную форму развития отношений частной собственности на определенном историческом этапе», появляющуюся там, где «в рамках первобытно-общинных отношений возникают условия для индивидуального обогащения и имущественной дифференциации, но живучесть норм общинно-родовых традиций препятствует накоплению частных богатств» (стр. 259). Данные этнографии Северной Америки позволили автору наметить четыре последовательных этапа эволюции потлача. На первом этапе, засвидетельствованном у дакотов, эскимосов и атапасков Аляски, еще господствует принцип уравнивания в имуществе, хотя и ведущий уже к упорочению общественного положения устройства потлача; на втором, обнаруженном у большинства племен северо-западного побережья, львиная доля богатств распределяется среди родовой верхушки; на третьем (береговые селиши) распределяется лишь часть богатств и, наконец, на четвертом (юроки, кароки) богатства вообще не распределяются, их только показывают собравшимся.

Правда, некоторые положения книги представляются нам не бесспорными. В тексте отдельных глав и в итоговом заключении Ю. П. Аверкиева проводит ту правильную

мысль, что перераспределение богатств при потлачах вело к укреплению общественного положения и власти их устроителей, приобретению ими престижа, привилегий и прав, а тем самым и к углублению социальных различий. Резюмируя эту мысль в заключении, автор пишет: «Диалектическая сущность потлача как института переходного этапа заключалась в том, что, будучи своеобразной формой перераспределения частных сокровищ, он в то же время утверждал социальное неравенство» (стр. 259). Но, как видно из приведенных в книге материалов, социальное неравенство было неотделимо от неравенства экономического. Прославившийся своей щедростью на потлачах «знатный» вождь легко добивался монополии на распоряжение лучшими рыболовными и охотничьими угодьями, получал на ответных потлачах наиболее богатые дары и т. д. Поэтому, говоря о диалектически противоречивой сущности института потлача, следовало бы, на наш взгляд, определеннее подчеркнуть его стимулирующую роль в развитии не только общественного, но и экономического неравенства, в становлении частной собственности. Потлач был разорением, но таким, которое вело к обогащению. В связи с этим отметим, что по существу, может быть, не так уж ошибался Боас, трактовавший потлач как систему принудительных ростовщических займов, но справедливо видевший в нем сделку, в конечном итоге чрезвычайно выгодную если не для самого устроителя, то для его детей.

Оспоримы и содержащиеся в книге характеристики отношений собственности на рыболовные и охотничьи угодья. Рассматривая земельную собственность северо-западных индейцев как находящуюся в состоянии перехода от общинной к частной, автор в одних и тех же случаях говорит то о владении или пользовании общинными землями, то об отдельной, то о частной собственности. Вопрос о путях становления частной собственности — один из центральных в книге, и Ю. П. Аверкиевой, несомненно, следовало оговорить принятый ею критерий частного землевладения, главный определительный признак той принципиальной грани, за которой кончается коллективная и начинается частная собственность на землю. Большинство советских исследователей видит этот признак в «...монополии известных лиц в распоряжении определенными частями земного шара как исключительными сферами их личной воли...»². Приведенные автором данные о многочисленных экономических привилегиях верхушки северо-западных индейцев позволяют считать, что последние уже знали эту монополию. Следовательно, они знали и частную собственность на землю, хотя, разумеется, в весьма ранней форме, далекой от законченных форм частного буржуазного землевладения.

Однако в самом наличии дискуссионных моментов нельзя не видеть еще одного крупного достоинства монографии Ю. П. Аверкиевой, поднявшей ряд сложных вопросов заключительного этапа истории первобытного общества и внесшей значительный вклад в их марксистскую разработку.

А. Першниц

² К. Маркс, Капитал, т. III, Госполитиздат, 1950, стр. 628.

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

Г. Л. Кессельбреннер. *Западный Ириан*. Изд-во Института международных отношений, М., 1960, 262 стр.

Голландия все еще незаконно удерживает Западный Ириан в качестве своей колонии. Этот факт с 1945 г., когда Индонезия завоевала независимость, стал историческим анахронизмом.

Советские люди проявляют большой интерес к древней и современной истории Западного Ириана, к культуре и быту его населения, к его борьбе против голландских колонизаторов. Между тем о Западном Ириане у нас написано мало. Н. Н. Миклухо-Маклай был здесь в 1874 г. всего около двух месяцев, к тому же с этого времени многое изменилось. Книга Э. Лундквиста¹ при всех ее достоинствах носит популярный характер. Статьи Н. Ф. Булыгина², О. И. Забозлаевой³, В. Николаева⁴, О. А. Нильсона⁵ посвящены вопросам географии, колониальной экономики, оценке событий последних лет, и не ставят перед собой цель всесторонне осветить хозяйство, культуру и быт ко-

¹ Э. Лундквист, Дикари живут на Западе, сокр. пер. с шведского, М., 1958.

² Н. Ф. Булыгин, К вопросу о воссоединении Западного Ириана с Индонезией, «Сов. Востоковедение», 1957, № 1.

³ О. И. Забозлаева, Западный Ириан, сб. «Последние колонии в Азии», М., 1958.

⁴ В. Николаев, Западный Ириан принадлежит Индонезии, «Современный Восток», 1959, № 7.

⁵ О. А. Нильсон, Новая Гвинея (физико-геогр. очерк), «Ученые записки Ленинградского гос. пед. ин-та», т. 35, вып. 4, 1957.

ренных жителей этой страны. Если упомянуть еще несколько газетных статей⁶, то этим по существу почти исчерпывается то, что можно прочесть о Западном Ириане на русском языке.

Книга Г. Л. Кессельбрэннера «Западный Ириан» несомненно вызовет интерес у советских читателей.

Цель книги — «показать полную необоснованность притязаний голландских колонизаторов на Западный Ириан, вскрыть фальшивые маневры империалистических держав по ирианскому (точнее, западноирианскому. — Н. Б.) вопросу, осветить национально-освободительную борьбу индонезийского народа, в том числе и населения Западного Ириана, против колонизаторов, за территориальную целостность своей родины, за полное уничтожение остатков колониализма. Одновременно рассматривается дипломатическая история голландско-индонезийских переговоров по ирианской проблеме и закулисная роль империалистов, приведших эти переговоры к провалу» (стр. 4—5).

В нашей рецензии мы остановимся лишь на тех рассмотренных в книге вопросах, которые прямо или косвенно относятся к области этнографии.

Коренные жители — папуасы — составляют 97% населения страны. На долю пришлого населения (из стран Европы и Азии) приходится всего 3%. В книге о Западном Ириане нельзя, конечно, обойти папуасов молчанием. Автор приводит краткие сведения об этническом составе папуасов, об их хозяйстве, общественном строе, искусстве, верованиях, а также об их языках. Надо сразу сказать, что в этих вопросах автор разбирается слабо. Из его книги читатель получит о папуасах Западного Ириана неполное, а главное — искаженное представление.

Автор утверждает, что племя в Западном Ириане насчитывает 100—200 человек (стр. 18), что совершенно неверно: тем самым автор приписывает папуасам такую племенную сверхраздробленность, какую у них не усматривали даже колонизаторы (если следовать автору, то в Западном Ириане при 1 млн. жителей должно было бы насчитываться 5—10 тыс. племен). Названия племен приводятся подчас в неверном написании («вароп» вместо варопен, «вадеси» вместо виндеси). Автор говорит о «многоплеменном» племени маринд-аним, хотя от этого племени уже в 1920-х годах в результате зверств колонизаторов мало что оставалось, а в настоящее время оно близко к вымиранию.

Характеризуя образ жизни папуасов, автор пишет: «Большинство населения побережья является водными номадами и вместо хижин живет в крытых лодках. В частности, в таких лодках обитают племена нумфор-биак» (стр. 19). Оставляя в стороне стиль («живет вместо хижин», «племена обитают в лодках»), следует сказать, что это утверждение ошибочно. Данные Маклухо-Маклая, на которые ссылается автор, относятся лишь к берегу Папуа-Ковий, т. е. к небольшой части всего побережья. С тех пор (1874 г.) положение здесь изменилось и население ныне ведет оседлый образ жизни. Таким образом, все коренное население Западного Ириана является оседлым.

В качестве основных источников по хозяйству и культуре папуасов автор привлекает сочинения Н. Н. Миклухо-Маклая (который о Западном Ириане написал мало), упомянутую выше книгу Э. Лундквиста и обзорную статью в журнале «Oceania» (1958, № 2). Но даже эти немногочисленные источники он использует плохо. Так, земледелие в Западном Ириане он характеризует по данным о береге Маклая (северо-восточная Новая Гвинея), хотя Миклухо-Маклай специально указывал: «Сравнивая образ жизни и этнологические особенности папуасов берега Ковий (Западный Ириан. — Н. Б.) и папуасов берега Маклая, мы находим большое различие между теми и другими»⁷. Автор подчас неправильно цитирует источники потому, что не понимает, о чем в них идет речь. Так, он утверждает, что племена мапи и мимика делятся на материнские роды, а племя маникион — на отцовские (стр. 22—23), хотя в источнике сообщается совершенно другое: у племен мапи, мимика и маникион счет происхождения ведется сразу по двум линиям, материнской и отцовской, при этом мапи и мимика отдают предпочтение линии матери, а маникион — линии отца. Он пишет, что некоторые племена делятся на две группы, между которыми допускаются браки (стр. 23), но в источнике говорится совсем другое: не племя и даже не род, а часть рода (lineage) делится на группы, притом обязательно на две. Он дает совершенно незерную характеристику социального слоя «бобот», опираясь на сообщения Э. Лундквиста, который в этом вопросе явно неправ, и отвергая результаты специальных и детальных исследований Элмберга, изложенные в нашей статье⁸. Описание религиозных представлений папуасов (стр. 27) так беспомощно, что на нем вообще не стоит останавливаться. Мало и плохо сказано о деятельности миссионеров (стр. 27—28).

На вопросе о языках Западного Ириана автор считает нужным «остановиться более подробно» (стр. 29). В этом вопросе надо видеть два различных аспекта. Во-первых, существует несомненное родство между языками Индонезии и языками прибрежных районов Западного Ириана. Это — результат длительных исторических связей между Индо-

⁶ О. Орестов, Борьба за Западный Ириан, «Правда», 26 июня 1953 г.; О. Четкина, Насущный вопрос, «Правда», 8 июня 1956 г.; ее же, Западный Ириан — земля индонезийская, «Правда», 15 ноября 1957 г.; Н. Орестовский, Западный Ириан — неотъемлемая часть Индонезии, «Литературная газета», 22 декабря 1956 г.

⁷ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. III, ч. I, 1951, стр. 194.

⁸ Н. А. Бутинов, Западный Ириан, «Сов. этнография», 1957, № 4.

лезией и Западным Ирианом. Во-вторых, в Западном Ириане широко распространен собственно индонезийский язык, ранее называвшийся малайским. Служба в церквях, обучение в школах ведутся на индонезийском языке. Таким образом, жители многих районов, наряду с родным, знают еще и индонезийский язык. Автор, к сожалению, не различает двух разных аспектов этого вопроса и приходит поэтому к неверным выводам. Он доказывает родство папуасских языков с индонезийским тем, что миссионеры говорят с папуасами по-индонезийски (стр. 30). Но папуасы в этих случаях говорят с миссионерами тоже по-индонезийски, а не на своих родных языках.

Одной из задач книги, как пишет сам автор, было «показать полную необоснованность притязаний голландских колонизаторов на Западный Ириан — исконную индонезийскую территорию» (стр. 5). Решая эту задачу, автор привлекает материалы по древней истории. Но здесь он также допускает ошибки.

В качестве основного источника по древней истории фигурирует книга Ризенфельда «Мегалитическая культура Меланезии» (*The megalithic culture of Melanesia*, 1950), весьма далекая от совершенства⁹. Автор неверно переводит само название книги («Культура каменного века Меланезии»), что свидетельствует о непонимании им существа дела. При цитировании он пишет об «иммигрантах, употреблявших каменные орудия» (стр. 48), в то время как у Ризенфельда речь идет об иммигрантах, возводивших из камня мегалитические сооружения. Недостаточное знакомство с предметом не дало автору возможности показать, что к моменту появления голландцев в Западном Ириане в тех районах, где сильно сказывается индонезийское влияние, папуасы отказались от употребления каменных орудий, так как получили от индонезийцев железные. Во всей работе нет ни одного упоминания об этом важнейшем факте.

Физико-географический очерк страны также содержит ряд ошибок. На карте, помещенной в конце книги, Новая Гвинея разделена на три части: Западный Ириан, Папуа и... Новая Гвинея. На деле северо-восточная часть острова носит в колониальных кругах название не «Новая Гвинея», а «Подопечная территория Новой Гвинеи» (в нее входят и некоторые острова Меланезии). По словам автора, остров разделен на две части горным хребтом (стр. 15), хотя на деле это не один, а целая система горных хребтов. Он уверяет, что связь западной части острова с восточной «сильно затруднена из-за глубоких горных ущелий и стремительных рек» (стр. 15), хотя в действительности единственной преградой является колониальная граница. Автор пишет о «районе Серуи, Япена и Варопена» (стр. 214), хотя Серуи — это поселок на острове Япен, а варопен — это название племени, а не района; он сообщает об озере Виссел (стр. 21), хотя на деле это не одно, а несколько озер.

Автор проявил неосторожность, взявшись писать о том, что он недостаточно хорошо знает. Не имея точных данных о специфике местных условий, он допускает ошибки и неточные формулировки и в других разделах книги. Так, он пишет, что колонизаторы лишили папуасов «свободы печати» (стр. 202), что было невозможно из-за отсутствия у папуасов самой печати.

В книге есть и другие недостатки. Можно, например, отметить ее не вполне четкую структуру (скажем, раздел четвертый из первой главы следовало бы перенести во вторую), неточность в названиях глав и разделов, неточность терминологии. В главе «Оккупация Западного Ириана голландскими колонизаторами» говорится лишь о событиях последних 15 лет, между тем Западный Ириан захвачен Голландией еще в 1828 г. Именно в эту главу следовало бы включить ту часть раздела «Тесные связи Индонезии с Западным Ирианом», в которой излагается история колонизации Западного Ириана. Автор нигде не дает сведений о численности пришлого населения. Он некритически и без всяких пояснений вводит термин «индоевропейцы» (стр. 217 и сл.; так называют в голландских источниках потомство от смешанных браков между индонезийцами и голландцами). Нам могут сказать, что мы обращаем на эти вопросы слишком большое внимание — ведь в книге им отведено в общей сложности всего лишь 26 страниц из 260, т. е. десятая часть. Но мы думаем, что в данном случае надо исходить не из того малого места, которое отведено этим вопросам, а из их большой важности.

И та десятая часть книги, которая нами разобрана подробно, серьезно снижает ценность всей книги даже в том случае, если бы остальные девять десятых были безупречны.

Как уже отмечалось, литература о Западном Ириане, имеющаяся на русском языке, невелика. Но автор почему-то нигде не ссылается на ценные статьи Н. Ф. Булыгина, О. И. Забозлаевой и В. Николаева о Западном Ириане, а также на работу О. А. Нильсона о Новой Гвинее, хотя эти труды были использованы им при написании книги (стр. 8).

Позорная колониальная система доживает свои последние дни. Порабощенные ранее народы рвут цепи и выходят на арену мировой истории как ее полноправные творцы. Мы должны знать правду об этих народах, хорошо представлять себе конкретные условия, в которых они живут, их хозяйство, культуру и быт.

В целом пример этой книги ясно свидетельствует, что этнографические знания совершенно необходимы для изучающих историю международных отношений.

Н. Бутинов

⁹ См. нашу рецензию на эту книгу в журн. «Сов. этнография», 1955, № 2.

СОДЕРЖАНИЕ

У	Задачи советской антропологии в свете решений XXII съезда КПСС	3
Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР		
	С. М. Мирхасилов (Ташкент). Культурное развитие узбекского кишлака Ниязбаши	8
✶	П. П. Охрименко (Гомель). О взаимосвязях народно-песенного творчества восточных славян	17
Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран		
	Д. Д. Тумаркин (Ленинград). Этнографическое изучение народов Океании в СССР	25
Вопросы этногенеза, палеоэтнографии и исторической этнографии		
У	Джемс А. Форд (Нью-Йорк). Количественный метод установления археологической хронологии	32
✶	Г. М. Бонгард-Левин (Москва). Хараппская цивилизация и «арийская проблема»	44
	Э. Р. Тенишев (Москва). Этнический и родоплеменной состав народности юйгу	59
Дискуссии и обсуждения		
	Б. И. Шаревская (Москва). О характере власти вождей у народов Тропической Африки в доколониальный период	67
	Н. И. Высоцкая (Москва). О роли вождей у фанг и баконго	71
Сообщения		
	А. С. Петров (Москва). Движение за коммунистический труд и совершенствование общественных отношений	76
	А. П. Окладников (Ленинград). Новое в изучении древнейших культур Монголии (по работам 1960 г.)	83
	Ф. Б. Флореску (Бухарест). Лепная жгутовая керамика из долины реки Муреш	91
Хроника		
✶	Н. И. Мамонова, Т. С. Сурнина (Москва). Выставка работ М. М. Герасимова	95
	Т. Файзиев (Ташкент). Музей истории Академии наук Узбекской ССР	103
Personalia		
	Юбилей профессора В. В. Бунака	105
	Б. Н. Путилов (Ленинград). В. М. Жирмунский как фольклорист (к 70-летию со дня рождения)	107
Критика и библиография		
Народы СССР		
	Л. Ефремова, М. Слава, Э. Чивкуль (Рига). Л. Н. Терентьева, Колхозное крестьянство Латвии	111
	Л. Феоктистова (Москва). Mulgi kirikindad ja kirisukad (Vanavara salvest)	113
	В. Крулянская (Москва). Шихберды Аннаклычев. Быт рабочих-нефтяников Небит-Дага и Кум-Дага	115
✶	В. Гинзбург (Ленинград). Т. А. Трофимова. Древнее население Хорезма по данным палеоантропологии	117
✶	Т. Чиковани (Тбилиси). А. Робакидзе. К истории пчеловодства	119
	Н. Воробьев (Казань). «Вопросы этнической истории мордовского народа»	121
	В. Сорокин (Ленинград). С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы	124
Народы зарубежной Европы		
	В. Алексеев (Москва). М. Попов (в сотрудничестве с Г. Г. Марков). Антропология на болгарский народ	131
Народы зарубежной Азии		
	С. Арутюнов, Ю. Журавлев (Москва). Social structure in Southeast Asia	133
Народы Америки		
	А. Першиц (Москва). Ю. П. Аверкиева. Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северозападного побережья Северной Америки	137
Народы Океании		
	Н. Бутинов (Ленинград). Г. Л. Кессельбренер. Западный Ириан	139

SOMMAIRE

Problèmes d'anthropologie soviétique en lumière des décisions du XXII congrès du Partie Communiste de l'U.R.S.S.	3
Matériaux et recherches sur l'ethnographie et l'anthropologie de l'URSS	
S. M. Mirkhassilov (Tachkent). Evolution culturelle du kichlak Niazbachi	8
P. P. Okhrimenko (Gomel). Des corrélations et des liens réciproques des chan- sons populaires des Slaves d'Orient	17
Matériaux et recherches sur l'ethnographie et l'anthropologie des pays étrangers	
D. D. Toumarkine (Léningrad). Etude des peuples d'Océanie en URSS	25
Problèmes d'ethnogénèse, de paléoethnographie et d'ethnographie historique	
J. A. Ford (New York). Méthode quantitative d'établissement de la chronologie archéologique	32
G. M. Bonhard-Lévine (Moscou). La civilisation harappe et le problème aryen	44
E. R. Ténichev (Moscou). Composition ethnique et tribu-clanale du peuple youighou	59
Discussions et délibérations	
B. I. Charevskaja (Moscou). Du caractère du pouvoir des chefs chez les peuples de l'Afrique Tropicale avant la période de colonisation	67
N. I. Vyssotzkaïa (Moscou). Du rôle des chefs chez les fang et bakongo	71
Communications	
A. S. Petrov (Moscou). Mouvement pour le travail communiste et le perfection- nement des rapports sociaux	76
A. P. Okladnikov (Léningrad). Du nouveau dans l'étude des cultures les plus anciennes de Mongolie (d'après les travaux de 1960)	83
B. F. Florescu (Boukharest). Céramique sculptée en tortillons de la plaine de la rivière Moureche	91
Chronique	
N. N. Mamonova, T. S. Sournina (Moscou). Exposition des travaux de M. M. Guerassimov	95
T. Faïsiev (Tachkent). Musée d'Histoire de l'Académie des Sciences de la RSS d'Ouzbekistan	103
Personalia	
Jubilée du professeur V. V. Bounak	105
M. M. Poutilov (Léningrad). V. M. Girmounsky — folkloriste (pour son 70-ième anniversaire)	107
Critique et bibliographie	
Peuples de l'URSS	
L. Efremova, M. Slava, E. Tchivcou (Riga). L. N. Terentieva. Paysanne- rie des kolkhozes en Lettonie	111
L. Feoktistova (Moscou). Mulgi kirikindad ja kirisukad (Vanavara salvest)	113
V. Kroupianskaïa (Moscou). Ch. Annaklytchev. Mode de vie des travailleurs pétroliers de Nebit-Dagh et de Koum-Dagh	115
V. Guinsbourg (Léningrad). T. A. Trofimova. Les anciens habitants du Khores- me d'après les données de paléoanthropologie	117
T. Tchikovani (Tbilisi). A. Robakidze. De l'histoire d'apiculture	119
N. Vorobiev (Kazan). Problèmes de l'histoire ethnique du peuple mordovien	121
V. Sorokine (Léningrad). S. S. Tchernikov. Kazakhstan oriental à l'âge de bronze	124
Peuples de l'Europe étrangère	
V. Alexéiev (Moscou). M. Popov (en collaboration avec G. G. Markov). Antro- pologia na bolgarskija narod	131
Peuples d'Asie étrangère	
S. Aroutiounov, J. Jouravlev (Moscou). Social Structure in South East Asia	133
Peuples d'Asie étrangère	
A. Perchitz (Moscou). J. P. Averkiva. Désagrégation de la commune clanale et formation des relations primitives de classes chez les indiens de la côte nord- ouest de l'Amérique du Nord	137
Peuples d'Océanie	
N. Boutinov (Léningrad). G. L. Kesselbrenner. L'Iriane d'Ouest	139

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

КНИГИ ПО ЭТНОГРАФИИ

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ ПО ПЛАНУ 1962 ГОДА:

Африканский этнографический сборник, IV. Институт этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. 28 л. 1 р. 80 к.

Африканский этнографический сборник, V. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. 24 л. 1 р. 60 к.

Восточноазиатский этнографический сборник, II. Институт этнографии им. Н. И. Миклухо-Маклая. 32 л. 2 р. 10 к.

Гаджиева С. Ш. Кумыки в XIX — начале XX века. Историко-этнографическое исследование. Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского филиала АН СССР. 35 л. 2 р. 30 к.

Кавказский этнографический сборник, III. Институт этнографии им. Н. И. Миклухо-Маклая. 35 л. 2 р. 10 к.

Краткие сообщения Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Вып. 36. 8 л. 50 коп.

То же, вып. 37. 8 л. 50 коп.

Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. III. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. 50 л. 3 руб.

Народы Индостана. (Серия «Народы мира»). Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. 77 л. 4 р. 80 к.

Народы Кавказа. Второй полутом. Народы Закавказья. (Серия «Народы мира»). Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. 68 л. 4 р. 30 к.

Народы мира. Численность и расселение. Справочник. (Серия «Народы мира»). Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. 40 л. 2 р. 60 к.

Объяснительная записка к «Карте народов мира» в масштабе 1:15 млн. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. 6 л. 35 коп.

Объяснительная записка к карте народов Индонезии и Филиппин. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. 4 л. 30 коп.

Океанийский этнографический сборник, II. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. 30 л. 2 руб.

Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра I. Институт археологии. 15 л. 90 коп.

Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. 30 л. 1 р. 80 к.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАКАЗЫ ПРИНИМАЮТСЯ МАГАЗИНАМИ
КНИГОТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГА».

Для получения книг почтой заказы направлять по адресу:

**Москва, Центр, Б. Черкасский пер., 2/10, Магазины «Книга—почтой»
конторы «Академкнига»**

или в ближайший магазин «Академкнига».

Адреса магазинов «Академкнига»:

Москва, ул. Горького, 6 (магазин №1); 1-й Академический проезд, 52/5 (магазин №2); Ленинград, Литейный проспект, 57; Свердловск, ул. Белинского, 71-в; Киев, ул. Ленина, 42; Харьков, Горяиновский пер., 4/6; Алма-Ата, ул. Фурманова, 129; Ташкент, ул. Карла Маркса, 29; Баку, ул. Джапаридзе, 13

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
----------	--------	------------	----------------

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Советская этнография» в 1956—1960 гг.

17, 1-я колонка	3 сн.	схема	сессия
20, 2-я колонка	20 и 21 сн.	цзинго	цзинпо
21, 2-я колонка	34 св.	натонга о. Табу	на о. Тонгатабу
30, 1-я колонка	4 св.	Иркутск	Иркутск — 186

Журнал «Советская этнография» № 6 1961 г.

18	3 св.	мастеров можно назвать Елбаева, талантливого скульптора малых	матовом фоне слегка обработанной резцом кости (рис. 6)
140	27 св.	несчетного	нечетного
142	1 сн.	Lugdini	Lugduni
143	5 сн.	revolução	revoluçao
149	5 св.	ного	нового
	2 сн.	Stauley	Stanley

Журнал «Советская этнография» № 1 1962 г.

16	3 сн.	featlres communities	features community
30	5 сн.	океанский	океанийский
37	22 сн.	Лейк Лукс	Лейк Луис
51	21 св.	Ирака	Ирана
	19 сн.	уничтожающих	уничтоживших
86	5 сн.	лесом	лѣссом
97	1 сн.	славян и кривичей	славян-кривичей
99	3 колонка 12—13 св.	около г. Вюртемберга	в местн. Вюртемберг
101	4 колонка 1—2, 4—5 сн.	А. Н. Барнштам	А. Н. Бернштам
102	1 колонка 3—4 сн.	министр Николаевской ж. д.	министр путей сообщения
129	11 св.	С. С. Черняковым	С. С. Черниковым
136	36 св.	сигналы	сингалы
143	6 сн.	d' Asie étrangère	d' Amèrique